

СОДЕРЖАНИЕ

Том 42, № 4, 2021

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработки ученых Института психологии РАН

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко

5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями жизни

*А. В. Махнач, А. И. Лактионова, Ю. В. Постылякова, И. А. Горьковая,
А. В. Микляева, Н. М. Сараева, А. А. Суханов, Л. Терон, М. Унгар*

16

Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования

Т. А. Нестик

28

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Экономико-психологическая зрелость личности в разных условиях вторичной экономической социализации: разработка проблемы и результаты исследований

Т. В. Дробышева

40

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Влияние системы референции на конструирование образа мира в психологии и физике

В. Ф. Петренко, А. П. Супрун

50

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Гетерохронность развития диалектического мышления у детей старшего дошкольного возраста

Н. Е. Веракса, О. В. Алмазова, З. В. Айрапетян, К. С. Тарасова

59

Времяпрепровождение детей и подростков как показатель их благополучия

И. В. Лето, С. В. Логинова

74

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Компетенции как симптомокомплексы: биологическая и социальная детерминация

В. А. Толочек, А. С. Машкова

86

Инновационное сознание управленческих кадров: возможности психологической оценки

*Г. М. Аванесян, Г. В. Акопов, Л. С. Акопян, М. В. Ермолаева,
Д. В. Лубовский, С. Солотарев*

97

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Мировоззрение как психологический феномен в обыденном представлении россиян

Д. А. Китова, А. Л. Журавлев

106

ДИСКУССИЯ

Проблема вариативности социально-психологических последствий внедрения новых технологий

С. В. Фролова

118

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Мухану Атеновичу Перленбетову — 60 лет

123

* * *

Воловикова Маргарита Иосифовна

127

CONTENTS

Vol. 42, No. 4, 2021

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS IN PSYCHOLOGY

Analysis of Modern Concepts in Psychology. Part II. Concepts by Scientists of the Institute of Psychology RAS

A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko

5

SOCIAL PSYCHOLOGY

Comparative Analysis of Youth Resilience from Regions with Different Cultural, Social and Environmental Conditions of Life

*A. V. Makhnach, A. I. Laktionova, Yu. V. Postylyakova, I. A. Gorkovaya,
A. V. Miklyaeva, N. M. Sarayeva, A. A. Sukhanov, L. Theron, M. Ungar*

16

Socio-Psychological Predictors and Types of Personal Long-Term Orientation

T. A. Nestik

28

ECONOMIC PSYCHOLOGY

Economic-Psychological Maturity of a Personality Under Different Conditions of Secondary Economic Socialization: Statement of the Problem and Research Results

T. V. Drobysheva

40

COGNITIVE PSYCHOLOGY

The Influence of Reference System on Construction of World Image in Psychology and Physics

V. F. Petrenko, A. P. Suprun

50

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Heterochronicity of Dialectic Thinking Development in Preschool 5–7-Years-Old Children

N. E. Veraksa, O. V. Almazova, Z. V. Airapetyan, K. S. Tarasova

59

Leisure Activity of Children and Adolescents as Indicator of their Well-Being

I. V. Leto, S. V. Loginova

74

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Competences as Symptomocomplexes: Biological and Social Determination

V. A. Tolochev, A. S. Mashkova

86

Innovative Consciousness of Management Staff: Opportunities for Psychological Assessment

*G. M. Avanesyan, G. V. Akopov, L. S. Akopian, M. V. Ermolaeva,
D. V. Lubovsky, S. Solotareff*

97

PSYCHOLOGY AND SOCIETY

World View as a Psychological Phenomenon in the Ordinary Perception of the Russians

D. A. Kitova, A. L. Zhuravlev

106

DISCUSSION

The Problem of Variability of Socio-Psychological Consequences of New Technologies' Adoption

S. V. Frolova

118

OUR JUBILEES

Мухану Атеновичу Перленбетову — 60 лет

123

* * *

Volovikova Margarita Iosiphovna

127

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.922.73

**АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОНЯТИЙ В ПСИХОЛОГИИ.
ЧАСТЬ II. РАЗРАБОТКИ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА
ПСИХОЛОГИИ РАН**

© 2021 г. А. Л. Журавлев*, Е. А. Сергиенко**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, стр. 1, Россия.

**Академик РАН, профессор, научный руководитель.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.*

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 13.03.2021

Аннотация. Вторая часть статьи посвящена анализу современных понятий психологической науки, разрабатываемых учеными Института психологии РАН. Рассматриваются следующие понятия, используемые как в общей теории современной психологии: Индивидуальный и Коллективный субъект, Менталитет, Психологические отношения, Интеллект, Инсайт; так и применяемые в современных отраслях психологии: Модель психического, Контроль поведения, Социальные представления, Коллективный образ будущего, Дискурс, Интенция, Дискурсивные способности, Специальные способности, Стили деятельности, а также понятия, употребляемые в прикладных отраслях психологии: Жизнеспособность, Субъективный возраст, Компенсация, Психологическое здоровье, Счастье, Патриотизм. Проведенный в первой части статьи анализ истории и опыта классификации понятий отечественными психологами (К.К. Платонов, Я.А. Пономарев, Л.И. Анцыферова, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, В.А. Петровский), а также их сравнение показали, что, несмотря на стройность и конструктивность идей предшественников, существуют явные трудности категоризации психологических понятий в предложенных координатах, что связано с изменением общенаучных методологических принципов: переходом от классической к неклассической и постнеклассической методологии метамодерна. Во второй части статьи выделяются отличительные особенности современных понятий, а также предложена их сетевая структура с выделением узловых метапонятий (индивидуальный и коллективный субъект), отражающая тенденции теоретических поисков в психологии. Сеть современных понятий — новый этап развития методологии науки, этап метамодернизма, с максимальной пластичностью понятийных полей, сетевым принципом их организации, иным типом построения понятий, нарастающими сложностью, динамичностью, латентностью, антиномичностью. Авторы отдают отчет в ограниченном характере этого анализа и его дискуссионности. Данная попытка — это приглашение к диалогу и продолжению поисков.

Ключевые слова: метамодернизм, сетевой принцип, интегративность понятий, субъектность, метапонятия, зонтичные понятия, антиномичность понятий, латентность.

DOI: 10.31857/S020595920016002-8

Проведенный в первой части статьи анализ опыта систематизации понятий показал, что, несмотря на высокую креативность и общетеоретическую значимость, предложенные в предшествующих исследованиях решения о понятийных сетках или выводимости из частных понятий общих в период методологических изменений требуют существенного пересмотра и развития. Показано, что опыт систематизации понятий в психологии и отмечающиеся

сдвиги в развитии различных подходов в сторону размывания жестких границ и взаимовлияний усиливают тенденции межпарадигмальности в научных школах, позволяют перейти к анализу современных понятий, которые разрабатываются в Институте психологии РАН и представлены в коллективном труде “Разработка понятий современной психологии” [19].

СОВРЕМЕННЫЕ ПОНЯТИЯ В МЕТОДОЛОГИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА

Проводя анализ постмодернизма в науке XX в., М.С. Гусельцева выделяет следующие основные его черты: толерантность, креативность, “сверх-рефлексивность — сосредоточенность на многомерности, на возможных ходах мысли оппонента...” [5, с. 657]. Эта методология отвечала сомнениям и изменениям современности, с ее радикальными сдвигами в социальной организации, усилением ценности индивидуальности человека, его уникальности, росту гуманистических ценностей. Изменения, происходящие в XXI в., привели к динамике в методологии науки. В ответ на вызовы современного мира (нарастание сложности, неопределенности, уникальности и разнообразия, разрыв линии прогресса и нарастания регрессивных тенденций) возник метамодернизм как эпистемология современной науки [3; 4]. Для новой интеллектуальной стратегии характерна не дихотомия (и/или), а континуум возможных поисков и решений (и/и). “Тем не менее метамодернистская эпистемология служит удачной интегрирующей концептуальной рамкой для сетевой неструктурированности, принципа антиномий, эпистемологии сложности и латентности” [5, с. 660]. Ведущей метамодернистской стратегией становится сочетание продвижения и раскачивания, что создает поле напряжения для новых решений, порождения новых понятий, концепций, методов, соотношений теории и практики. Все это означает ведущую роль субъекта как научного творца, его методологических выборов и возможностей поисков в условиях нарастающей неопределенности и противоречивости.

Такому методологическому повороту соответствуют особенности современного общества: нарастание неопределенности и желание определенности; нарастание глобализма и утверждение локального своеобразия; рост национализма и утверждение общегуманитарных ценностей; рост жестокости, агрессивности, отчужденности и повышение значения уникальности человеческой жизни, личности и возрастание роли коллективистических сообществ; появление информационного общества с изменением понимания пространства и времени, изменением коммуникаций — их виртуализацией, краткостью, иными законами речи, нарастанием роли визуальной информации, интенсивности обменов и необходимостью самопрезентации (как предъявление и сохранение себя) в общем доступном информационном пространстве глобального общества. Информационные технологии изменяют деятельность и сознание

человека, его субъективность, размываются границы автора и читателя, происходит смещение ролей творца и зрителя — интерактивность в создании произведений искусства, вмешательство в конструирование реальности. Совмещение, смешивание таких противоречивых явлений и тенденций, в свою очередь, требует антиномичности. “В свете принципа антиномий, чем глубже человек осваивает универсальные ценности, тем сильнее он индивидуализируется и обретает творческое своеобразие” [5, с. 640].

С позиций выделенных тенденций развития науки проводился анализ современных понятий. В коллективном труде “Разработка понятий современной психологии” [19] было проанализировано 21 понятие, которые условно разбиты на три раздела: “Понятия в общей теории современной психологии” (6 понятий): *Индивидуальный и Коллективный субъект, Менталитет, Психологические отношения, Интеллект, Инсайт*; “Понятия в современных отраслях психологии” (9 понятий): *Модель психического, Контроль поведения, Социальные представления, Коллективный образ будущего, Дискурс, Интенция, Дискурсивные способности, Специальные способности, Стили деятельности* и “Понятия в прикладных отраслях психологии” (6 понятий): *Жизнеспособность, Субъективный возраст, Компенсация, Психологическое здоровье, Счастье, Патриотизм*.

Аналитическая работа показала, что современные понятия никак не вписываются либо только частично вписываются в плеяды и кластеры понятийной сетки А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [12; 14] (см. часть I данной статьи). Также они никак не могут быть представлены совокупностью частных понятий, образующих общепсихологические понятия в системе К.К. Платонова [15]. Здесь налицо смена методологического принципа психологической науки и его переход от постнеклассического к пост-постнеклассическому (метамодернизму) с его сетевой неструктурированностью, принципом антиномий, эпистемологией сложности и латентностью. Более того, представляется, что современные понятия содержат в себе в явном и неявном виде все базовые психологические понятия, выделенные в сетке Петровского и Ярошевского: “Я”, Мотив, Действия (Активность), Образ (Репрезентации), Переживания, Интеракции (Отношения), Ситуации. Кроме того, они включают в себя и понятия, относимые ими к метапсихологическим: Личность, Ценность, Деятельность, Сознание, Чувство, Общение, Персоносфера. Например, если взять даже понятия, условно обозначенные как частные или базисные, например понятие

Социального представления, то уже возникает необходимость обращения к “Я”, Мотиву, Действию, Образу (репрезентации), Переживанию, Отношению, Ситуации, с обращением к понятиям Личности, Ценности, Деятельности, Сознания, Чувства, Общения, Персоносферы. Или понятие Интеллекта также включает все перечисленные базовые и метапсихологические понятия. Однако в сети понятий выделяются метапонятия Индивидуального [22] и Коллективного субъекта [7], которые вбирают в себя фактически все понятия и базового, и метапсихологического, социоцентрического уровней (Человек, Идеал, Свобода, Разум, Экзистенция, Соучастие, Эйкумена).

Здесь следует указать, что понятие субъекта отсутствует в классификации А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Но меридиан (кластер) Субъектности представляет на разных категориальных уровнях его свойства: Избирательность — Аффективность — Переживание — Чувство — Экзистенция как нарастание степени сложности от биосферы к ноосфере (см. часть I статьи, табл. 1). Однако в другой работе А.В. Петровского и В.А. Петровского [13] появляется понятие субъекта, которое обозначается как базовая психологическая категория, над которой вышестоящее образование в кластере “Я” на макроуровне, который тождествен метауровню в предыдущей схеме, и самый высший уровень Личности. Но в этой классификации уже нет понятия Человека. Субъект занял место в плее базовых категорий. Принципы построения категориальной сетки остаются теми же. В таком случае Личность как наивысшая категория становится наивысшей инстанцией, вбирающей в себя и базовую категорию субъекта. Такая позиция отражает понимание сути субъекта В.А. Петровским как проявление личности и рассматривалась нами при анализе его концепции [20].

Представляется, что современные понятия суть аккумулированные понятийные структуры психологической науки, которые в разной степени становятся латентными, обобщенными, создавая сложные конгломераты в виде интегративных понятий и междисциплинарных комплексов [25]. Здесь можно сравнить современные понятия с понятиями, присущими экспертам. В работе М.А. Холодной [26] было показано, что экспертам трудно эксплицировать критерии своих оценок, поскольку их ментальные структуры, лежащие в основе экспертного мнения, максимально интегрированы, обобщены, содержат в латентном состоянии большое число концептуальных структур, расчленение которых вызывает сложности и часто ведет к потерям основы суждения. То есть концепты, которые

были актуализированы на предыдущих стадиях развития концептуальных схем, перешли в состояния максимальной интегрированности, стали имплицитными, достигая нерасчлененности и интуитивности в оценке ситуации. Аналогично происходит и с историей развития современных понятий, которые перешли на уровень интегративных комплексов, вобравших в себя предыдущие стадии концептуального анализа. Все авторы отмечают интегративность выделяемых понятий и их междисциплинарный характер.

Таким образом, можно фиксировать эпистемологическую сложность и латентность, где научный дискурс задает возможные решения при гибкости понятийной сети. Антиномичность понятийной сети можно проиллюстрировать на примере соотношения понятий Индивидуального и Коллективного субъекта как видимых противоречий между единичным и общим, частным и универсальным. Однако это кажущееся противоречие, поскольку в данных понятиях заложены их тесное взаимодействие и взаимоотношения. Коллективный субъект состоит из индивидуальных субъектов разной степени сложности, что порождает и напряжение внутри него. С другой стороны, Индивидуальный субъект включает коллективные цели, идеалы, коллективную рефлексию, потребность отношений с Другими, способности понимать и интерпретировать мир в координатах Я — Другой, проникновение в социальные представления, чувства, переживания, коллективные смыслы и временную перспективу. То есть антиномия индивидуальный и коллективный субъект создает постоянное движение, напряжение, раскачивание и развитие и того, и другого понятия, его полидетерминацию, саморазвитие и реализацию.

Таким образом, данные примеры показывают, что современная понятийная сеть (рассмотренная только в рамках представленных понятий) обладает признаками пост-постнеклассической методологии (метамодернизма). Во-первых, даже приведенные примеры понятий свидетельствуют о невозможности матричной классификации. Несомненно, современные понятия описываются только по сетевому принципу, но с выделением условно узловых понятий (Индивидуального и Коллективного субъектов). Понятия обладают многоаспектностью, нарастающей сложностью, включающей многие концептуальные структуры, образующие интегративные понятийные конгломераты, для которых характерны латентность и субъектность построения. А.Л. Журавлев подчеркивает: «Одним из бесспорных теоретических достоинств понятия “субъект” является его интегральный характер

и возможность использования в психологии для обозначения характеристик как индивида (“индивидуальный субъект”), так и группы (“групповой, коллективный субъект”). То есть понятие “субъект” позволяет выявлять общее в психологических свойствах личности, малой и большой группы и общества в целом» [7, с. 119]. Схема сетевой организации рассматриваемых понятий представлена на рис. 1.

НОВЫЕ ПОНЯТИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Проведенный анализ в рамках рассматриваемых конструкторов свидетельствует о появлении новых понятий в современной психологии. Это понятия *Модели психического*, *Контроля поведения*, *Субъективного возраста*, *Жизнеспособности*. Они имеют непродолжительную историю и отражают общие тенденции психологической науки к интегративным конструктам, основанным как на парадигмальных пересечениях, так и на междисциплинарных связях. Так, например, понятие *Модели психического* (Theory of mind) возникло на пересечении разных областей психологической науки: когнитивной, социального познания, психолингвистики, метакогнитивного подхода. Проведенное

сравнение понятий модели психического, социального познания, ментализации, “чтения психического”, социального и эмоционального интеллекта показало, что они связаны с понятием модели психического, но детализируют и расширяют поле изучения, порождая новую перспективу в разработках представлений о внутреннем мире человека, его понимании социального мира. Модель психического может рассматриваться как психологический механизм и социального познания, и ментализации, и “чтения психического”, социального и эмоционального интеллекта. Обоснование данного понятия послужило основой развития подхода “модель психического”, вызвало взрыв исследований данной интегративной способности понимания социального мира и себя в нем, к сожалению, в основном в зарубежной психологии. Так, число обращений к данному термину с 1975–1980-х до 2010–2015-х годов возросло почти в 50 раз, что свидетельствует о значительном научном интересе и признании данного понятия [24].

Другой пример связан с понятием *Жизнеспособности*. Понятие “жизнеспособность” (resilience) первоначально было разработано в физике материалов, затем появилось в биологии, философии, экологии, социальных науках. Концепция жизнеспособности утверждается в качестве доминирующей

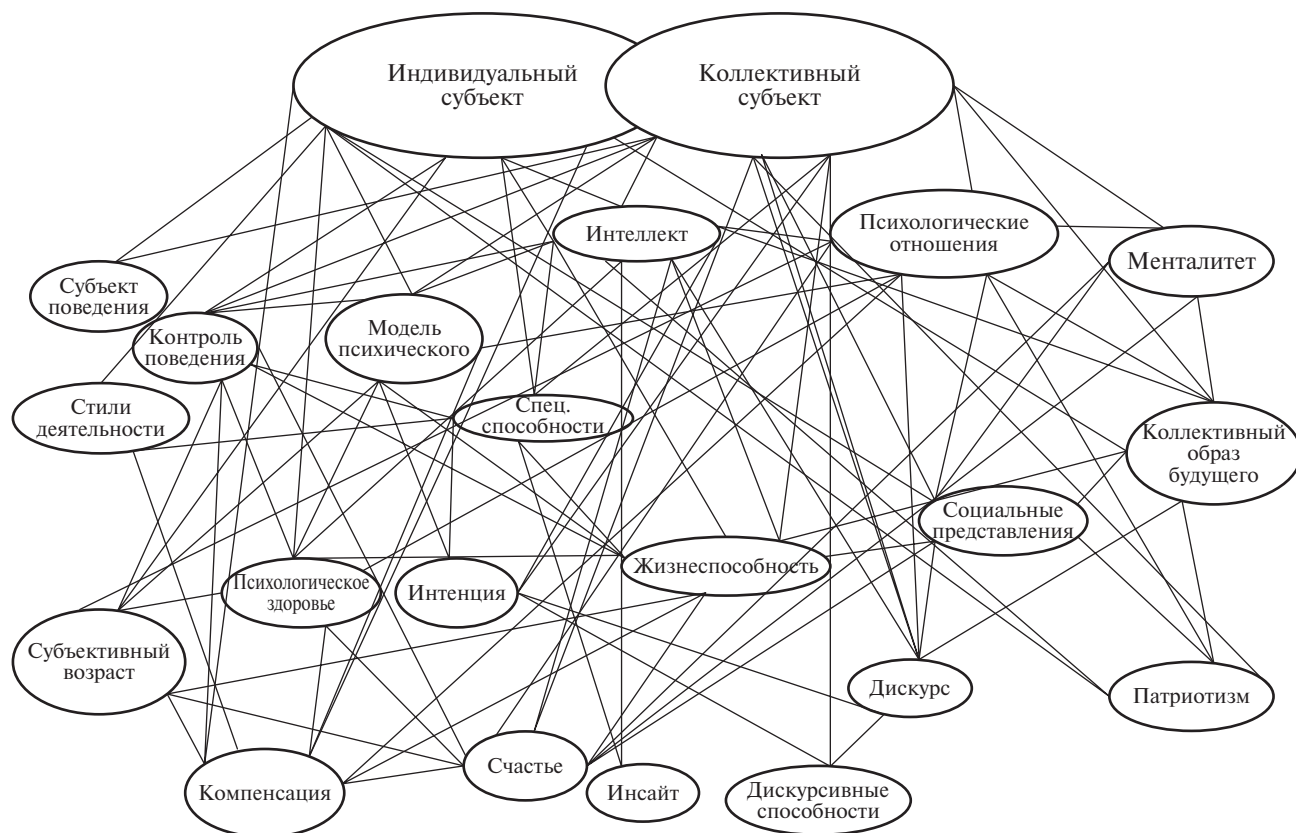

Рис. 1. Сеть представленных понятий

в области управления системами, природными и человеческими ресурсами. То есть изначально оно даже не было психологическим или биологическим, носило скорее междисциплинарный и универсальный характер, обозначая формы активности и адаптивности систем и сохранение ими упругости, способности к восстановлению при внешних воздействиях. В психологической науке оно развивается на пересечении психологии развития, социальной психологии, психофизиологии, психологии и др., становится междисциплинарной областью (социологии, экологии, например, экологическая жизнеспособность), широко востребованным практикой конструктом [10]. В психологической науке данное понятие только последние десятилетия начало интенсивно изучаться, при этом оно претерпело изменения: сместился фокус интереса — от концентрации работ на защитных механизмах к поиску внешних и внутренних детерминант развития, изучению особенности развития данной способности в разные периоды детства и в популяции, а также анализу микро- и макросистемных воздействий экологических систем (природных и социальных). А. В. Махнач указывает, что современное представление о жизнеспособности включает в себя способность человека как к восстановлению и преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств и событий, так и выходу на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы. Данное понятие не может быть сведено к таким феноменам, как защитные механизмы личности, способность к совладающему поведению, локус контроля, сила духа или ресурсы человека, хотя и тесно взаимосвязано с ними. Он считает, что «развитие психологии как науки закономерно приводит к появлению понятий, которые являются во многом зонтичными с широким интерпретационным полем. Жизнеспособность можно рассматривать как “зонтичный” термин для психологических ресурсов, которые имеют решающее значение для человека. В таком понимании термин становится еще более обобщающим и менее формализованным, что, несомненно, увеличивает сложность сопоставления результатов различных исследований, поскольку налицо отсутствие согласованности по всему понятийному полю» [10, с. 549–550]. Рассматривая жизнеспособность как зонтичный тип понятия, автор указывает на его онтологическую связь и взаимопересечение с другими понятиями: Индивидуальные психологические ресурсы, Личностный потенциал, Саморегуляция, Совладение, в контексте экологических систем, к которым можно добавить Контроль поведения, Интеллект, Психологические отношения. Это

не противоречит зонтичному типу данного понятия, а означает его сложность и интегративность.

Как было показано, *Контроль поведения* составляет ресурсную индивидуальную основу жизнеспособности человека. Это новое для психологической науки понятие, не сводимое к понятиям саморегуляции, когнитивной, волевой или эмоциональной регуляции поведения [23]. Оно представляет индивидуальное сочетание ресурсов человека, позволяющее реализовать его способности (когнитивные, эмоциональные, волевые) и создающее уникальный индивидуальный паттерн регулятивных возможностей субъекта. Теоретическое и эмпирическое обоснование данного конструкта еще требует решения многих вопросов о соотношении внутренних и внешних ресурсов, ограничениях и возможностях интерпретации контроля поведения. Выделение данного конструкта в систему регуляторных возможностей субъекта позволяет также перейти к интеграции ранее разрозненных психологических понятий и вписать его в широкий континуум организации поведения.

Субъективный возраст — новый конструкт, раскрывающий возможности самовосприятия возрастной идентичности. Он отличается от биологического, социального, психологического возрастов, не инициирует нового подхода, его скорее можно рассматривать как расширение и уточнение понятия возрастной идентичности. Субъективный возраст человека становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение. Все это служит доказательством его самостоятельного понятийного значения. Перспективы развития понятия видятся в выявлении его теоретического места в системно-субъектном подходе взаимодействия субъекта и личности [21].

Все рассмотренные новые понятия, с одной стороны, являются “зонтичными”, т.е. включают разнородные, но связанные между собой составляющие. Так, например, модель психического — это не только распознавание и понимание эмоций, но также понимание неверных мнений и обмана, а еще небуквальных высказываний и других скрытых ментальных состояний. Вместе с тем все эти составляющие “зонтичного” понятия вбирают в себя другие концептуальные понятия. Например, для модели психического — это такие, как: “Я”, личность, интеллект, ментальные репрезентации, ментальный опыт, способности, исполнительные функции и др., которые при этом становятся интегративными понятиями, более сложными по своей

архитектуре и системной организации, выступая как самостоятельные, не сводимые к своим составляющим или другим понятиям.

Все авторы приведенных понятий рассматривают историю их возникновения, описывают истоки образования, концептуализируют содержание и определяют место в системе современной психологической науки. Однако каков критерий образования нового понятия?

Н.В. Богданович [1] выделяет следующие критерии категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии. Первый критерий состоит в несводимости к другим и невыводимости из других (М.Г. Ярошевский). Авторы, разрабатывающие новые понятия, достаточно подробно обосновали данный критерий их категоризации — они не выводимы из других и не сводимы к другим понятиям.

Второй критерий — методологический — категория должна быть связана с основными принципами науки и ее предметом. В работах авторов обоснованы основные методологические принципы психологической науки. В большинстве случаев — это принципы системности и субъектности.

Третий критерий заключается в том, что категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом, — критерий систематизированности (Б.Ф. Ломов) [9]. Вводя новые понятия в современную психологию, авторы указывают на системный характер понятий, интегрированность их составляющих.

Наконец, четвертый критерий — принципообразующий — утверждает, что каждая категория должна выдвинуть новый принцип науки. Этот критерий не применим к выделенным новым понятиям. По-видимому, во-первых, мы рассматриваем понятия, а не категории. Во-вторых, новые концепты, складывающиеся в научной системе, не сразу могут породить принципы, для этого требуется достаточно значительный эволюционный этап в их развитии. Но принципообразующий критерий применим к рассмотренным нами метапонятиям: Индивидуальному и Коллективному субъекту. Данные метапонятия отвечают всем трем предыдущим критериям категории, а также образуют принципы психологической науки.

В российской психологической науке понятие субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. В нашей науке сформировалась новая область исследований — психология субъекта, в которой фактически представлена история главных проблем психологической науки XXI в. Это проблемы соотношения

биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики, представление о субъекте развития, жизнедеятельности, субъекте деятельности. Следовательно, понятие субъекта обрело статус системообразующей, методологической категории, став методологическим принципом психологической науки.

Понятие *Коллективного субъекта*, хотя и взаимосвязано с понятием Индивидуального субъекта, но представляет собой самостоятельную метакатегорию. Понятие Коллективный субъект имеет собственные критерии и свое поле онтологически связанных понятий, одни из которых прямо включены в него, например Психологические отношения, Социальные представления, Коллективный образ будущего, Менталитет. Другие косвенно или опосредованно с ним связаны, например жизнеспособность группы, общества, коллективная интенция, групповой дискурс, общие дискурсивные способности, совместная регуляция (контроль поведения), понимание себя и другого (модель психического), интеллектуальный потенциал или ресурс группы (интеллект) и др. [7]. Следовательно, данное понятие обретает статус категории в психологии, также как понятие Индивидуального субъекта, отвечая признакам несводимости к другим и невыводимости из других понятий, включает систему понятий (системообразующий принцип), имеет обоснованный методологический статус среди других понятий и соответствует критерию принципообразования, раскрывая принцип субъектности групп, коллективов в социально-психологическом пространстве исследований.

Несмотря на продолжительную историю развития понятия субъекта, Коллективный субъект можно отнести к числу новых понятий психологической науки, задающих новое направление поисков в социогуманитарных областях вообще и психологической науке в частности [8; 17; 18].

Анализ других понятий, хотя и не позволяет отнести их к новым в современной психологии, он показал, что они существенно изменились на данном методологическом этапе своего развития.

В чем состоят изменения понятий на текущем этапе анализа?

Первая отличительная черта современных понятий — их интегративный и междисциплинарный характер. Вторая — состоит в изменении содержания самого понятия, т.е. отражает не только расширение его использования в тематическом поле, но и изменение собственно содержания понятия.

Например, понятие Интеллекта стало использоваться для характеристики не только при фиксации способности решения некоторых типов задач, но и исследовании порождения ментальных структур, выделении ментального и интенционального опыта, попытке связать интеллектуальные способности с понятийными.

Или, например, понятие Коллективный образ будущего, в основе которого лежит представление о временной перспективе, не только расширяется до коллективных представлений о будущем, но и рассматривается как характеристика коллективной субъектности, т.е. авторства коллектива (вера в способность влиять на обстоятельства, уверенность в достижениях, оптимизм, понимание перспектив развития).

Такое традиционное понятие, как Индивидуальный субъект, серьезно расширило свое понятийное пространство (выделены критерии, показаны полидетерминированность его развития, разные аспекты его реализации, описана возможность выделения функций). Предпринята попытка представить соотношение данного понятия с метакатегорией личности, выделены их взаимосвязи и взаимодействия как двух ипостасей психической организации человека. Кроме того, понятие Индивидуального субъекта породило становление Коллективного субъекта, качественно отличного образования, побуждающего к развитию социоцентрированных тематических полей в психологии.

Как уже отмечалось нами, современные понятия не сводимы к классификациям А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, варианту А.В. Петровского и В.А. Петровского или системе К.К. Платонова, не могут быть представлены в координатах развития психологического знания Я.А. Пономарева [16]. Кроме того, современные психологические понятия, хотя и связаны с общенаучными философскими категориями, но обладают своей логикой образования и эволюции. Несмотря на стройность и конструктивность идей вышеуказанных исследователей, следует признать невозможность категоризации психологических понятий в настоящее время в их координатах, что связано с изменением общенаучных методологических принципов. Представленные классификации в большей степени описываются критериями классической или неклассической методологии, чем постнеклассической или пост-постнеклассической (см. часть I статьи).

Современные понятия отличаются многоаспектностью, нарастающей сложностью, включающей многие концептуальные структуры, образующие интегративные понятийные конгломераты, для которых характерны латентность и субъектность

построения. Кроме того, многие авторы показали динамичность развития данных понятий, которая демонстрирует, с одной стороны, преемственность и непрерывность их изменений, эволюцию понятийных полей, с другой — динамичность и подвижность самой понятийной структуры, осваивающей новые тематические пространства в теории и исследовательской практике.

Третье отличие современных понятий состоит в ином типе структурной организации. Это уже не отдельные понятия типа Образа, Мотива, Действия и т.п., а сплав в интегрированные понятийные образования, в которых имплицитно представлены многие базовые психологические конструкции, которые трудно уже эксплицировать как единичные. Если обратиться к понятию Коллективного образа будущего, то автор указывает на составляющие этого понятия: *коллективные цели и планы*, объединяющие и координирующие усилия группы, *групповые ожидания*, которые необходимо учесть, *групповые мечты* — представления о желательных для группы изменениях в обществе, *коллективные страхи* — представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия, *коллективные идеалы* — желаемые ситуации и результаты, составляющие саморефлексии и авторства коллективного субъекта [11]. Этот список составляющих структуры можно продолжить и/или дополнить, например, понятиями Социальных представлений, порождающих ожидания, цели, смыслы, или понятием Модели психического как основы соотнесения понимания ментальных состояний себя и других людей, без чего невозможна взаимная связанность представлений, целей, желаний и других характеристик членов группы, контроля поведения — основы субъектной регуляции, направляющей образование совместной регуляции, дискурса и интенциональных полей как основы коммуникативных взаимодействий и других понятий. Т.А. Нестик указывает на включенность понятия Коллективного образа будущего в понятие Коллективного субъекта, который объединяет в себе еще более широкий круг понятийных пространств современной психологической науки. Латентным в данном понятийном конструкте остается, например, понятие Менталитета, которое также должно оказывать воздействие на образ будущего, интеллект, необходимый как когнитивный ресурс, и другие не менее важные понятийные образования, необходимые для развертывания и развития данного понятия. Мы попытались показать некоторые явно существующие взаимосвязи рассматриваемых понятий (см. рис. 1), в которых не представлены латентные понятийные структуры и потенциал развития

понятий. Анализ последних требует специальной работы, являющейся перспективой будущих исследований.

Сложность структурной организации современных понятий аналогична понятийным способностям экспертов [26], где сплав и интегрированность достигают такого уровня, на котором попытка дифференцированного выделения признаков приводит к потере сути и возможности эффективного использования знания. Это, безусловно, не означает, что не могут быть выделены составляющие понятия, но свидетельствует об очень высоком уровне интегрированности, что осложняет данный процесс, с одной стороны, а другой — знаменует переход к иному типу организации понятийной структуры, а именно свернутому, сжато, максимально интегрированному и поэтому часто ускользающему от точных определений.

Еще одна характеристика современных понятий — их субъектность. При этом субъектность понятий выступает в двух смыслах: как разработчика и творца понятийного анализа, со своим пристрастным отношением и оптикой анализа психологических феноменов, выбором методологических подходов и их пересечений. Несмотря на высокую субъективность понятийного анализа, следует указать на обращение фактически всех авторов к понятию субъекта (индивидуального и коллективного), что служит дополнительной основой выделения категорий Индивидуального и Коллективного субъекта как узловых в понятийной сети.

Подводя краткий итог анализу современных понятий, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что они отражают новый этап развития методологии науки, этап метамодернизма, с максимальной пластичностью понятийных полей, сетевым принципом их организации, иным типом построения понятий, нарастающей сложностью, динамичностью, латентностью, антиномичностью, отражая эволюцию как развития психологической науки, так и познания в целом.

В настоящем анализе был представлен ограниченный круг понятий, которые разрабатываются в Институте психологии РАН. Авторы понимают локальный характер данного анализа и его дискуссионность. Данная попытка — это приглашение к диалогу, начало трудного, но необходимого этапа методологической работы в области ее основы — понятийного поля отечественной психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 58–84.
2. *Гусельцева М.С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
3. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.
4. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 31–61.
5. *Гусельцева М.С.* Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 628–670.
6. *Гусельцева М.С., Изотова Е.И.* Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М.: Смысл, 2016.
7. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 116–161.
8. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 5–59.
9. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
10. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 533–560.
11. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 401–430.
12. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
13. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 3–17.
14. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология: Учебное пособие для студ. псих. фак.

- вышш. учеб. заведений. М.: Издательский центр “Академия”, 2001. 496 с.
15. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
 16. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
 17. Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 332–367.
 18. Проблемы субъектов в постнеклассической науке: Препринт / Под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.
 19. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 401–430.
 20. Сергиенко Е.А. Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 16–28.
 21. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 561–591.
 22. Сергиенко Е.А., Знаков В.В., Харламенкова Н.Е. Индивидуальный субъект в психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 63–115.
 23. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А. Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 343–378.
 24. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Уланова А.Ю. Модель психического — способность понимания мира людей // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 269–342.
 25. Сергиенко Е.А. От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 308–331.
 26. Холодная М.А. Структура и функции естественного интеллекта в контексте проблемы искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. М.: ИИИнтелЛ, 2006. С. 149–162.

ANALYSIS OF MODERN CONCEPTS IN PSYCHOLOGY PART II. CONCEPTS BY SCIENTISTS OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS

A. L. Zhuravlev*, E. A. Sergienko**

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

**Academic of the RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

***ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher.
E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 13.03.2021

Abstract. The purpose of part II of the article was to analyze modern concepts developed by scientists of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The concepts in the general theory of modern psychology were considered: Individual and Collective subject, Mentality, Psychological relations, Intellect, Insight; concepts in modern branches of psychology: Resilience Model mental, Behavior control, Social representations, Collective image of the future, Discourse, Intention, Discursive abilities, Special abilities, Styles of activity and concepts in applied branches of psychology: Subjective age, Compensation, Psychological health, Happiness, Patriotism. Comparison of the experience of the classification of concepts in Russian psychology (K.K. Platonov, Ya.A. Ponomarev, L.I. Antsyferova, A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky) the harmony and constructiveness of the ideas of predecessors, one should note the obvious difficulties in categorizing psychological concepts in their coordinates, which is associated with a change in general scientific

methodological principles: the transition from classical to non-classical and post-non-classical metamodern methodology. The distinctive features of modern concepts are highlighted. The first is their integrative and interdisciplinary nature. The second feature is manifested not only in the expansion of the concept and its use in a wider thematic field, but also in the change in the content itself. The third difference between modern concepts lies in a different type of their structural organization. These are not separate concepts such as Image, Motive, Action, etc., but integrated conceptual formations, where many basic psychological constructs are implicitly represented, which are difficult to explicate as single ones. The fourth characteristic of modern concepts is their subjectivity, which acts in two senses: as a developer and creator of conceptual analysis, and an appeal to the category of the subject (individual and collective). A network structure of concepts with the allocation of nodal meta-concepts (individual and collective subject), reflecting the tendencies of theoretical searches in psychology, is proposed. The network of modern concepts is a new stage in the development of the methodology of science, the stage of metamodernism, with the maximum plasticity of conceptual fields, the network principle of their organization, a different type of concept construction, increasing complexity, dynamism, latency, antinomy. The authors report on the limited nature of this analysis and its controversial nature. This attempt is an invitation to dialogue, to continue the search.

Keywords: metamodernism, network principle, integrativeness of concepts, subjectivity, metapositions, umbrella concepts, antinomy of concepts, latency.

REFERENCES

1. *Bogdanovich N.V.* Sub"ekt kak kategoriya otechestvennoj psilogologii: istoriya i sovremennoe sostoyanie. Sub"ekt, lichnost' i psilogologiya chelovecheskogo bytiya. Eds. V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2005. P. 58–84. (In Russian)
2. *Gusel'ceva M.S.* Kul'turnaya psilogologiya: metodologiya, istoriya, perspektivy. Moscow: Prometej, 2007. (In Russian)
3. *Gusel'ceva M.S.* Evolyuciya psilogologicheskogo znaniya v smene tipov racional'nosti. Moscow: Akropol', 2013. (In Russian)
4. *Gusel'ceva M.S.* Princip razvitiya v psilogologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transcisciplinarnosti. Princip razvitiya v sovremennoj psilogologii. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2016. P. 31–61. (In Russian)
5. *Gusel'ceva M.S.* Perspektivy razvitiya psilogologicheskogo znaniya: blesk i nishcheta prognozov. Psilogologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 628–670. (In Russian)
6. *Gusel'ceva M.S., Izotova E.I.* Pozitivnaya socializaciya detej i podrostkov: metodologiya i empirika. Moscow: Smysl, 2016. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L.* Kollektivnyj sub"ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoj psilogologii. Razrabotka ponyatij sovremennoj psilogologii. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 116–161. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sovremennye ponyatiya v psilogologicheskoy nauke: popytka analiza. Razrabotka ponyatij sovremennoj psilogologii. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 5–59. (In Russian)
9. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psilogologii. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
10. *Mahnach A.V.* Zhiznesposobnost' cheloveka: novoe ponyatie i novye vyzovy. Razrabotka ponyatij sovremennoj psilogologii. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 533–560. (In Russian)
11. *Nestik T.A.* Kollektivnyj obraz budushchego. Razrabotka ponyatij sovremennoj psilogologii. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 401–430. (In Russian)
12. *Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G.* Osnovy teoreticheskoy psilogologii. Moscow: INFRA-M, 1998. (In Russian)
13. *Petrovskij A.V., Petrovskij V.A.* Kategorial'naya sistema psilogologii. Voprosy psilogologii. 2000. № 5. P. 3–17. (In Russian)
14. *Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G.* Teoreticheskaya psilogologiya: Uchebnoe posobie dlya stud. psih. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya", 2001. 496 p. (In Russian)
15. *Platonov K.K.* O sisteme psilogologii. Moscow: Mysl', 1972. (In Russian)
16. *Ponomarev Ya.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psilogologiyu. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
17. Psilogologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 332–367. (In Russian)
18. Problemy sub"ektov v postneklassicheskoy nauke: Preprint. Eds. V.I. Arshinov, V.E. Lepskij. Moscow: Kogito-Centr, 2007. (In Russian)
19. Razrabotka ponyatij sovremennoj psilogologii. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psilogologii RAN", 2018. P. 401–430. (In Russian)

20. *Sergienko E.A.* Psihologiya sub"ekta: poiski i resheniya. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2008. V. 29. № 2. P. 16–28. (In Russian)
21. *Sergienko E.A.* Sub"ektivnyj vozrast cheloveka — rasshirenie ponyatiya vozrastnoj identichnosti. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii*. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 561–591. (In Russian)
22. *Sergienko E.A., Znakov V.V., Harlamenkova N.E.* Individual'nyj sub"ekt v psihologii. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii*. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 63–115. (In Russian)
23. *Sergienko E.A., Vilenskaya G.A.* Kontrol' povedeniya — integrativnoe ponyatie psihicheskoy regulyacii. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii*. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 343–378. (In Russian)
24. *Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Ulanova A.Yu.* Model' psihicheskogo — sposobnost' ponimaniya mira lyudej. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii*. Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 269–342. (In Russian)
25. *Sergienko E.A.* Ot differenciacii k integracii podhodov i kategorij v sovremennom psihologicheskom znanii. *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 308–331. (In Russian)
26. *Holodnaya M.A.* Struktura i funkcii estestvennogo intellekta v kontekste problemy iskusstvennogo intellekta. *Iskusstvennyj intellekt: mezhdisciplinarnyj podhod*. Eds. D.I. Dubrovskij, V.A. Lektorskij. Moscow: IInteLL, 2006. P. 149–162. (In Russian)

УДК 159.923.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МОЛОДЕЖИ ИЗ РЕГИОНОВ С РАЗНЫМИ КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ УСЛОВИЯМИ ЖИЗНИ¹

© 2021 г. А. В. Махнач^{1,*}, А. И. Лактионова^{1,**}, Ю. В. Постылякова^{1,***},
И. А. Горьковая^{2,****}, А. В. Микляева^{2,*****}, Н. М. Сараева^{3,*****},
А. А. Суханов^{3,*****}, Л. Терон^{4,5,*****}, М. Унгар^{6,*****}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²Институт психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, корп. 11, Россия.

³Забайкальский государственный университет;

672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, д. 30, Россия.

⁴Университет Претории;

п.я. X20, Хэтфилд 0028, г. Хэтфилд, перекр. Линнвуд-роуд и Ропер-стрит, ЮАР.

⁵Северо-Западный университет;

п.я. 1174, г. Вандервильпар, кампус Вандервильпара, бул. Хендрика Ван Экка, 1900, ЮАР.

⁶Университет Далхаузи;

V3N 4R2, г. Галифакс, Новая Шотландия, Канада.

*Доктор психологических наук, заместитель директора по науке.

E-mail: makhnach@ipran.ru

**Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник.

E-mail: arap@inbox.ru

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник.

E-mail: postylyakova@mail.ru

****Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека.

E-mail: iralgork@mail.ru

*****Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, доцент, заместитель директора.

E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

*****Доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии.

E-mail: saraiewa@mail.ru

*****Кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии.

E-mail: suhanov-71@mail.ru

*****Доктор философии (PhD), профессор кафедры педагогической психологии педагогического факультета, экстраординарный профессор исследовательского центра Оптентия.

E-mail: linda.theron@up.ac.za

*****Доктор философии (PhD), зав. кафедрой исследований жизнеспособности детей, семьи и общества в Канаде, директор Центра исследований жизнеспособности; научный директор Коалиции по исследованию беженцев из числа детей и молодежи.

E-mail: michael.ungar@dal.ca

Поступила 13.12.2020

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу жизнеспособности молодежи из регионов с разными социально-культурными и экологическими условиями жизни. Авторы понимают феномен жизнеспособности как динамический процесс, при котором люди демонстрируют положительную адаптацию, несмотря на опыт переживания серьезных жизненных невзгод, травм. В качестве факторов риска

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-513-60001_ЮАР-т “Жизнеспособность подростков в условиях экологических и социально-экономических вызовов: исследование в рамках нескольких систем”.

рассматриваются неблагоприятные социально-экономические и экологические условия окружающей среды, наличие травматической симптоматики, депрессии, ПТСР и их влияние на жизнеспособность подростков. В качестве ресурсов жизнеспособности рассмотрены индивидуальные характеристики, семейная и контекстуальная поддержка, социальная экология места проживания и позитивные детские переживания. Общая выборка подростков и молодежи из РФ в исследовании — 632 человека (230 юношей, 402 девушки). Все респонденты — жители городов: Санкт-Петербург — 229 чел., Кириши — 68 чел., Выборг — 64 чел., Череповец — 91 чел., Чита — 180 чел. Средний возраст: 18.49 ± 1.87 года. Общая выборка подростков и молодежи из ЮАР — 577 человек (258 юношей, 314 девушек). Средний возраст: 18.13 ± 2.82 года. Гипотезы исследования: 1. Ресурсы, являющиеся ведущими в структуре жизнеспособности подростков, имеют социальную и культурную обусловленность. 2. Неблагоприятная экология окружающей среды ослабляет жизнеспособность подростков. 3. Жизнеспособность является предиктором снижения развития психопатологии у подростков. Сделаны выводы: 1. К факторам риска, ослабляющим жизнеспособность подростков, относятся неблагоприятные социально-экологические условия окружающей среды, наличие психопатологической симптоматики, недостаточность индивидуальных, семейных и контекстуальных ресурсов. 2. Ведущие ресурсы в структуре жизнеспособности подростков имеют социальную, экологическую и культурную обусловленность. 3. Жизнеспособность является предиктором снижения развития депрессии у подростков.

Ключевые слова: жизнеспособность, подростки, молодежь, социально-культурные и экологические условия жизни, факторы риска, ресурсы, депрессия, ПТСР.

DOI: 10.31857/S020595920016005-1

Неблагоприятные условия проживания подростков и молодежи могут приводить к нарушениям их развития. Современные исследования подчеркивают взаимные динамические связи между биологией, поведением, окружающей средой, культурой и жизнеспособностью [3; 6; 9].

Жизнеспособность — это динамический процесс, при котором люди демонстрируют положительную адаптацию, несмотря на опыт переживания серьезных жизненных невзгод или травм. В последнее время этот термин не рассматривается только как черта характера, она одинаково зависит от самого индивида, от ситуации, в которой он находится, а также от более общих условий социальной и природной среды. Жизнеспособность представляется двухмерной конструкцией, которая подразумевает: 1) воздействие на человека неблагоприятных обстоятельств разного генеза и 2) проявление им положительных результатов адаптации.

Неблагоприятные обстоятельства, называемые факторами риска, могут приводить к проблемам адаптации. Один из подходов к изучению жизнеспособности описывает ее как форму баланса между факторами риска и защиты (ресурсами). С нашей точки зрения, жизнеспособность человека, во-первых, представляет собой всю систему его ресурсов, рассматриваемых в рамках биолого-генетического, психологического и средового контекстов развития и функционирования, а, во-вторых, жизнеспособность предполагает способность человека к управлению этими ресурсами [4].

Состояние проблематики жизнеспособности и адаптации детей и подростков определяет наши исследования на протяжении последних 15 лет, что нашло отражение в проведении международного исследования с ведущими специалистами в этой области — как в России, так и за рубежом. С 2019 г. авторы статьи осуществляют международный проект, целью которого является исследование жизнеспособности подростков (15–24 лет), проживающих в неблагоприятных социально-экономических и экологических условиях.

Данная статья посвящена сравнительному анализу жизнеспособности молодежи из регионов России и ЮАР с разными социально-культурными и экологическими условиями жизни.

В качестве *факторов риска* мы рассматривали *неблагоприятные социально-экономические и экологические условия окружающей среды* и их влияние на жизнеспособность подростков. Исследователи считают, что жизнеспособность и психопатология являются негативным и позитивным полюсами одного конструкта [15]. Исходя из этого *травматическая симптоматика, депрессия и ПТСР* у подростков также рассматривались как факторы риска.

Как известно, депрессия является одним из наиболее частых психических расстройств в подростковом возрасте, и в настоящее время наблюдается рост депрессии среди современной молодежи. Так, по данным ВОЗ:

— депрессия занимает четвертое место в мире среди ведущих причин заболеваемости и инвалидности подростков в возрасте 15–19 лет;

— самоубийства являются третьей по значимости ведущей причиной смертности в возрастной группе 15–19 лет;

— игнорирование нарушений психического здоровья в подростковый период чревато последствиями, которые продолжаются во взрослом возрасте, негативно влияя на физическое и психическое здоровье и ограничивая возможности для полноценной взрослой жизни [2].

В свою очередь, посттравматическое стрессовое расстройство приводит к серьезным когнитивным, эмоциональным и семейным/социальным нарушениям, проявляясь в отчуждении в близких отношениях, чувствах вины, стыда, недоверия. В исследованиях показано, что сочетание ПТСР с депрессией и психозом определяет повышенный уровень суицидальности по сравнению с наличием у подростков депрессии или психоза, выявленных отдельно [17].

В качестве факторов защиты, под которыми подразумеваются ресурсы жизнеспособности, были рассмотрены *индивидуальные характеристики, семейная и контекстуальная поддержка, социальная экология места проживания и позитивные детские переживания*.

Гипотезами исследования были следующие:

1. Ресурсы, являющиеся ведущими в структуре жизнеспособности подростков, имеют социальную и культурную обусловленность.
2. Неблагоприятная экология окружающей среды ослабляет жизнеспособность подростков.
3. Жизнеспособность является предиктором снижения развития психопатологии у подростков.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Общая выборка подростков и молодежи из РФ составила 632 человека (230 юношей, 402 девушки). Все респонденты — жители из городов: Санкт-Петербург — 229 чел., Кириши — 68 чел., Выборг — 64 чел., Череповец — 91 чел., Чита — 180 чел. Средний возраст: 18.49 ± 1.87 года.

Общая выборка подростков и молодежи из ЮАР — 577 человек (258 юношей, 314 девушек). Средний возраст: 18.13 ± 2.82 года.

Методики. В исследовании использовались шесть шкал:

1. Индекс детской посттравматической стрессовой реакции, адаптированный для старшей молодежи (Child Post-Traumatic Stress Reaction Index, adapted for non-students/older youth, CPTS-RI) [13].

2. Шкала нарушений, связанных с травматическими симптомами (Impairment Associated with the Traumatic Symptoms Scale, IATSS) [18].

3. Шкала восприятия соседства (Community risk — Perception of Neighbourhood Scale, CR-PNS) [18]. Отражает восприятие социальной экологии места проживания (безопасность, чистота, доброжелательность окружающих людей).

4. Опросник жизнеспособности детей и молодежи-28 (Child and Youth Resilience Measure-28, CYRM-28) [22]. Четыре субшкалы CYRM-28 оценивают: 1) индивидуальные ресурсы (личные навыки: способность решать проблемы, сотрудничество и осознание личных сильных сторон; поддержка сверстников; социальные навыки) — субшкала “Жизнеспособность индивидуальная”; 2) отношения с родителями или опекунами (получение физической и психологической помощи от них) — “Жизнеспособность семейная”; 3) ресурсы контекста (связь с культурой, религиозный опыт и духовность, отношение к образованию, актуальность образования) — “Жизнеспособность контекста”. Все три субшкалы формируют субшкалу “Жизнеспособность общая”. Тест CYRM был адаптирован А.В. Махначем и А.И. Лактионовой в 2005–2010 гг. и опубликован в ряде статей и монографий.

5. Шкала позитивных детских переживаний (Protective Childhood Experiences — Benevolent Childhood Experiences Scale, PCE-BCES) [16].

6. Опросник депрессии Бека [12] в адаптации Н.В. Тарабиной.

При адаптации тестов (№ 1–3, 5), ранее не переведенных и не использованных на российской выборке, была реализована следующая последовательность действий.

1. Лингвистическая адаптация тестов. Сделан перевод на русский язык тестов и инструкций к ним. Организована выборка респондентов из преподавателей английского языка и переводчиков, ответивших на вопросы тестов на английском языке — спустя четыре недели после тестирования на русском языке. Рассчитаны коэффициенты корреляций по Пирсону между шкалами русской и английской версий опросников (при $p < 0.05$), что позволило считать их русский перевод адекватным для исследований.

2. Процедура проверки ретестовой надежности тестов осуществлена по результатам тестирования выборки из 50 человек. Повторное тестирование произведено спустя четыре недели после первого.

3. Проверка конструктивной и критериальной валидности тестов проведена по данным тестирования совокупной выборки из 100 человек. Им было предложено ответить на вопросы тестов, а затем заполнить тесты, валидизированные на российской выборке.

4. Проверка тестовых норм. Произведены расчеты среднего арифметического значения, стандартного отклонения, асимметрии, эксцесса, проверки нормальности распределения и устойчивости полученного распределения тестовых баллов к расщеплению выборки. Доказаны устойчивость распределения данных и репрезентативность тестовых норм.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнительное исследование структуры жизнеспособности и факторов риска у российских и южноафриканских подростков. С целью проверки первой гипотезы проведено сопоставление данных по выборкам российских и южноафриканских подростков. Сравнение групп детерминировано значительными социально-экологическими и культурными различиями, существующими между двумя странами.

Вначале в исследовании были оценены условия проживания респондентов из России и ЮАР, являющиеся сходными для обеих групп; их можно отнести к приемлемым и хорошим. Однако социально-экологические и культурные особенности их жизни сильно различаются. Так, в традиционных семьях чернокожих южноафриканцев детей

воспитывают бабушки и/или другие родственники. Это связано с тем, что родители/матери мигрируют в города в поисках работы. В исследовании южноафриканских ученых показано, что механизмы жизнеспособности, лежащие в основе процесса ее формирования у южноафриканской молодежи, во многом детерминированы национальной культурой (взаимозависимость в сообществе, взаимосвязь и уважение к ценностям сообщества) [21].

На первом этапе нами была оценена степень выраженности показателей, отражающих факторы риска или защиты в выборках сравнения. Для этого был проведен расчет средних показателей (M) и стандартных отклонений (SD) для российской ($n = 632$) и южноафриканской ($n = 577$) общих выборок по всем методикам. Результаты см. в табл. 1.

Самые существенные различия между двумя выборками наблюдаются по показателю “Жизнеспособность индивидуальная”. В российской выборке этот показатель находится в диапазоне средних — высоких значений, а у подростков из ЮАР — от очень низких до низких значений, при средних и высоких значениях показателей “Жизнеспособность семейная” и “Жизнеспособность контекстуальная”. Такие данные представляются нам парадоксальными. С точки зрения Л.А. Сруфа, три группы ресурсов жизнеспособности — индивидуальные, реляционные и контекстуальные — объединяются в циклическом процессе, где индивидуальные ресурсы развиваются через взаимодействие с социальной средой. Реляционные и контекстуальные ресурсы увеличивают индивидуальные активности, что, в свою очередь, повышает возможность доступа к дополнительным внешним ресурсам [19]. В выборке из ЮАР влияние семейных

Таблица 1. Показатели средних значений и стандартных отклонений по всем шкалам для российской ($n_1 = 632$; ср. возраст 18.49 ± 1.87) и южноафриканской ($n_2 = 577$; ср. возраст 18.13 ± 2.823) общих выборок

Тесты (см. “Методы исследования”)	Шкалы	Россия		ЮАР	
		M	SD	M	SD
CPTS-RI	Посттравматическая стрессовая реакция*	48.12	11.779	50.49	11.428
IATSS	Травматические симптомы, общий показатель (ТСО)	4.64	2.006	6.16	2.699
CR-PNS	Восприятие соседства (BC)	26.72	4.749	24.73	4.903
CYRM-28	Жизнеспособность индивидуальная	45.91	7.116	28.01	4.415
	Жизнеспособность семейная	28.73	5.639	30.07	4.713
	Жизнеспособность контекста	36.34	6.795	55.15	8.020
	Жизнеспособность общая	110.98	17.319	113.27	14.434
PCE-BCES	Позитивные детские переживания (ПДП)	13.41	3.056	11.26	1.326
BDI-II	Депрессия (Д)**	9.86	9.854	15.38	9.901

Примечание. * — общий балл от 32 до 44 указывает на слабый ПТСР, балл 45–59 — умеренный ПТСР, 60–79 — тяжелый ПТСР, 80 и более баллов — очень тяжелый ПТСР (по опроснику CPTS-RI). ** — показатели: 0–13 — минимальная депрессия; 14–19 — легкая депрессия; 20–28 — умеренная депрессия; 29–63 — тяжелая депрессия (по опроснику BDI-II).

и контекстуальных ресурсов с очевидностью не приводит к возрастанию ресурсов индивидуальных.

В российской выборке диапазон средних значений с учетом стандартных отклонений (36.34–59.91 балла) включает слабый и умеренный ПТСР и достигает нижней границы тяжелой ПТСР — 59.91 балла. В выборке из ЮАР диапазон выраженности ПТСР колеблется в пределах от слабого до тяжелого ПТСР (39.06–61.92 балла).

Что касается депрессии, полученные на российской выборке значения (0.01–19.71 балла) включают минимальную, легкую и нижнюю границы умеренной депрессии. Показатели выборки из ЮАР также укладываются в диапазон “минимальная—умеренная депрессия” (5.48–25.28). Однако наличие только минимальной или умеренной депрессии у подростков не снижает риска суицида и формирования депрессивного расстройства [5].

Для проверки гипотезы о том, что ресурсы, являющиеся ведущими в структуре жизнеспособности подростков, имеют социальную, экологическую и культурную обусловленность, было проведено сравнение оцениваемых показателей по российской и южноафриканской выборкам на основе *t*-критерия Стьюдента. Результаты см. в табл. 2.

Значения показателей “Жизнеспособность семейная”, “Жизнеспособность контекст” и “Жизнеспособность общая” у подростков из ЮАР значимо выше, чем у российских. Основными ресурсами

жизнеспособности российских подростков являются индивидуальные ресурсы, а у южноафриканских — средовые и в первую очередь контекстуальные ресурсы культуры, религиозные, духовные убеждения и образование. Это можно объяснить тем, что в ЮАР проводятся серьезные исследования, на основе которых разрабатываются государственные образовательные и социальные программы, направленные на повышение образовательного уровня и предотвращение молодежной преступности. Выше по сравнению с российской выборкой и религиозность южноафриканской молодежи. Более значимая роль семейного ресурса в выборке подростков из ЮАР объясняется культурными различиями. Показатель “Восприятие соседства”, отражающий восприятие социальной экологии места проживания (безопасность, чистота, доброжелательность окружающих людей), выше у российских подростков. Одновременно “Общий показатель травматических симптомов”, выраженность показателя депрессии и ПТСР оказались значимо выше у подростков из ЮАР. По-видимому, наличие индивидуальных ресурсов и более благоприятная оценка безопасности и комфортности места проживания делают российских подростков менее уязвимыми в сложных ситуациях, обеспечивая их психологическую устойчивость к стрессу и протекание процессов социальной адаптации без существенных психопатологических нарушений.

Таблица 2. Результаты сравнения средних показателей по *t*-критерию Стьюдента для двух независимых общих выборок (российская (1), южноафриканская (2)) по шкалам всех тестов

Тесты (см. “Методы исследования”)	Шкалы	Выборка	<i>n</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>t</i> -критерий
CPTS-RI	Посттравматическая стрессовая реакция	1	632	48.12	11.779	–3.50**
		2	554	50.49	11.428	
IATSS	Травматические симптомы, общий показатель (ТСО)	1	632	4.64	2.006	–10.99**
		2	576	6.16	2.699	
CR-PNS	Восприятие соседства (BC)	1	632	26.72	4.749	7.13**
		2	561	24.73	4.903	
PCE-BCES	Позитивные детские переживания (ПДП)	1	632	13.41	3.056	16.12**
		2	571	11.26	1.326	
BDI-II	Депрессия (Д)	1	632	9.86	9.854	–9.53**
		2	540	15.38	9.901	
CYRM-28	Жизнеспособность индивидуальная	1	632	45.91	7.116	52.94**
		2	570	28.01	4.415	
	Жизнеспособность семейная	1	632	28.73	5.639	–4.48**
		2	568	30.07	4.713	
	Жизнеспособность контекста	1	632	36.34	6.795	–43.46**
		2	563	55.15	8.020	
	Жизнеспособность общая	1	632	110.98	17.319	–2.48**
		2	551	113.27	14.434	

Примечание. ** — при $p \leq 0.001$.

Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что ресурсы, являющиеся ведущими в структуре жизнеспособности подростков, имеют социальную, экологическую и культурную обусловленность.

Сравнительное исследование жизнеспособности и факторов риска у российских подростков с учетом экологической обстановки в городах их проживания. На следующем этапе исследования было сопоставлено влияние факторов риска и защиты на жизнеспособность подростков и молодежи с учетом экологической обстановки в городах их проживания.

Для проверки гипотезы о том, что неблагоприятная экология окружающей среды ослабляет жизнеспособность подростков, общая выборка российских респондентов была разделена на две подгруппы. В контрольную группу (гр. 1) были включены подростки, проживающие в экологически благоприятных районах: в г. Санкт-Петербурге и г. Выборге ($n_1 = 293$). Респонденты, проживающие в экологически неблагоприятных районах, в г. Кириши, г. Чита и г. Череповец, вошли в группу 2 (гр. 2, $n_2 = 339$). Отметим, что Череповец и Чита входят в список самых экологически неблагополучных городов России.

Нами было проведено сравнение средних показателей по t -критерию Стьюдента для двух независимых выборок (из экологически неблагоприятных/благоприятных городов). Результаты см. в табл. 3.

Значимые различия между двумя выборками наблюдаются по показателям “Позитивные детские переживания” и “Жизнеспособность индивидуальная”. Н.М. Сараева, рассматривая “адаптационные характеристики как показатели жизнеспособности человека, квалифицирует снижение психологической адаптации людей, родившихся и постоянно проживающих в регионе экологического неблагополучия, как проявление ослабления их

жизнеспособности” [8, с. 95–96]. Это объясняется тем, что в случае какого-либо “сбоя” во взаимодействии организма и среды адаптация к ней становится затрудненной, организм переходит к реализации стратегии минимизирующей адаптации для обеспечения функционирования организма в относительно оптимальном (для конкретных условий) варианте [10, с. 99]. При этом снижаются индивидуальные ресурсы жизнеспособности, что мы видим в группе подростков, проживающих в неблагоприятных экологических условиях.

В свою очередь, снижение индивидуальных ресурсов приводит к повышенной потребности во внешних ресурсах жизнеспособности. И хотя социальные и семейные условия жизни респондентов из экологически неблагоприятных городов можно назвать приемлемыми и хорошими [3; 9], они оценивают их ниже, чем подростки, проживающие в экологически благоприятных городах. Можно предположить, что речь здесь идет также о неумении использовать собственные ресурсы, что и приводит к снижению индивидуальной, семейной и общей жизнеспособности [7].

Различия между средними показателями ПТСР также можно объяснить недостатком внутренних и внешних ресурсов у подростков гр. 2. Как замечает Ю.В. Быховец, “...то, насколько человек не сломался после столкновения с травматической ситуацией, пережил ее, смог осмыслить, зависит от его личностных особенностей и качества социальной поддержки, которую он смог получить после” [1, с. 452].

Следующим этапом анализа стало исследование различий во взаимосвязях между показателями всех переменных. Был проведен *корреляционный анализ* для групп респондентов из экологически благоприятных городов $n_1 = 293$ и неблагоприятных $n_2 = 339$. Результаты см. в табл. 4 и 5.

Таблица 3. Результаты сравнения средних показателей по t -критерию Стьюдента для двух независимых выборок (респонденты из городов с экологически благоприятной обстановкой (гр. 1, код города — 1) и неблагоприятной (гр. 2, код города — 2))

Показатель	Код города	n	M	SD	t -критерий
Посттравматическая стрессовая реакция	1	293	49.20	11.78	2.135*
	2	339	47.20	11.72	
Позитивные детские переживания	1	293	11.84	1.73	-14.241**
	2	339	14.77	3.30	
Жизнеспособность индивидуальная	1	293	46.99	6.25	3.649**
	2	339	44.97	7.67	
Жизнеспособность семейная	1	293	29.20	5.42	3.649*
	2	339	28.33	5.81	
Жизнеспособность общая	1	293	112.42	15.43	1.978*
	2	339	109.73	18.73	

Примечание. Приведены данные только по шкалам со статистически достоверными различиями. * — при $p \leq 0.05$; ** — при $p \leq 0.001$.

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа между показателями всех тестовых шкал в гр. 1 ($n_1 = 293$) (экологически благоприятные города)

	ТРСд	ТРСшк	ТРСдр	ТРСоб	ПТСР	ВС	ПДП	Депр	ЖСПи	ЖСПс	ЖСПк
ТРСшк	0.35**										
ТРСдр	0.27**	0.38**									
ТРСоб	0.73**	0.72**	0.71**								
ПТСР	0.43**	0.43**	0.42**	0.57**							
ВС					-0.12*						
ПДП	0.13*	0.13*		0.19**	0.23**	-0.20**					
Депр	0.29**	0.29**	0.32**	0.42**	0.52**	-0.18**	0.37**				
ЖСПи	-0.19**	-0.18**	-0.21**	-0.27**	-0.33**	0.29**	-0.30**	-0.47**			
ЖСПс	-0.24**	-0.17**	-0.18**	-0.27**	-0.26**	0.30**	-0.39**	-0.43**	0.62**		
ЖСПк	-0.13*	-0.12*	-0.13*	-0.19**	-0.22**	0.31**	-0.41**	-0.38**	0.67**	0.67**	
ЖСПо	-0.21**	-0.17**	-0.19**	-0.27**	-0.31**	0.35**	-0.42**	-0.49**	0.86**	0.85**	0.90**

Примечание. * — при $p \leq 0.05$; ** — при $p \leq 0.001$.

Условные обозначения. ТРСд — травматические симптомы дома; ТРСшк — травматические симптомы в школе; ТРСдр — травматические симптомы с друзьями; ТРСоб — общий показатель травматических симптомов; ПТСР — посттравматическая стрессовая реакция; ВС — восприятие соседства; ПДП — позитивные детские переживания; Депр — депрессия; ЖСПи — жизнеспособность индивидуальная; ЖСПс — жизнеспособность семейная; ЖСПк — жизнеспособность контекстуальная; ЖСПо — общий показатель жизнеспособности.

Таблица 5. Результаты корреляционного анализа между показателями всех шкал в гр. 2 ($n_2 = 339$) (экологически неблагоприятные города)

	ТРСд	ТРСшк	ТРСдр	ТРСоб	ПТСР	ВС	Депр	ЖСПи	ЖСПс	ЖСПк
ТРСшк	0.21**									
ТРСдр	0.26**	0.26**								
ТРСоб	0.63**	0.64**	0.75**							
ПТСР	0.38**	0.37**	0.36**	0.52**						
ВС					-0.014*					
ПДП										
Депр	0.30**	0.29**	0.30**	0.42**	0.54**	-0.11*				
ЖСПи	-0.20**	-0.17**	-0.22**	-0.28**	-0.23**	0.21**	-0.38**			
ЖСПс	-0.29**	-0.13*	-0.19**	-0.27**	-0.28**	0.15**	-0.34**	0.65**		
ЖСПк	-0.21**	-0.13*	-0.16**	-0.22**	-0.22**	0.19**	-0.35**	0.76**	0.72**	
ЖСПо	-0.24**	-0.16**	-0.20**	-0.27**	-0.25**	0.22**	-0.39**	0.89**	0.86**	0.93**

Примечание. * — при $p \leq 0.05$; ** — при $p \leq 0.001$.

Условные обозначения. См. табл. 4.

Основное различие между двумя группами наблюдается по показателю “Восприятие соседства”. В гр. 1 он положительно коррелирует со всеми показателями жизнеспособности, у представителей гр. 2 эти связи отсутствуют. То есть для гр. 1 восприятие социальной экологии места проживания является защитным фактором. Возникает вопрос, почему у представителей гр. 2 нет значимых корреляционных связей между показателями “Восприятие соседства” и всеми показателями жизнеспособности? Как описано выше (см. табл. 3), наиболее значимые различия по средним показателям между двумя выборками наблюдаются по показателю “Жизнеспособность индивидуальная”, по показателю “Восприятие соседства” значимых различий нет.

Таким образом, дело не в том, что они ниже оценивают свою социально-экологическую среду

обитания, а в том, что она не является для них ресурсом. По-видимому, это можно объяснить статусом г. Санкт-Петербурга как культурного центра России, его местом в мировой цивилизации. Социально-экологическая среда обитания в этом городе неразрывно связана с его историей и культурой, несомненно, являясь ресурсом для его жителей, всегда осознававших свою “особость” и элитарность. В свою очередь, близость г. Выборга к г. Санкт-Петербургу и Финляндии, его самостоятельная культурная и историческая ценность также создают особую социально-экологическую среду обитания, являющуюся ресурсом для молодежи.

Показатель ПТСР у респондентов гр. 1 отрицательно связан с показателями “Жизнеспособность индивидуальная”, “Жизнеспособность семейная”, “Жизнеспособность общая”. В гр. 2 отрицательные

связи есть только с показателями “Жизнеспособность семейная”, “Жизнеспособность общая”. Это мы можем объяснить значимо более низким средним показателем “Жизнеспособность индивидуальная” в гр. 2.

Позитивные детские переживания, изначально рассматриваемые в качестве ресурса жизнеспособности подростков, у представителей гр. 1 являются факторами риска (отрицательная связь со всеми показателями, оценивающими жизнеспособность, и положительная связь с показателем “Депрессия”). В данном случае эти переживания явно носят ностальгический характер (прошлое видится лучше настоящего), что ослабляет жизнеспособность подростков. В гр. 2 связей нет: для подростков из этой группы позитивные детские переживания не представляют собой ни защитного ресурса, ни фактора риска.

Таким образом, в результате сравнительного анализа факторов риска и ресурсов жизнеспособности в группах подростков из экологически благоприятных/неблагоприятных городов были подтверждены гипотезы о том, что:

- неблагоприятная экология окружающей среды ослабляет жизнеспособность подростков;
- ресурсы, являющиеся ведущими в структуре жизнеспособности подростков, имеют социальную, экологическую и культурную обусловленность.

После корреляционного анализа нами был проверен характер влияния рассматриваемых переменных друг на друга на основе множественного регрессионного анализа показателей для каждой группы респондентов, проживающих в экологически неблагоприятных/благоприятных городах.

Множественный регрессионный анализ позволил определить наиболее значимые компоненты жизнеспособности, влияющие на депрессивную симптоматику.

В качестве зависимой переменной (критерия) нами был взят показатель “Депрессия”. В качестве независимых переменных (предикторов) были взяты все показатели жизнеспособности.

Для гр. 1 — респондентов из экологически благоприятных городов $n_1 = 293$ (гг. Санкт-Петербург, Выборг) — уравнение множественной регрессии

$$\text{Депрессия} = 51.947 - 0.644(\text{ЖСПинд}) - 0.396(\text{ЖСПсем}).$$

Для гр. 2 — респондентов из экологически неблагоприятных городов $n_2 = 339$ (гг. Чита, Кириши, Череповец) — уравнение множественной регрессии

$$\text{Депрессия} = 35.272 - 0.389(\text{ЖСПобщ}) + 0.469(\text{ЖСПконт}).$$

Были определены значения коэффициента R^2 , характеризующего долю дисперсии показателя “Депрессия”, обусловленную влиянием жизнеспособности и ее компонентов.

Для гр. 1 31.4% переменной “Депрессия” объясняется влиянием переменных “Жизнеспособность индивидуальная” и “Жизнеспособность семейная”, а для гр. 2 19.6% переменной “Депрессия” объясняется влиянием переменных “Жизнеспособность контекстная” и “Жизнеспособность общая”.

Полученные нами данные согласуются с результатами исследования, проведенного на выборке латиноамериканской подростков, у которых отмечается высокий риск психических расстройств. Было показано, что жизнеспособность отрицательно предсказывает депрессивные проблемы во времени, контролирует уровень их развития, может оказывать влияние в долгосрочной перспективе на последствия депрессивных состояний у латиноамериканской молодежи [20].

Затем в качестве зависимой переменной (критерия) нами был взят показатель ПТСР. В качестве независимых переменных (предикторов) были взяты все показатели жизнеспособности.

Для гр. 1 — респондентов из экологически благоприятных городов $n_1 = 293$ (гг. Санкт-Петербург, Выборг) — уравнение множественной регрессии

$$\text{ПТСР} = 76.849 - 0.588(\text{ЖСПинд}).$$

Для гр. 2 — респондентов из экологически неблагоприятных городов $n_2 = 339$ (гг. Чита, Кириши, Череповец) — уравнение множественной регрессии

$$\text{ПТСР} = 63.862 - 0.588(\text{ЖСПсем}).$$

Были определены значения коэффициента R^2 , характеризующего долю дисперсии показателя ПТСР, обусловленную влиянием жизнеспособности и ее компонентов.

Для гр. 1 9.8% переменной ПТСР объясняется влиянием переменной “Жизнеспособность индивидуальная”, а для гр. 2 8.5% переменной ПТСР объясняется влиянием переменной “Жизнеспособность семейная”. Такой низкий показатель отрицательной обусловленности ПТСР жизнеспособностью подростков и ее компонентами объясняется тем, что “посттравматический синдром (ПТСР) возникает как затяжная или отсроченная реакция на ситуации, сопряженные с серьезной угрозой жизни или здоровью. Интенсивность стрессогенного воздействия в этих случаях бывает столь велика, что личностные особенности или предшествующие

невротические состояния уже не играют решающей роли в генезе ПТСР” [11, с. 7].

Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что жизнеспособность является предиктором снижения развития депрессивной психопатологии у подростков. Однако в случае развития ПТСР за счет интенсивности стрессогенного воздействия отрицательное влияние жизнеспособности невелико.

ВЫВОДЫ

1. К факторам риска, ослабляющим жизнеспособность подростков, относятся: неблагоприятные социально-экологические условия окружающей среды, наличие психопатологической симптоматики и недостаточность ресурсов (индивидуальных, семейных и контекстуальных).

2. Ресурсы, являющиеся ведущими в структуре жизнеспособности подростков, имеют социальную, экологическую и культурную обусловленность.

А. При сравнении южноафриканской и российской выборок показано, что ведущими в структуре жизнеспособности российских подростков являются индивидуальные ресурсы, а южноафриканских — контекстуальные и семейные ресурсы. Общий показатель травматических симптомов, выраженность депрессии и ПТСР значимо выше у подростков из ЮАР. Показатель “Восприятие соседства”, отражающий восприятие социальной экологии места проживания (безопасность, чистота, доброжелательность окружающих людей), выше в группе российских подростков.

Б. Сравнение двух групп подростков, разделенных на основании экологически благоприятной/неблагоприятной обстановки в месте проживания, показало различия в степени выраженности индивидуальной, семейной и общей жизнеспособности, которые ниже в группе, проживающей в экологически неблагоприятной обстановке, а также более высокий уровень выраженности у них ПТСР. Позитивные детские переживания, изначально рассматриваемые в качестве ресурса жизнеспособности подростков, в группе из экологически благоприятных городов являются факторами риска. Одновременно восприятие социальной экологии места проживания является для них ресурсом жизнеспособности. Для подростков из группы экологически неблагоприятных городов в месте проживания позитивные детские переживания не представляют собой ни защитного ресурса, ни фактора риска.

3. Жизнеспособность является предиктором снижения развития депрессии у подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быховец Ю.В.* Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 214–227.
2. ВОЗ. Психическое здоровье подростков. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения: 15.08.2020).
3. *Горьковая И.А., Микляева А.В.* Социально-психологические предпосылки жизнеспособности молодежи, проживающей в условиях экологического неблагополучия // Экопсихологические исследования-6: Экология детства и психология устойчивого развития. Курск: Университетская книга, 2020. С. 108–112.
4. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.
5. *Логинов И.П., Савин С.З., Солодкая Е.В.* Сравнительный анализ распространения депрессивных расстройств у подростков России и КНР // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т. 19. № 3. С. 4–12.
6. *Махнач А.В.* Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 46–70.
7. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальная жизнеспособность и индивидуально-психологические ресурсы студентов с разной академической успеваемостью // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 1. С. 61–80.
8. *Сараева Н.М.* Жизнеспособность юношеского населения в регионе экологического неблагополучия по показателям психологической адаптации // Известия Иркутского государственного университета. Серия “Психология”. 2017. Т. 21. С. 87–98.
9. *Сараева Н.М., Суханов А.А.* Жизнеспособность молодежи в экологически неблагополучном городе: социально-психологический подход // Экопсихологические исследования-6: Экология детства и психология устойчивого развития. Курск: Университетская книга, 2020. С. 168–172.
10. *Суханов А.А.* Теоретическое обоснование особенностей психологической адаптации населения

- экологически неблагополучного региона // Ученые записки ЗабГУ. 2013. № 5 (52). С. 96–102.
11. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
 12. *Beck A.T., Steer R.A., Brown G.* Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1996.
 13. *Frederick C.J., Pynoos R.S., Nader K.O.* Childhood Post-traumatic Stress Reaction Index (CPTS-RI). Los Angeles, CA, 1992.
 14. *Masten A.S.* Pathways to integrated resilience science // *Psychological Inquiry*. 2015. V. 26. P. 187–196. DOI: 10.1080/1047840X.2015.1012041
 15. *Masten A.S., Best K.M., Garmezy N.* Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity // *Development and Psychopathology*. 1990. V. 2. P. 425–444. DOI: 10.1017/S0954579400005812
 16. *Narayan A.J., Ghosh Ippen C., Harris W.W., Lieberman A.F.* Assessing angels in the nursery: A pilot study of childhood memories of benevolent caregiving as protective influences // *Infant Mental Health Journal*. 2017. V. 38. P. 461–474. DOI: 10.1002/imhj.21653
 17. *Panagioti M., Gooding P.A., Triantafyllou K., Tarrier N.* Suicidality and posttraumatic stress disorder (PTSD) in adolescents: a systematic review and meta-analysis // *Social Psychiatry and Psychiatry Epidemiology*. 2015. V. 50. P. 525–537. DOI: 10.1007/S00127-014-0978-X
 18. *Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R.* Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary. New Haven, CT: Yale University, 2004.
 19. *Sroufe L.A.* The concept of development in developmental psychopathology // *Child Development Perspectives*. 2009. V. 3 (3). P. 178–183. DOI: 10.1111/j.1750-8606.2009.00103.x
 20. *Taylor Z.E., Jones B.L.* Cultural contributors to ego-resilience and associations with depressive problems in Mid-western Latino youth // *Journal of Research on Adolescence*. 2020. V. 30. P. 349–361. DOI: 10.1111/jora.12481
 21. *Theron L.C., Theron A.M.C., Malindi M.J.* Toward an African definition of resilience // *Journal of Black Psychology*. 2012. V. 39 (1). P. 63–87. DOI: 10.1177/0095798412454675
 22. *Ungar M., Liebenberg L.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. V. 5 (2). P. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607

COMPARATIVE ANALYSIS OF YOUTH RESILIENCE FROM REGIONS WITH DIFFERENT CULTURAL, SOCIAL AND ENVIRONMENTAL CONDITIONS OF LIFE²

A. V. Makhnach^{1,*}, A. I. Laktionova^{1,}, Yu. V. Postilyakova^{1,***},
I. A. Gorkovaya^{2,****}, A. V. Miklyaeva^{2,*****}, N. M. Sarayeva^{3,*****},
A. A. Sukhanov^{3,*****}, L. Theron^{4,5*****}, M. Ungar^{6,*****}**

¹*Institute of Psychology of RAS;*

129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.

²*Institute of Psychology of Herzen State Pedagogical University of Russia;*

191186, Saint Petersburg, Moika River emb., 48, bld. 11, Russia.

³*Transbaikal State University;*

672039, Chita, Aleksandro-Zavodskaya str., 30, Russia.

⁴*Faculty of Education, University of Pretoria;*

p.b. X20, Hatfield 0028, cnr. Lynnwood road and Roper str., Hatfield, Republic of South Africa.

⁵*North-West University;*

p.b. 1174, Vanderbijlpark Campus, Hendrik Van Eck Blvd, Vanderbijlpark, 1900, Republic of South Africa.

⁶*Dalhousie University;*

B3H4R2, Halifax, Nova Scotia, Canada.

^{*}*ScD (Psychology), Deputy Director of Science.*

E-mail: makhnach@ipran.ru

² The reported study was funded by RFBR, project № 19-513-60001: Adolescent Resilience to Environmental and Socioeconomic Challenges: A Study of Multiple Systems.

****PhD (Psychology), Senior Research Fellow.*

E-mail: apan@inbox.ru

****PhD (Psychology), Research Fellow.*

E-mail: postlyakova@mail.ru

*****ScD (Psychology), Professor of the Department of Human Psychology.*

E-mail: iralgork@mail.ru

******ScD (Psychology), Professor of the Department of Human Psychology Associate Professor,*

Deputy Director for Science.

E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

******ScD (Psychology), Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology.*

E-mail: saraiewa@mail.ru

******PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology.*

E-mail: suhanov-71@mail.ru

******PhD, Full Professor of the Department of Educational Psychology,*

Extraordinary Professor of Optentia Research Entity of North-West University.

E-mail: linda.theron@up.ac.za

******PhD, Director of Canada Research Chair in Child, Family and Community Resilience, Director of Resilience Research Centre, Scientific Director of Child and Youth Refugee Research Coalition.*

E-mail: michael.ungar@dal.ca

Received 13.12.2020

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of young people's resilience from regions with different socio-cultural and ecological living conditions. The authors adhere to the understanding of the phenomenon of resilience as a dynamic process in which people demonstrate positive adaptation despite the experience of experiencing serious life hardships or trauma. Adverse socioeconomic and environmental conditions, the presence of traumatic symptoms, depression, PTSD and their impact on the adolescents' resilience are considered as risk factors. Individual characteristics, family and contextual support, the social ecology of the place of residence, positive childhood experiences were considered as resilience resources. The total Russian sample of adolescents and young people in the study was 632 people, of which 230 were boys, 402 were girls. All respondents are adolescents from cities: St. Petersburg ($n = 229$), Kirishi ($n = 68$), Vyborg ($n = 64$), Cherepovets ($n = 91$), Chita ($n = 180$). Average age: 18.49 ± 1.87 years. The total sample of adolescents from South Africa is 577, of which 258 were boys, 314 were girls. Average age: 18.13 ± 2.82 years. Research hypotheses: 1. The resources that are leading in the structure of adolescents' resilience have social and cultural conditioning. 2. Unfavorable ecology of the environment weakens the adolescents' resilience. 3. Resilience is a predictor of decreased development of psychopathology in adolescents. It is concluded that: 1. The risk factors that weaken the adolescents' resilience include unfavorable socio-ecological environmental conditions, the presence of psychopathological symptoms, and insufficient individual, family, and contextual resources. 2. The resources that are leading in the structure of adolescents' resilience have social, environmental, and cultural conditioning. 3. Resilience is a predictor of decreased development of depression in adolescents.

Keywords: resilience, adolescents, youth, socio-cultural and ecological living conditions, risk and protective factors, depression, PTSD.

REFERENCES

1. Byhovec Yu.V. Fenomen posttravmaticheskogo rosta. Psihologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. Otv. red. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Harlamenkova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. P. 214–227. (In Russian)
2. VOZ. Psichicheskoe zdorov'e podrostkov. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (data obrashcheniya: 15.08.2020). (In Russian)
3. Gor'kovaya I.A., Miklyaeva A.V. Social'no-psihologicheskie predposylki zhiznesposobnosti molodezhi, prozhivayushchej v usloviyah ekologicheskogo neblagopoluchiya. Ekopsihologicheskie issledovaniya-6: Ekologiya detstva i psikhologiya ustojchivogo razvitiya. Kursk: Universitetskaya kniga, 2020. P. 108–112. (In Russian)
4. Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' i social'naya adaptaciya podrostkov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2017. (In Russian)
5. Loginov I.P., Savin S.Z., Solodkaya E.V. Sravnitel'nyj analiz rasprostraneniya depressivnyh rasstrojstv u podrostkov Rossii i KNR. Voprosy psichicheskogo zdorov'ya

- detej i podrostkov. 2019. V. 19. № 3. P. 4–12. (In Russian)
6. *Mahnach A.V.* Issledovaniya zhiznesposobnosti cheloveka: osnovnye podhody i modeli. Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty. Otv. red. A.V. Mahnach, L.G. Dikaya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 46–70. (In Russian)
 7. *Postilyakova Yu.V.* Individual'naya zhiznesposobnost' i individual'no-psihologicheskie resursy studentov s raznoj akademicheskoy uspevaemost'yu. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2020. V. 5. № 1. P. 61–80. (In Russian)
 8. *Saraeva N.M.* Zhiznesposobnost' yunosheskogo naseleeniya v regione ekologicheskogo neblagopoluchiya po pokazatelyam psihologicheskoy adaptacii. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Psihologiya". 2017. V. 21. P. 87–98. (In Russian)
 9. *Saraeva N.M., Suhanov A.A.* Zhiznesposobnost' molodezhi v ekologicheski neblagopoluchnom gorode: social'no-psihologicheskij podhod. Ekopsihologicheskie issledovaniya-6: Ekologiya detstva i psihologiya ustojchivogo razvitiya. Kursk: Universitetskaya kniga, 2020. P. 168–172. (In Russian)
 10. *Suhanov A.A.* Teoreticheskoe obosnovanie osobennostej psihologicheskoy adaptacii naseleniya ekologicheski neblagopoluchnogo regiona. Uchyonye zapiski ZabGU. 2013. № 5 (52). P. 96–102. (In Russian)
 11. *Tarabrina N.V.* Psihologiya posttravmaticheskogo stressa. Teoriya i praktika. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)
 12. *Beck A.T., Steer R.A., Brown G.* Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1996.
 13. *Frederick C.J., Pynoos R.S., Nader K.O.* Childhood Post-traumatic Stress Reaction Index (CPTS-RI). Los Angeles, CA, 1992.
 14. *Masten A.S.* Pathways to integrated resilience science. Psychological Inquiry. 2015. V. 26. P. 187–196. DOI: 10.1080/1047840X.2015.1012041
 15. *Masten A.S., Best K.M., Garmezy N.* Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity. Development and Psychopathology. 1990. V. 2. P. 425–444. DOI: 10.1017/S0954579400005812
 16. *Narayan A.J., Ghosh Ippen C., Harris W.W., Lieberman A.F.* Assessing angels in the nursery: A pilot study of childhood memories of benevolent caregiving as protective influences. Infant Mental Health Journal. 2017. V. 38. P. 461–474. DOI: 10.1002/imhj.21653
 17. *Panagioti M., Gooding P.A., Triantafyllou K., Tarrier N.* Suicidality and posttraumatic stress disorder (PTSD) in adolescents: a systematic review and meta-analysis. Social Psychiatry and Psychiatry Epidemiology. 2015. V. 50. P. 525–537. DOI: 10.1007/S00127-014-0978-X
 18. *Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R.* Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary. New Haven, CT: Yale University, 2004.
 19. *Sroufe L.A.* The concept of development in developmental psychopathology. Child Development Perspectives. 2009. V. 3 (3). P. 178–183. DOI: 10.1111/j.1750-8606.2009.00103.x
 20. *Taylor Z.E., Jones B.L.* Cultural contributors to ego-resiliency and associations with depressive problems in Midwestern Latino Youth. Journal of Research on Adolescence. 2020. V. 30. P. 349–361. DOI: 10.1111/jora.12481
 21. *Theron L.C., Theron A.M.C., Malindi M.J.* Toward an African definition of resilience. Journal of Black Psychology. 2012. V. 39 (1). P. 63–87. DOI: 10.1177/0095798412454675
 22. *Ungar M., Liebenberg L.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. Journal of Mixed Methods Research. 2011. V. 5 (2). P. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607

УДК 316.64

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ТИПЫ ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2021 г. Т. А. Нестик

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Доктор психологических наук, профессор,
заведующий лабораторией социальной и экономической психологии.
E-mail: nestik@gmail.com

Поступила 29.12.2020

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования среди российской молодежи ($N = 1970$), направленного на выявление структуры и социально-психологических предпосылок долгосрочной ориентации личности. Подтверждена гипотеза о существовании разных социально-психологических типов долгосрочной ориентации. Наряду с краткосрочно ориентированными типами (“пессимисты” — 8.9% и “тактики” — 24.2%), выделены долгосрочно ориентированные (“стратеги” — 19.8%, “ориентированные на личные достижения оптимисты” — 15.2%; “просоциальные визионеры” — 12.7%; “ответственные традиционалисты” — 19.2%). Построенная эмпирическая типология долгосрочной ориентации подтверждает предположение о том, что существует как коллективистическая ориентация на долгосрочное будущее, опирающаяся на доверие социальным институтам и сопереживание (“просоциальные визионеры”, “ответственные традиционалисты”), так и индивидуалистическая ориентация, при которой долгосрочное прогнозирование и планирование связаны с ориентацией на личные достижения и самостоятельность (“стратеги” и “ориентированные на личные достижения оптимисты”). Выявлены направленность связей между компонентами долгосрочной ориентации, а также их социально-психологические предикторы: во-первых, дескриптивные нормы и просоциальные установки; во-вторых, индивидуалистические ценности и вера в собственные силы; в-третьих, тревожные состояния, связанные с изменениями в обществе. Впервые была подтверждена связь долгосрочной ориентации с дескриптивными нормами, т.е. представлением личности о том, насколько типична долгосрочная ориентация для окружающих людей и россиян в целом. Впервые показано, что различные компоненты долгосрочной ориентации могут усиливаться или ослабляться тревожными состояниями: с одной стороны, тревога по поводу будущего и дистресс во время пандемии снижают веру в вознаграждение долгосрочных усилий и оптимизм, с другой — они стимулируют интерес к долгосрочному будущему и стремление ставить долгосрочные цели.

Ключевые слова: долгосрочная ориентация, пандемия COVID-19, социальное доверие, просоциальные установки, дескриптивные нормы, ценностные ориентации, самоэффективность, тревога.

DOI: 10.31857/S020595920016008-4

Для развития человеческого потенциала, жизнеспособности организаций и страны в целом все большую актуальность приобретает задача формирования *долгосрочной ориентации* — значимости для личности и группы долгосрочного целеполагания, прогнозирования и планирования, достижения и сохранения устойчивых к изменениям результатов своей и чужой деятельности, а также учета долгосрочных последствий этой деятельности для

себя, других людей и окружающей среды [2]. Несмотря на растущую необходимость в научно обоснованных мерах поддержки долгосрочной ориентации личности и общества, социально-психологические механизмы, лежащие в основе данного феномена, остаются мало изученными.

С целью изучения долгосрочной ориентации как социально-психологического феномена было проведено эмпирическое исследование. Было выдвинуто предположение о том, что долгосрочная ориентация является сложным установочным феноменом,

¹ Исследование выполнено по гранту РФФИ № 19-29-07463.

включающим в себя аффективные, мотивационно-ценностные, когнитивные и предповеденческие компоненты. Кроме того, опираясь на результаты предшествующих исследований [2], мы выдвинули гипотезу о существовании индивидуалистического и коллективистического типов долгосрочной ориентации. Наконец, следующая гипотеза заключалась в том, что компоненты долгосрочной ориентации связаны с доверием и просоциальными установками, ценностью достижений и самостоятельности, а также уровнем тревоги по поводу пандемии COVID-19. Таким образом, в рамках исследования было поставлено несколько *задач*: 1) проверить предположение о сложной многокомпонентной структуре феномена долгосрочной ориентации, 2) выявить ее эмпирические типы, а также 3) выявить ее социально-психологические предикторы.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В *выборку* исследования вошли представители студенческой и работающей молодежи ($N = 1970$; 44.6% — мужчины; 55.4% — женщины; средний возраст $M = 25.8$; $SD = 5.69$). Сбор данных осуществлялся с помощью платного онлайн-опроса по панели респондентов исследовательской компании ОМІ. В *выборку* вошли респонденты из всех восьми федеральных округов РФ: Центрального ($N = 322$), Северо-Западного ($N = 196$), Южного ($N = 222$), Северо-Кавказского ($N = 130$), Приволжского ($N = 431$), Уральского ($N = 262$), Сибирского ($N = 206$) и Дальневосточного ($N = 136$), при этом 65 респондентов не указали свой округ.

В исследовании были использованы как специально разработанные нами методики, так и уже апробированные *российские и зарубежные опросники*. Для измерения долгосрочной ориентации были взяты опросник “Долгосрочная ориентация” Т.А. Нестика (сведения об апробации приведены ниже), субшкала ориентации на учет долгосрочных последствий из методики “Ориентация на учет будущих последствий” А. Стратмена [3], а также “Шкала социальной генеративности” Д. Морселли и С. Пассини ([5]; α Кронбаха = 0.865). Для измерения индивидуально-психологических характеристик использовались Стэнфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) в адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной, шкала протяженности временной ориентации А. Блюдона [1], а также методика “Шкала общей самооффективности” Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека. Для измерения социально-психологических характеристик использовался краткий “Портретный опросник

ценностных ориентаций” Ш. Шварца, шкалы из World Values Survey, измеряющие социальное доверие ($\alpha = 0.719$) и институциональное доверие ($\alpha = 0.800$), а также “Опросник долгового поведения” М.А. Гагариной. Для измерения отношения респондентов к пандемии были выбраны три субшкалы опросника “Отношение личности к эпидемиологической угрозе” Т.А. Нестика [6], измеряющие самооффективность в условиях пандемии, сопереживание другим людям, уязвимым к заражению коронавирусом и последствиям пандемии, а также веру в конспирологические теории пандемии. Для измерения дистресса, связанного с кризисом коронавируса, была выбрана 10-пунктная методика “Жизнеспособность в условиях пандемии” [11] в адаптации Т.А. Нестика ($\alpha = 0.816$). Для измерения тревоги по поводу происходящих в стране изменений была использована шкала “Темное будущее” З. Залеского ([4]; $\alpha = 0.845$). Также использовались специально разработанные нами шкалы: дескриптивные нормы долгосрочной ориентации (3 утверждения; $\alpha = 0.815$; $M = 2.96$; $SD = 0.742$; пример: “Большинство окружающих меня людей считают, что строить долгосрочные планы бессмысленно”); инскриптивные нормы долгосрочной ориентации (2 утверждения; $\alpha = 0.602$; $M = 3.45$; $SD = 0.849$; пример: “Значимым для меня людям хотелось бы, чтобы у меня были долгосрочные цели”); бережливость в финансовом и потребительском поведении (4 утверждения; $\alpha = 0.692$; $M = 3.73$; $SD = 0.764$; пример: “Я стараюсь бережливо распоряжаться деньгами”).

С опорой на проведенный теоретический анализ [2; 3] была разработана методика, направленная на измерение долгосрочной ориентации как сложного *многокомпонентного феномена*.

При разработке шкал опросника мы опирались на уже созданные к настоящему моменту зарубежные методики для его оценки. В частности, для оценки ориентации на продолжение традиций был задействован ряд пунктов из методики “Долгосрочная ориентация” У. Бердена с коллегами [8], для оценки убеждения в том, что затраченные сегодня усилия будут вознаграждены в будущем, применялись пункты из опросника “Социальные аксиомы” М. Бонда и К. Леонга [7], для оценки бережливости мы опирались на примеры утверждений из “Опросника отложенного вознаграждения” М. Хергера и его коллег [10]. В первоначальную версию опросника вошли 63 утверждения, разработанные для измерения 12 показателей: 1) интереса к долгосрочному будущему, 2) позитивной оценки долгосрочного будущего, 3) ценности непрерывного личностного развития, 4) ценности традиций, 5) ценности

следа в памяти потомков, 6) ценности долгосрочных деловых отношений, 7) ценности долгосрочных близких отношений, 8) веры в вознаграждение усилий, 9) убеждения в эффективности долгосрочного прогнозирования и планирования, 10) готовности ставить долгосрочные цели, 11) ориентации на долгосрочно ориентированное потребление, и 12) бережливости в отношении денег. В результате последующей проверки субшкал на внутреннюю согласованность, эксплораторного и конфирматорного факторного анализа мы вынуждены были отказаться от четырех из шкал: ценности долгосрочных деловых отношений, ценности долгосрочных близких отношений, ориентации на долгосрочно ориентированное потребление, бережливости в отношении денег, а общее число утверждений в опроснике было сокращено до 28.

На окончательном этапе конфирматорного факторного анализа сравнивались три модели:

1) модель из 8 факторов, связанных друг с другом ($\chi^2 = 773.674$; $df = 294$; $CMIN/DF = 2.632$; $p < 0.001$; $RMR = 0.034$; $GFI = 0.973$; $CFI = 0.976$; $RMSEA = 0.029$; $Lo\ 90 = 0.026$; $Hi\ 90 = 0.031$; $Pclose = 1$); 2) модель с 8 факторами, объединенными общей латентной переменной ($\chi^2 = 972.970$; $df = 308$; $CMIN/DF = 3.159$; $p < 0.001$; $RMR = 0.044$; $GFI = 0.965$; $CFI = 0.969$; $RMSEA = 0.033$; $Lo\ 90 = 0.031$; $Hi\ 90 = 0.035$; $Pclose = 1$); 3) модель с 8 факторами, объединенными общей латентной переменной, при ковариации ошибок пяти факторов. Последний вариант характеризовался наилучшими показателями соответствия: $\chi^2 = 762.892$; $df = 305$; $CMIN/DF = 2.501$; $p < 0.001$; $RMR = 0.039$; $GFI = 0.972$; $CFI = 0.979$; $RMSEA = 0.028$; $Lo\ 90 = 0.025$; $Hi\ 90 = 0.030$; $Pclose = 1$. Веса всех переменных, которые входят в соответствующие факторы, значимы на уровне $p < 0.001$. Таким образом, было доказано, что долгосрочная ориентация личности является многокомпонентным конструктом,

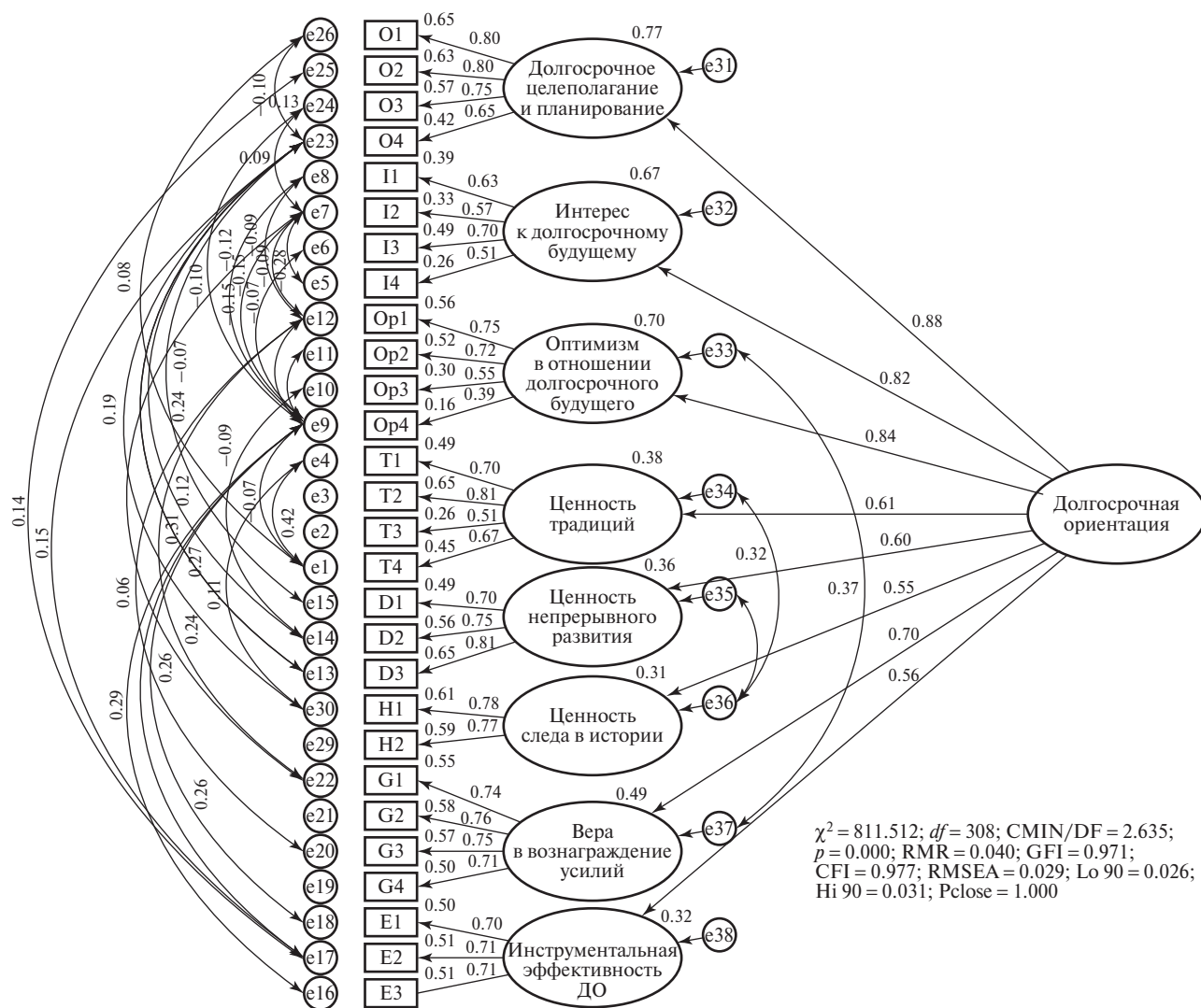

Рис. 1. Графическое представление результатов конфирматорного факторного анализа

включающим аффективные, мотивационно-ценностные, когнитивные и конативные компоненты.

К аффективным компонентам относятся интерес к долгосрочному будущему (4 пункта; α Кронбаха = 0.721; $M = 3.46$; $SD = 0.798$; пример утверждения: “Мне нравится размышлять о том, как может измениться мир в отдаленном будущем”) и оптимизм в отношении долгосрочного будущего (4 пункта; α Кронбаха = 0.714; $M = 3.74$; $SD = 0.787$; пример: “Я с оптимизмом смотрю в отдаленное будущее”). К мотивационно-ценностным компонентам относятся ценность следа в истории (α Кронбаха = 0.749; $M = 3.80$; $SD = 0.947$; пример: “Мне хотелось бы оставить долгий след в памяти потомков”); ценность традиций (4 пункта; α Кронбаха = 0.790; $M = 3.54$; $SD = 0.875$; пример: “Для меня важно поддерживать традиции”); ценность непрерывного саморазвития (α Кронбаха = 0.796; $M = 4.03$; $SD = 0.794$; пример: “Мне хотелось бы постоянно учиться чему-нибудь на протяжении всей моей жизни”). К когнитивным компонентам относятся убеждение в инструментальной эффективности долгосрочного прогнозирования и планирования (3 пункта; α Кронбаха = 0.757; $M = 3.32$; $SD = 0.940$; пример: “Глупо строить долгосрочные планы, так как все равно все выйдет иначе”) и вера в вознаграждение за усилия (4 пункта; α Кронбаха = 0.830; $M = 4.11$; $SD = 0.750$; пример: “Можно добиться успеха, если долго идти к нему шаг за шагом”). Наконец, предповеденческий компонент представлен в опроснике шкалой долгосрочного целеполагания и планирования (4 пункта; α Кронбаха = 0.827; $M = 3.59$; $SD = 0.885$; пример: “Я регулярно ставлю перед собой отдаленные цели”). Общая шкала выраженности долгосрочной ориентации имеет высокую внутреннюю согласованность (28 пунктов, α Кронбаха = 0.914; $M = 3.69$; $SD = 0.579$). Показатели асимметрии 28 пунктов находятся в диапазоне от -0.146 до -1.256 , а показатели скошенности распределения — в пределах от -0.875 до 1.791 . Показатели асимметрии субшкал находятся в диапазоне от -0.853 до -0.152 , а показатели скошенности распределения — в пределах от -0.505 до 0.749 , при том что значения в интервале ± 1 считаются превосходными, а в интервале ± 2.00 — допустимыми [9]. Статистически значимые различия между мужчинами и женщинами были обнаружены только по двум субшкалам ($p < 0.001$): женщины более оптимистичны в отношении долгосрочного будущего, чем мужчины (соответственно $M = 3.81$; $SD = 0.769$ и $M = 3.65$; $SD = 0.810$), а также более склонны верить в вознаграждение усилий (соответственно $M = 4.19$; $SD = 0.696$ и $M = 4.02$; $SD = 0.803$).

Для проверки методики на конвергентную и дискриминантную валидность применялась методика с использованием Стэнфордского опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) в адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной. Как и ожидалось, была обнаружена корреляция всех субшкал нашей методики с ориентацией на будущее по шкале ZTPI: коэффициенты Спирмена находятся в диапазоне от 0.243 до 0.525 (значимость всех показателей $p < 0.001$). Все субшкалы методики, кроме ценности следа в истории и ценности традиций, ожидаемо негативно коррелируют с фаталистическим настоящим: коэффициенты Спирмена находятся в диапазоне от -0.045 при $p < 0.05$ до -0.423 при $p < 0.001$. Как и ожидалось, ценность следа в истории и ценность традиций положительно связаны с позитивным прошлым (соответственно $r = 0.260$ при $p < 0.001$ и 0.485 при $p < 0.001$). Эти результаты подтверждают конвергентную и дискриминантную валидность, а также прогностические возможности шкал нашего опросника.

Наконец, для проверки критериальной валидности методики участникам исследования задавали вопрос: “Одни люди стараются планировать свою жизнь на несколько лет вперед. Другие строят планы только на короткий срок. А как поступаете Вы?”. При ответе на него 23.9% выбрали ответ “планирую на несколько лет вперед”, 39.4% — “планирую на несколько месяцев вперед”, 22.2% — “пока не строю планов, ситуация в стране нестабильна”, 10.4 — “никогда не строю планов, живу сегодняшним днем” и 4.1% затруднились ответить. По критерию Краскела—Уоллиса нами были выявлены статистически значимые различия по всем субшкалам опросника между респондентами, выбравшими различные варианты ответа на этот вопрос. Анализ значимости различий с помощью непараметрического критерия Манна—Уитни показал, что респонденты, выбравшие ответ “планирую на несколько лет вперед” ($N = 467$), характеризовались более выраженными показателями по всем субшкалам нашего опросника (Z от -6.86 до -16.45 при значимости всех различий $p < 0.001$), чем респонденты ($N = 203$), выбравшие вариант “никогда не строю планов, живу сегодняшним днем”.

ТИПЫ ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Для проверки предположения о существовании разных типов долгосрочной ориентации был проведен кластерный анализ методом k -средних на основании субшкал нашей методики

Таблица 1. Психологические типы долгосрочной ориентации (результаты кластерного анализа)

	1. Кратко- срочно ори- ентирован- ные песси- мисты (<i>N</i> = 175)	2. Стратеги (<i>N</i> = 390)	3. Тактики (<i>N</i> = 477)	4. Ориенти- рованные на личные до- стижения оптимисты (<i>N</i> = 299)	5. Просоци- альные ви- зионеры (<i>N</i> = 250)	6. Ответ- ственные традициона- листы (<i>N</i> = 378)
Интерес к долгосрочному бу- дущему	2.6	3.8	2.9	3.4	4.4	3.6
Оптимизм в отношении долго- срочного будущего	2.9	4.2	3.2	3.9	4.5	3.7
Ценность следа в истории	2.5	4.1	3.5	3.3	4.7	4.2
Ценность традиций	2.5	3.8	3.2	3.3	4.4	3.9
Ценность непрерывного само- развития	3.1	4.4	3.6	4.0	4.8	4.2
Инструментальная эффектив- ность долгосрочной ориента- ции	2.7	4.1	2.8	3.6	4.1	2.7
Вознаграждение за усилия	3.3	4.5	3.6	4.3	4.8	4.2
Долгосрочное целеполагание и планирование	2.4	4.2	2.9	3.8	4.7	3.6
Ориентация на учет послед- ствий отдаленного будущего (CFC-F)	3.3	5.3	4.3	4.8	6.2	5.2
Шкала социальной генератив- ности (Morselli, Passini, 2015)	2.4	4.8	4.1	3.3	6.0	5.1

“Долгосрочная ориентация”, а также шкал “Ориентация на учет отдаленных последствий” (CFC-F) и “Социальная генеративность” (SG). Было выделено шесть социально-психологических типов долгосрочной ориентации (см. табл. 1 и 2): “Краткосрочно ориентированные пессимисты” (8.9%), “Стратеги” (19.8%), “Тактики” (24.2%), “Ориентированные на личные достижения оптимисты” (15.2%), “Просоциальные визионеры” (12.7%), “Ответственные традиционалисты” (19.2%).

В первый тип “Краткосрочно ориентированные пессимисты” (*N* = 175; 50.3% — мужчины; 49.7% — женщины; средний возраст — 25.9 года) вошли респонденты, которые характеризуются наиболее негативной оценкой долгосрочного будущего, наименьшим интересом к нему, а также наиболее низкой ориентацией на долгосрочное целеполагание и планирование. Среди представителей данного типа 45% признаются в том, что обычно не строят планов на будущее, еще 26.7% знают, что произойдет с ними в течение этого года, а на большее не заглядывают. Среди них 25.7% предпочли бы иметь небольшой заработок, но больше свободного времени. Анализ значимых различий с использованием непараметрического критерия Краскела—Уоллиса показал, что по сравнению с другими типами “краткосрочно ориентированные пессимисты” характеризуются наименее протяженной временной перспективой, наиболее низким уровнем общей

самоэффективности и низким объемом социально-го капитала, наиболее высоким уровнем ориентации на ценности стимуляция и гедонизма, а также наименее рациональным долговым поведением и низким избеганием долгов ($p < 0.01$).

Представители второго типа “Стратеги” (*N* = 390; 41% — мужчины; 59% — женщины; средний возраст — 26 лет) высоко оценивают инструментальную эффективность долгосрочного целеполагания и прогнозирования, оптимистично оценивают долгосрочное будущее и проявляют к нему интерес, высокоориентированы на непрерывное саморазвитие, долгосрочное целеполагание и планирование. При этом они проявляют умеренную ответственность перед будущими поколениями и относительно невысокую ориентацию на традиции. Среди представителей данного типа 34% считают, что через несколько лет их жизнь серьезно изменится; 37.3% планируют свою жизнь на несколько лет, 45.5% — на несколько месяцев. В ответе на другой вопрос 33.2% представителей данного типа признали, что предпочли бы иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. По сравнению с другими типами, “стратеги” характеризуются наиболее протяженной и сбалансированной временной перспективой, наиболее низким уровнем дистресса во время пандемии, наибольшей ориентацией на ценность самостоятельности, наиболее

Таблица 2. Психологические характеристики типов долгосрочной ориентации (результаты анализа значимых различий)

	1. Кратко-срочно ориентированные пессимисты	2. Стратегии	3. Тактики	4. Ориентированные на личные достижения оптимисты	5. Просоциальные визионеры	6. Ответственные традиционалисты	Значимость различий по критерию Краскела—Уоллиса: $\chi^2 (p)$
Бережливость в финансовом и потребительском поведении	3.2	4.0	3.4	3.7	4.3	3.7	375.736(***)
Дескриптивные нормы долгосрочной ориентации	2.7	2.9	2.6	2.7	2.8	2.5	56.441 (***)
Инскриптивные нормы долгосрочной ориентации	2.9	3.7	3.2	3.3	4.1	3.6	275.875(***)
Протяженность временной перспективы	5.6	7.1	5.8	6.6	7.1	6.3	132.065(***)
Протяженность временной ретроспективы	6.2	7.5	6.5	6.9	7.1	6.8	60.142(***)
Общая протяженность временной перспективы	5.9	7.3	6.1	6.8	7.1	6.6	109.412(***)
Общая самооффективность	2.4	3.0	2.6	2.7	3.2	2.9	367.581(***)
Негативное прошлое (ZTPI)	3.3	3.2	3.4	3.4	3.7	3.7	56.299(***)
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	2.8	3.6	3.2	3.4	4.0	3.6	309.609(***)
Будущее (ZTPI)	3.1	4.1	3.4	3.8	4.4	3.8	624.845(***)
Позитивное прошлое (ZTPI)	3.3	4.1	3.6	3.9	4.4	4.0	280.707(***)
Фаталистическое настоящее (ZTPI)	3.0	2.3	3.0	2.5	2.5	3.1	244.341(***)
Отклонение от сбалансированной временной перспективы	3.1	2.2	2.6	2.4	2.7	2.6	188.048(***)
Тревога по поводу будущего	4.1	4.2	4.5	4.4	4.7	4.9	79.269(***)
Конформность (TIVI)*	-0.5	-0.2	-0.1	-0.3	-0.3	0.1	36.612(***)
Традиции (TIVI)*	-0.8	-0.6	-0.6	-0.8	-0.4	-0.1	74.899(***)
Доброжелательность (TIVI)*	-0.2	0.1	0.0	-0.3	0.2	0.2	62.667(***)
Универсализм (TIVI)*	0.6	0.3	0.4	0.3	0.2	0.3	11.287(0.046)
Самостоятельность (TIVI)*	0.3	0.7	0.4	0.5	0.6	0.4	31.644(***)
Стимуляция (TIVI)*	-0.5	-0.7	-0.6	-0.6	-0.8	-0.9	18.842(0.002)
Гедонизм (TIVI)*	1.2	0.4	0.6	0.7	0.1	0.3	116.295(***)
Достижения (TIVI)*	0.1	0.2	-0.1	0.3	0.2	0.0	40.613(***)
Власть (TIVI)*	-0.5	-0.3	-0.4	-0.2	0.0	-0.4	41.01(***)
Безопасность (TIVI)*	0.4	0.4	0.2	0.5	0.3	0.3	13.983(0.016)
Рациональность долгового поведения	21.4	25.2	22.1	24.3	26.3	24.2	310.216(***)
Избегание долгов	14.1	16.5	14.5	15.8	17.1	15.7	186.851(***)
Осуждение заемщиков	9.8	9.9	10.8	10.1	10.0	10.6	35.44(***)
Дистресс во время пандемии	2.4	2.2	2.7	2.4	2.5	2.8	74.501(***)
Жизнеспособность в условиях пандемии	3.3	4.1	3.4	3.9	4.2	3.7	385.074(***)
Общая жизнеспособность в условиях пандемии	3.4	4.0	3.4	3.8	4.0	3.5	242.673(***)
Самооффективность: вера в способность защитить себя и близких, оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	2.9	3.3	2.9	3.1	3.1	2.9	46.408(***)

Окончание табл. 2

	1. Кратко-ориентированные пессимисты	2. Стратегии	3. Тактики	4. Ориентированные на личные достижения оптимисты	5. Просоциальные визионеры	6. Ответственные традиционалисты	Значимость различий по критерию Краскела—Уоллиса: $\chi^2(p)$
Сопереживание другим во время эпидемии	2.9	3.7	3.3	3.4	4.1	3.8	271.068(***)
Конспирологическая ориентация: вера в искусственное происхождение эпидемии	3.1	3.3	3.3	3.3	3.5	3.4	16.066(0.007)
Индивидуальное доверие (WVS)	4.2	5.0	4.7	4.7	5.2	5.0	145.605(***)
Аутгрупповое доверие (WVS)	3.0	3.4	3.3	3.3	3.4	3.3	18.851(0.002)
Институциональное доверие (WVS)	2.7	3.1	2.9	2.9	3.3	3.0	37.867(***)
Сколько, примерно, людей в Вашей телефонной записной книжке или мобильном телефоне (не считая номеров организаций)?	2.9	3.8	3.0	3.2	3.6	3.4	60.533(***)
Какое примерно количество людей до начала эпидемии коронавируса Вы могли бы попросить потратить не-сколько часов, чтобы помочь Вам?	2.5	2.6	2.5	3.3	3.0	2.3	24.329(***)
Как Вы оцениваете финансовое положение свое и Вашей семьи в настоящее время?	3.2	3.6	3.3	3.5	3.5	3.3	55.305(***)

Примечание. * для каждой ценности рассчитано отклонение от индивидуального среднего балла по всем 10 ценностям; чем выше значение, тем более выражена ориентация на данную ценность; ***, $p < 0,001$.

широкой сетью личных контактов, а также выше других оценивают свой экономический статус.

Третий тип “Тактики” ($N = 477$; 45.5% — мужчины; 54.5% — женщины; средний возраст — 25.9 года) проявляют умеренную ориентацию на непрерывное саморазвитие и веру в вознаграждение усилий, однако характеризуются очень низким интересом к долгосрочным прогнозам, а также демонстрируют низкую ориентацию на учет последствий отдаленного будущего, низкую готовность к долгосрочному целеполаганию и планированию. Среди них лишь 9% планируют свою жизнь на несколько лет вперед, 32.8% — на несколько месяцев, 33.7% признаются, что не строят планов, так как ситуация в стране нестабильна. Для них характерны наиболее низкая ориентация на ценность достижений, а также относительно короткая протяженность временной перспективы, низкий уровень самооэффективности и психологического благополучия во время пандемии, низкий уровень доверия и персонального социального капитала, невысокий субъективный экономический статус и осуждение заемщиков.

В четвертый тип “Ориентированные на личные достижения оптимисты” ($N = 299$; 35.5% — мужчины; 64.5% — женщины; средний возраст — 25.2 года) вошли респонденты с высоким оптимизмом в отношении долгосрочного будущего и относительно высокой верой в вознаграждение усилий, характеризующиеся при этом низкой ориентацией на традиции и низкой ответственностью перед будущими поколениями. Среди них 26.7% планируют свою жизнь на несколько лет вперед, а 40.2% — на несколько месяцев. Среди них 28.6% ожидают изменений в своей жизни через несколько лет. По сравнению с другими типами, “ориентированные на личные достижения оптимисты” характеризуются наиболее низкой ориентацией на ценность доброжелательности и наиболее высокой — на ценности безопасности и достижений.

Пятый тип “Просоциальные визионеры” ($N = 250$; 48.8% — мужчины; 51.2% — женщины; средний возраст — 25.7 года) объединяет наиболее долгосрочно ориентированных респондентов. Они проявляют наиболее высокий интерес к прогнозированию долгосрочного будущего, сильнее других

типов ориентированы на долгосрочное целеполагание и планирование, а также проявляют наибольшую ответственность перед будущими поколениями, ценят длительный след в истории и поддержание традиций. Лишь менее 1% из них не строят планов, 50.8% признаются, что планируют жизнь на несколько лет. Среди них 42.5% полагают, что через несколько лет их жизнь серьезно изменится, а по словам 20.6%, они рассчитали свою жизнь так, что добьются своей цели лет через десять. В ответе на другой вопрос 36.2% представителей данного типа признали, что предпочли бы иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. По сравнению с другими типами, “просоциальные визионеры” наиболее ориентированы на будущее, позитивное прошлое и гедонистическое настоящее, сильнее сопереживают другим людям в условиях пандемии, характеризуются значимо более высоким уровнем доверия к другим группам и социальным институтам, а также сильнее ориентированы на ценность власти.

К шестому типу “Ответственные традиционалисты” ($N = 378$; 49.2% — мужчины; 50.8% — женщины; средний возраст — 26.1 года) были отнесены респонденты, для которых характерны высокая ценность следа в истории и продолжения традиций, а также ответственность перед будущими поколениями и умеренная ориентация на учет долгосрочных последствий при низком интересе к отдаленному будущему и низкой ориентации на долгосрочное целеполагание. Среди них 47% планируют свою жизнь на несколько месяцев, а еще 26.1% пока не строят планов из-за нестабильной ситуации в стране. В ответе на другой вопрос 39.8% представителей данного типа признали, что предпочли бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне. По сравнению с другими типами, “ответственные традиционалисты” характеризуются наиболее высокой ориентацией на ценности конформности и традиций, наиболее высокой тревогой по поводу будущего, наиболее сильным дистрессом во время пандемии, наиболее выраженной ориентацией на фаталистическое настоящее, а также наиболее узким кругом близких друзей.

Построенная нами эмпирическая типология долгосрочной ориентации подтверждает предположение о том, что существует как коллективистическая ориентация на долгосрочное будущее, опирающаяся на доверие социальным институтам и сопереживание (“просоциальные визионеры”, “ответственные традиционалисты”), так и индивидуалистическая ориентация, при которой долгосрочное прогнозирование и планирование связаны

с ориентацией на личные достижения и самостоятельность (“стратеги” и “ориентированные на личные достижения оптимисты”).

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ДОЛГОСРОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Для уточнения социально-психологических предпосылок долгосрочной ориентации нами было проведено структурное моделирование с помощью программы Amos v.25. Проверялись гипотезы о влиянии компонентов долгосрочной ориентации друг на друга, а также их обусловленности характеристиками временной перспективы, общей самоэффективностью, ценностными ориентациями, социальным доверием, тревогой по поводу будущего, социальной генеративностью, а также дистрессом и сопереживанием другим людям во время пандемии. Основанная на наших предположениях путевая модель обладает высокими показателями пригодности: $\chi^2 = 213.201$; $df = 78$; CMIN/DF = 2.733; $p < 0.001$; SRMR = 0.023; GFI = 0.989; CFI = 0.987; RMSEA = 0.030; Lo 90 = 0.025; Hi 90 = 0.035; Pclose = 1 (табл. 3).

Наибольший вклад в долгосрочное целеполагание и планирование ($R^2 = 0.512$) вносят представление об инструментальной эффективности долгосрочного прогнозирования и планирования ($\beta = 0.285$), оптимизм в отношении долгосрочного будущего ($\beta = 0.205$) и ценность непрерывного саморазвития ($\beta = 0.169$). В свою очередь, постановка долгосрочных целей сильнее всего определяет интерес к долгосрочным прогнозам ($\beta = 0.368$). Представление об инструментальной эффективности долгосрочного планирования определяется в наибольшей мере оптимизмом в отношении долгосрочного будущего ($\beta = 0.262$). Вера в вознаграждение долгосрочных усилий вносит существенный вклад в ценность традиций ($\beta = 0.208$), а также в оптимистичную оценку долгосрочного будущего ($\beta = 0.385$) и ценность непрерывного развития ($\beta = 0.242$).

Полученные данные позволяют выделить три основных группы социально-психологических факторов долгосрочной ориентации: во-первых, дескриптивные нормы и просоциальные установки; во-вторых, индивидуалистические ценности и вера в собственные силы; в-третьих, тревожные состояния, связанные с изменениями в обществе.

Нами впервые была подтверждена связь долгосрочной ориентации с дескриптивными нормами, т.е. представлением личности о том, насколько

Таблица 3. Социально-психологические предикторы долгосрочной ориентации (результаты структурного моделирования)

Компоненты долгосрочной ориентации	Предикторы	B	SE	CR	β	p
Долгосрочное целеполагание и планирование ($R^2 = 0.512$)	Тревога по поводу будущего	0.070	0.011	6.185	0.107	***
	Социальная генеративность	0.078	0.014	5.407	0.110	***
	Дисстресс во время пандемии	0.052	0.014	3.808	0.064	***
	Достижения	0.050	0.014	3.689	0.061	***
	Ценность традиций	0.114	0.019	5.89	0.114	***
	Оптимизм в отношении долгосрочного будущего	0.229	0.024	9.628	0.205	***
	Ценность непрерывного саморазвития	0.188	0.021	9.046	0.169	***
	Вознаграждение за усилия	0.086	0.025	3.454	0.074	***
Интерес к долгосрочному будущему ($R^2 = 0.414$)	Инструментальная эффективность ДО	0.267	0.017	16.133	0.285	***
	Самостоятельность	0.058	0.014	4.049	0.071	***
	Сопереживание другим во время эпидемии	0.095	0.016	5.945	0.113	***
	Тревога по поводу будущего	0.086	0.011	7.675	0.139	***
	Социальная генеративность	0.083	0.014	5.761	0.123	***
	Вознаграждение за усилия	0.084	0.024	3.557	0.075	***
	Ценность традиций	0.098	0.02	4.78	0.103	***
	Инструментальная эффективность ДО	0.061	0.018	3.366	0.068	***
Оптимизм в отношении долгосрочного будущего ($R^2 = 0.458$)	Долгосрочное целеполагание и планирование	0.350	0.022	15.988	0.368	***
	Традиции	0.061	0.016	3.689	0.080	***
	Вознаграждение за усилия	0.404	0.021	19.475	0.385	***
	Дисстресс во время пандемии	-0.059	0.013	-4.597	-0.081	***
	Социальная генеративность	0.091	0.012	7.309	0.142	***
	Сопереживание другим во время эпидемии	0.061	0.015	4.159	0.077	***
	Общая самооффективность	0.143	0.028	5.005	0.098	***
	Достижения	0.095	0.013	7.58	0.129	***
Инструментальная эффективность ДО ($R^2 = 0.219$)	Тревога по поводу будущего	-0.067	0.011	-6.226	-0.115	***
	Позитивное прошлое (ZTPI)	0.125	0.018	6.787	0.127	***
	Институциональное доверие	0.056	0.012	4.586	0.079	***
	Дескриптивные нормы долгосрочной ориентации	0.079	0.012	6.73	0.114	***
	Дисстресс во время пандемии	-0.068	0.018	-3.716	-0.078	***
	Дескриптивные нормы долгосрочной ориентации	0.116	0.017	6.91	0.141	***
	Ценность непрерывного саморазвития	0.120	0.026	4.591	0.102	***
	Вознаграждение за усилия	0.117	0.032	3.654	0.094	***
Вознаграждение за усилия ($R^2 = 0.294$)	Оптимизм в отношении долгосрочного будущего	0.312	0.03	10.377	0.262	***
	Общая самооффективность	0.208	0.03	6.899	0.128	***
	Позитивное прошлое (ZTPI)	0.193	0.02	9.864	0.204	***
	Достижения	0.084	0.013	6.25	0.119	***
	Дисстресс во время пандемии	-0.063	0.013	-4.666	-0.090	***
	Социальная генеративность	0.116	0.013	8.814	0.190	***
	Сопереживание другим во время эпидемии	0.114	0.016	7.325	0.151	***
	Общая самооффективность	0.313	0.029	10.672	0.225	***
Ценность непрерывного саморазвития ($R^2 = 0.338$)	Социальная генеративность	0.174	0.014	12.781	0.271	***
	Сопереживание другим во время эпидемии	0.068	0.016	4.345	0.086	***
	Вознаграждение за усилия	0.256	0.022	11.434	0.242	***
	Самостоятельность	0.172	0.014	12.126	0.223	***
	Общая самооффективность	0.176	0.03	5.783	0.120	***
	Достижения	0.060	0.014	4.295	0.080	***

Окончание табл. 3

Компоненты долгосрочной ориентации	Предикторы	B	SE	CR	β	p
Ценность продолжения традиций ($R^2 = 0.537$)	Традиции	0.262	0.011	23.971	0.373	***
	Позитивное прошлое (ZTP1)	0.287	0.019	15.222	0.260	***
	Социальная генеративность	0.198	0.012	16.141	0.279	***
	Сопереживание другим во время эпидемии	0.059	0.015	4	0.067	***
	Вознаграждение за усилия	0.243	0.02	11.876	0.208	***
	Тревога по поводу будущего	-0.081	0.015	-5.487	-0.116	***
Ценность следа в истории ($R^2 = 0.375$)	Достижения	0.104	0.017	5.949	0.117	***
	Тревога по поводу будущего	0.049	0.013	3.841	0.071	***
	Социальная генеративность	0.260	0.017	15.008	0.339	***
	Ценность непрерывного саморазвития	0.213	0.024	8.728	0.178	***
	Ценность традиций	0.159	0.026	6.218	0.147	***
	Оптимизм в отношении долгосрочного будущего	0.111	0.025	4.411	0.092	***

Примечание. В — коэффициент регрессии; β — стандартизированный коэффициент регрессии; SE — стандартная ошибка среднего; CR — критическое отношение B/SE; p — статистическая значимость; *** $p < 0,001$.

типична долгосрочная ориентация для окружающих людей и россиян в целом: данные нормы усиливают инструментальную эффективность долгосрочного планирования ($\beta = 0.141$), а также оптимизм в отношении долгосрочного будущего ($\beta = 0.114$).

Как мы и предполагали, просоциальные установки вносят значительный вклад в долгосрочную ориентацию: так, социальная генеративность, наряду с институциональным доверием ($\beta = 0.079$), усиливает оптимистическую оценку долгосрочного будущего ($\beta = 0.142$), веру в вознаграждение усилий ($\beta = 0.190$), ценность непрерывного саморазвития ($\beta = 0.271$), ценность продолжения традиций ($\beta = 0.279$) и следа в истории ($\beta = 0.339$), интерес к долгосрочным прогнозам ($\beta = 0.123$) и постановку долгосрочных целей ($\beta = 0.110$). Сопереживание другим людям в условиях пандемии усиливает долгосрочный оптимизм ($\beta = 0.077$), ценность продолжения традиций ($\beta = 0.067$) и непрерывного саморазвития ($\beta = 0.086$), веру в вознаграждение усилий ($\beta = 0.151$), а также интерес к долгосрочным прогнозам ($\beta = 0.113$). Выраженность ориентации на ценность традиций поддерживает ориентацию на продолжение традиций ($\beta = 0.373$), желание оставить след в истории ($\beta = 0.147$), а также интерес к долгосрочному будущему ($\beta = 0.080$).

Вместе с тем долгосрочная ориентация связана с индивидуалистическими ценностями, а также общей самоэффективностью. Так, ценность самостоятельности вносит вклад в ориентацию на непрерывное саморазвитие ($\beta = 0.223$), постановку долгосрочных целей ($\beta = 0.071$); ценность достижений усиливает веру в вознаграждение долгосрочных усилий ($\beta = 0.119$), непрерывное саморазвитие ($\beta = 0.080$), постановку долгосрочных целей

($\beta = 0.061$), а также стремление оставить след в истории ($\beta = 0.117$). Общая самоэффективность, т.е. вера личности в свою способность влиять на происходящее и справляться с трудностями, усиливает веру в вознаграждение усилий ($\beta = 0.225$), ценность непрерывного саморазвития ($\beta = 0.120$), оптимизм в отношении долгосрочного будущего ($\beta = 0.098$), убеждение в инструментальной полезности долгосрочного прогнозирования и планирования ($\beta = 0.128$).

Наконец, различные компоненты долгосрочной ориентации могут усиливаться или ослабляться тревожными состояниями. Переживание дистресса во время пандемии снижает веру в вознаграждение долгосрочных усилий ($\beta = -0.090$), долгосрочный оптимизм ($\beta = -0.081$) и убеждение в полезности долгосрочного планирования ($\beta = -0.078$), однако при этом оно усиливает ориентацию на долгосрочное целеполагание ($\beta = 0.064$). С одной стороны, тревога по поводу будущего снижает долгосрочный оптимизм ($\beta = -0.115$) и ценность продолжения традиций ($\beta = -0.116$), а с другой — она же стимулирует интерес к долгосрочному будущему ($\beta = 0.139$), усиливает значимость следа в истории ($\beta = 0.071$) и стремление ставить долгосрочные цели ($\beta = 0.107$).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе проведенного исследования среди российской молодежи было эмпирически подтверждено представление о долгосрочной ориентации как сложном социально-психологическом феномене с многокомпонентной структурой. Впервые были выделены социально-психологические типы долгосрочной ориентации. Впервые было показано, что она определяется как

индивидуалистическими, так и просоциальными установками. Впервые были выявлены такие ее социально-психологические факторы, как дескриптивные нормы и тревожные переживания, связанные с изменениями в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014.
2. Нестик Т.А. Представления о мире, социальное доверие и сопереживание как предпосылки долгосрочной ориентации личности // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы / Отв. ред. А.В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ; Филолигрань, 2020. С. 530–534.
3. Нестик Т.А. Ориентация на учет будущих последствий: результаты апробации методики CFC-14 на русскоязычной выборке // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 3. С. 55–88. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.003>
4. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
5. Нестик Т.А., Дмитриева Ю.А., Кузнецова О.Е., Ларина Г.Н., Николаев Е.Л. Ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями: теоретико-эмпирическое исследование // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 29–41.
6. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407
7. Тамарко А.Н., Лебедева Н.М. Разработка и апробация сокращенной версии методики "Социальные аксиомы" М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. DOI: 10.17759/chp.2020160110
8. Bearden W.O., Money R.B., Nevins J.L. A measure of long-term orientation: Development and validation // Journal of the Academy of Marketing Science. 2006. V. 34. P. 456–467. DOI: 10.1177/0092070306286706
9. George M., Mallery P. Descriptive Statistics. In: S. Hartman (Ed.). SPSS for Windows step by step. A simple guide and reference 18.0 update. Boston: Pearson, 2011. P. 95–104.
10. Hoerger M., Quirk S.W., Weed N.C. Development and validation of the Delaying Gratification Inventory // Psychological assessment. 2011. V. 23 (3). P. 725–738. DOI: 10.1037/a0023286
11. Scrivner C., Johnson J.A., Kjeldgaard-Christiansen J., Clasen M. Pandemic practice: Horror fans and morbidly curious individuals are more psychologically resilient during the COVID-19 pandemic // Personality and Individual Differences. 2021. V. 168:110397. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110397

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PREDICTORS AND TYPES OF PERSONAL LONG-TERM ORIENTATION²

T. A. Nestik

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.
PhD (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: nestik@gmail.com*

Received 29.12.2020

Abstract. The results of an empirical study that address the structure and socio-psychological predictors of the long-term orientation among young Russian adults ($N = 1970$) are presented. The hypothesis about the existence of different socio-psychological types of long-term orientation was confirmed. Along with short-term-oriented types ("pessimists" — 8.9% and "tactics" — 24.2%), long-term-oriented ones were identified ("strategists" — 19.8%, "personal achievement-oriented optimists" — 15.2%; "pro-social visionaries" — 12.7%; "responsible traditionalists" — 19.2%). The empirical typology of long-term orientation that we have constructed confirms the assumption that there is both a collectivist orientation towards the long-term future, based on trust in social institutions and empathy ("pro-social visionaries", "responsible traditionalists"), and an

²The research is supported by RBRF project № 19-29-07463.

individualistic orientation, in which long-term forecasting and planning associated with an orientation toward personal achievement and independence (“strategists” and “achievement-oriented optimists”). With the help of structural modeling, relationships between the components of long-term orientation, as well as their socio-psychological predictors, were revealed: first, descriptive norms and prosocial attitudes; secondly, individualistic values and self-efficacy; thirdly, anxiety associated with changes in society. For the first time, the relationship between long-term orientation and descriptive norms was confirmed, that is, a person’s representation of how typical long-term orientation is for people around her and for Russians in general. For the first time, it has been shown that various components of long-term orientation can be enhanced or weakened by anxiety: on the one hand, anxiety about the future and distress during a pandemic reduce the belief in rewarding long-term efforts and optimism, on the other hand, they stimulate interest in the long-term future and the desire to set long-term goals.

Keywords: long-term orientation, COVID-19 pandemic, social trust, prosocial attitudes, descriptive norms, values, self-efficacy, anxiety.

REFERENCES

1. *Nestik T.A.* Social’naya psihologiya vremeni. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2014. (In Russian)
2. *Nestik T.A.* Predstavleniya o mire, social’noe doverie i so-perezhivanie kak predposylki dolgosrochnoj orientacii lichnosti. Yaroslavskaya psihologicheskaya shkola: istoriya, sovremennost’, perspektivy. Otv. red. A.V. Karpov. Yaroslavl’: YArGU; Filigran’, 2020. P. 530–534. (In Russian)
3. *Nestik T.A.* Orientaciya na uchet budushchih posledstvij: rezul’taty aprobacii metodiki CFC-14 na russkoyazychnoj vyborke. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2020. V. 5. № 3. P. 55–88. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.003> (In Russian)
4. *Nestik T.A., ZHuravlev A.L.* Psihologiya global’nyh ris-kov. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. (In Russian)
5. *Nestik T.A., Dmitrieva YU.A., Kuznecova O.E., Larina G.N., Nikolaev E.L.* Otvetstvennost’ lichnosti pered predshestvuyushchimi i budushchimi pokoleniyami: teoretiko-empiricheskoe issledovanie. Voprosy psihologii. 2019. № 3. P. 29–41. (In Russian)
6. *Nestik T.A., Dejneka O.S., Maksimenko A.A.* Social’no-psihologicheskie predposylki very v konspiologicheskie teorii proiskhozhdeniya COVID-19 i vovlechnost’ v setevye kommunikacii. Social’naya psihologiya i obshchestvo. 2020. V. 11. № 4. P. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407 (In Russian)
7. *Tatarko A.N., Lebedeva N.M.* Razrabotka i aprobaciya sokrashchennoj versii metodiki “Social’nye aksiomy” M. Bonda i K. Leunga. Kul’turno-istoricheskaya psihologiya. 2020. V. 16. № 1. P. 96–110. DOI: 10.17759/chp.2020160110 (In Russian)
8. *Bearden W.O., Money R.B., Nevins J.L.* A measure of long-term orientation: Development and validation. Journal of the Academy of Marketing Science. 2006. V. 34. P. 456–467. DOI: 10.1177/0092070306286706
9. *George M., Mallery P.* Descriptive Statistics. In S. Hartman (Ed.). SPSS for Windows step by step. A simple guide and reference 18.0 update. Boston: Pearson, 2011. P. 95–104.
10. *Hoerger M., Quirk S.W., Weed N.C.* Development and validation of the Delaying Gratification Inventory // Psychological assessment. 2011. V. 23 (3). P. 725–738. DOI: 10.1037/a0023286
11. *Scrivner C. Johnson J.A., Kjeldgaard-Christiansen J., Clasen M.* Pandemic practice: Horror fans and morbidly curious individuals are more psychologically resilient during the COVID-19 pandemic. Personality and Individual Differences. 2021. V. 168:110397. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110397

УДК 316.61

ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ ВТОРИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

© 2021 г. Т. В. Дробышева

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
социальной и экономической психологии.

E-mail: tdrobysheva@mail.ru

Поступила 08.04.2020

Аннотация. Целью теоретического анализа, изложенного в статье, является разработка проблемы экономико-психологической зрелости личности в разных условиях вторичной экономической социализации. Обосновывается возможность изучения данного феномена как внутреннего фактора, способствующего успешному функционированию и адаптации личности к изменяющимся условиям социально-экономической среды. Обсуждаются отечественные и зарубежные исследования экономического сознания и поведения личности в условиях вторичной экономической социализации. Экономико-психологическая зрелость личности трактуется как интегративное образование, включающее феномены зрелости в системе отношений с другими людьми, в сфере материального, финансового самообеспечения и обеспечения своей семьи, а также личностной зрелости. Анализируются показатели экономико-психологической зрелости личности в разных условиях вторичной экономической социализации: атрибуция ответственности за свое материальное благосостояние и материальное благосостояние своей семьи; финансовая независимость, самостоятельность; уровень экономических притязаний, толерантность к представителям экономических групп и т.п. Показано, что признаки изучаемого вида зрелости отличаются в зависимости от условий экономической жизни (кризисные или относительно стабильные). Описываются функции экономико-психологической зрелости в таких ситуациях, как потеря работы, совладание с угрозой бедности, конструирование образа будущего экономического благосостояния своей семьи, повышение финансовой грамотности. Предложено направление будущих исследований экономико-психологической зрелости.

Ключевые слова: экономическая психология, экономико-психологическая зрелость личности, вторичная экономическая социализация, готовность к самообеспечению, финансовое самообеспечение, материальное самообеспечение.

DOI: 10.31857/S020595920016015-2

Проблемы изучения вторичной экономической социализации (ЭС) в рамках социально-психологического подхода ранее уже рассматривались в наших публикациях [3; 5; 6]. В результате проведенной работы *вторичная ЭС личности* (или группы) была определена как *процесс интернализации нового и/или “перестройка” (частичная трансформация) ранее интернализированного экономического знания, экономического опыта, элементов*

экономической культуры (ценностей, норм, традиций и пр.) и т.п. с целью эффективного функционирования в качестве экономического субъекта в системе экономических отношений в обществе.

Разделяя взгляды исследователей на ЭС как процесс становления и развития личности как субъекта экономических отношений, экономической деятельности, который длится в течение всей жизни человека (Н.В. Азаренок, А.П. Лобанов, М.Н. Стельмашук, М.Г. Шапиро, С.В. Burgoyne, Е.К. Nyhus, St.E.G. Lea, P. Webley, B.M. Young и многие другие), следует отметить, что процессы вторичной ЭС

¹ Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2021-0010 “Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений”.

в большей степени характеризуют экономическое сознание и поведение уже сформировавшегося экономического субъекта². Взрослый человек, материально и финансово обеспечивающий себя и свою семью, в разных ситуациях повседневной жизни сталкивается со множеством задач, связанных с принятием решений о сбережении, потреблении, инвестировании, с выбором способов повышения и поддержания актуального уровня материального благосостояния и т.п. Успешность их решения связана с проявлением им субъектных свойств, которыми обладает прежде всего зрелая в экономико-психологическом плане личность. Однако в настоящее время отсутствуют какие-либо данные о критериях и признаках данного вида зрелости. *Актуальность* выделения понятия экономико-психологической зрелости для последующей научной разработки обусловлена изучением многоуровневой системы внешних и внутренних факторов вторичной ЭС, обеспечивающей функционирование личности как экономического субъекта.

По нашему мнению, успешность вторичной ЭС в разных ситуациях экономической жизни определяется несколькими факторами: сформированностью ответственности личности за свое материальное и финансовое благосостояние; ее стремлением к экономической независимости, самостоятельности; наличием экономических притязаний, нравственно регулируемых установок на экономическую мобильность и т.п. Однако данное суждение требует проведения соответствующего анализа исследований и разработки проблемы.

Целью настоящей работы является разработка проблемы экономико-психологической зрелости личности в разных условиях вторичной ЭС. Для реализации данной цели был предпринят анализ серии исследований автора, выполненных совместно с коллегами, а также отечественных и зарубежных теоретико-эмпирических исследований.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Независимо от характера ситуаций, порождаемых внешней социально-экономической средой, взаимодействие личности и среды регулируется

законом гетерохронности. На каждой стадии ЭС личности происходит формирование тех функциональных систем, которые позволяют согласовать экономическое поведение с требованиями внешней среды. Например, некоторые исследователи утверждают, что личностно зрелые люди имеют более высокий уровень удовлетворенности деньгами; среди мотивов их потребительского поведения выделяются: альтруизм, ориентация на познание, саморазвитие и творчество; для них характерно более рациональное и осознанное отношение к деньгам и т.п. [17]. Тем не менее в реальной жизни мы нередко наблюдаем примеры, когда человек, зрелый в личностном плане, не проявляет признаков экономической зрелости и, наоборот, экономически зрелый ребенок, зарабатывающий для своей семьи, демонстрирует признаки психологической (или личностной) незрелости. В первом случае такое рассогласование линий развития может выполнять функцию мотивации молодежной безработицы (после получения профессионального образования молодые люди затягивают начало трудовой деятельности) или долгового поведения взрослых людей [2; 25], во втором — становится предпосылкой изменения естественного хода развития ребенка, его более раннего перехода от первичной ко вторичной ЭС [11].

В качестве “внутреннего фактора” [15], способствующего успешности функционирования ЭС, переходу субъекта от первичной к вторичной ЭС, можно рассматривать сформированность (выраженность) *экономической зрелости личности*. Данный вид зрелости определяется исследователями как *способность к материальному и финансовому самообеспечению и обеспечению своей семьи* [10; 24]. То есть экономическая (или социально-экономическая) зрелость как способность проявляется в свойствах личности, обеспечивающих ей успешное выполнение экономической деятельности. В таком случае термин “экономическая зрелость” в полной мере не может быть применен к описанию процессов первичной ЭС, поскольку ее содержание включает формирование базовых элементов экономического сознания и поведения личности, которые необходимы для понимания мира экономики, конструирования картины экономического мира, осознания себя как части этого мира, а также для выработки норм, регулирующих взаимодействие с другими субъектами экономических отношений. Экономически несамостоятельный человек выступает преимущественно как субъект экономических отношений (в первую очередь потребления), а не собственно экономической деятельности.

² В нашем понимании экономический субъект (субъект экономических отношений, экономической деятельности) — это личность или группа (групповой, коллективный субъект), обладающая свойствами субъектности, которые она проявляет в направлении саморазвития и преобразования социально-экономической реальности в условиях объективно складывающихся отношений между людьми при производстве, распределении, обмене, потреблении материальных и нематериальных благ.

Данное противоречие послужило основанием для введения нового понятия — “экономико-психологическая зрелость” (ЭП зрелость) — и его операционализации с целью изучения процессов ЭС на разных стадиях становления и развития личности как экономического субъекта. Оно трактуется как предпосылка экономической зрелости личности. В таком контексте упоминание процессов первичной, вторичной или переходной ЭС в большей степени указывает на специфику целей и задач становления и развития личности как экономического субъекта.

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Разрабатываемая нами модель ЭП зрелости личности эмпирически изучалась в контексте *перехода от первичной к вторичной ЭС* [7]; она трактовалась как интегративное образование, включающее феномены зрелости: *в системе отношений с другими людьми, в области материального, финансового самообеспечения и обеспечения своей семьи*, а также *личностной зрелости*. В рамках данного подхода интегрированным показателем ЭП зрелости личности выступала экономико-психологическая готовность личности к самообеспечению и обеспечению своей семьи. Отмечалось, что личность с признаками ЭП зрелости характеризуется направленностью на экономическую самостоятельность; обретение экономической независимости; адекватным уровнем экономических притязаний; способностью реализовать свои компетенции с целью финансового и материального обеспечения себя и своей семьи (*показатели зрелости в области самообеспечения и обеспечения своей семьи*); проявлением умеренной толерантности к представителям других экономических групп при условии позитивного отношения к ним и идентификации себя как представителя конкретной экономической группы (*показатели зрелости в системе отношений с другими*); высоким уровнем интернальной ответственности за финансовое и материальное самообеспечение и обеспечение своей семьи, сформированностью механизмов нравственной регуляции поведения, направленного на достижение более высокого уровня материального благосостояния (*показатель личностной зрелости*) [Там же].

Иными словами, ЭП зрелость личности проявляется через ее внутреннюю и внешнюю активность, связанную с поиском оптимальных способов и стратегий экономического поведения,

не противоречащих принятым в обществе нравственным нормам и ориентированных на выполнение функции финансового и материального самообеспечения и обеспечения своей семьи. Способность к саморазвитию рассматривается как важный критерий ЭП зрелости личности.

Опираясь на принципы гетерохронности и нелинейности развития психики и поведения личности, был сформулирован ряд предположений. Во-первых, вышеупомянутые элементы ЭП зрелости формируются и проявляются на стадии первичной ЭС постепенно, в зависимости от требований социально-экономической среды. К примеру, в нашем исследовании было показано, что уже в дошкольном возрасте проявляются элементы ЭП зрелости в системе отношений с другими людьми. В последствии, начиная с младшего школьного возраста, формируются установки на экономическую самостоятельность, а самооценки экономического статуса семьи начинают выполнять функцию “внутреннего фактора” представлений о бедности и богатстве и т.д. [4], что согласуется с представлениями Б.Ф. Ломова о смене детерминант в процессе социализации личности [15]. Любые изменения внешней среды или условий жизни могут приводить к опережению или, наоборот, к задержке формирования феноменов экономического сознания и поведения личности. К примеру, потеря родителей, семьи и переезд в интернат могут полностью или частично изменить представления детей о собственности, их отношение к бедности и богатству, материальным ценностям (М.С. Астоянц, Е.В. Голубева, Н.К. Радина, В.И. Слуцкий, С.В. Митросенко, X. Chen, Ch. Wang и др.); миграция родителей в другую страну (или регион проживания) может стимулировать начало ранней трудовой деятельности, вследствие чего у подростков происходит смена моделей экономического поведения, возрастает ориентация на экономическую мобильность (Т.П. Грасс, В.И. Петрищев и др.).

Во-вторых, в ситуации перехода от первичной к вторичной ЭС социально-психологическая готовность к материальному и финансовому обеспечению себя и своей семьи достигает “точки бифуркации”. Выраженность показателей ЭП зрелости личности, обеспечивающей ей успешность завершения перехода и начало трудовой деятельности, зависит от многих обстоятельств. Влияние внешних социально-экономических факторов жизнедеятельности определяет изменение направления развития экономического субъекта. Так, например, кто-то начинает трудовую деятельность сразу после получения профессионального образования

и реализует на практике готовность обеспечивать себя и свою семью. Другой продолжает оставаться на попечении родителей, не желает экономически сепарироваться от них и т.п. В данном случае выраженность показателей готовности к самообеспечению у двух молодых людей, находящихся примерно в одинаковой жизненной ситуации, различается.

Они по-разному адаптируются к требованиям внешней среды (А.Ф. Амиров и Р.М. Шайдуллина, Е.Н. Васильева и В.Н. Гуляихин, Т.В. Дробышева и др.).

Наконец, в-третьих, в условиях *вторичной ЭС* происходит *перестройка системы связей личности и социально-экономической среды*, поскольку меняются задачи того периода жизни, в котором находится субъект экономической деятельности. В таком случае система показателей ЭП зрелости личности должна измениться. Предположим, что некоторые из них, значимые в процессе перехода от первичной к вторичной ЭС, в разных ситуациях функционирования вторичной ЭС становятся менее важными с точки зрения социализированности экономического субъекта.

К примеру, стремление молодежи самостоятельно зарабатывать способствует их экономической сепарации от родителей и обретению ими экономической независимости. Однако с моментом завершения трудовой деятельности вопрос об экономической самостоятельности человека как показателя его ЭП зрелости может снова стать актуальным. Так, по данным исследователей, одним из мотивов продолжения трудовой деятельности современными пенсионерами является поддержание ими своей экономической самостоятельности (О.Л. Березняк, Н.В. Гудков, Т.И. Сапожникова, N.L. Danigelis, B.R. McIntosh и др.). Можно предположить, что в условиях вторичной ЭС могут смениться акценты внутри самой системы ЭП зрелости. Например, станет более выраженной ответственность за материальное и финансовое благополучие семьи. Нельзя исключать факта, что будут выявлены и новые признаки ЭП зрелости личности.

Резюмируя вышеизложенное, можно *предположить*, что, хотя процессы переходной и вторичной ЭС взаимосвязаны, признаки ЭП зрелости личности в условиях вторичной ЭС могут отличаться от тех, которые были разработаны для модели ЭП зрелости в условиях перехода от первичной к вторичной ЭС, поскольку они различаются по цели и содержанию.

ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ ВТОРИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В основу концепции “повседневной экономической жизни”, разрабатываемой в работах П. Уэбли, К. Бургойн, их коллег, М.Г. Шапиро и других исследователей, была положена идея последовательно сменяющихся циклов экономической жизни “домохозяйств” (W.D. Wells, G. Gubar и др.). В данном подходе собственно этап зрелости определялся авторами не столько возрастом человека, сколько теми задачами, которые раскрывают содержание его экономической жизни в этот период. Говоря о зрелом потребителе или зрелом “экономическом агенте”, исследователи делали акцент на осознанном, рациональном и оптимальном с точки зрения поставленных задач экономическом поведении. В качестве *критерия экономической зрелости* они отмечали готовность экономического агента к самостоятельному ведению своего домашнего хозяйства или его реальное экономическое поведение с точки зрения обеспечения себя и своей семьи [24]. Отмечалось, что успешный экономический агент имеет *устойчивый доход* (объективный критерий экономической зрелости. — Т.Д.). Приведенные в работе П. Уэбли и его коллег результаты исследований косвенно указывают на признаки зрелого экономического агента: наличие *потребительского оптимизма* (позитивные ожидания); *прогнозирование будущего экономического благосостояния*; *навыки планирования своих расходов и доходов* и т.п. [Там же]. Иными словами, в качестве признаков экономической зрелости, проявляющейся в разных *ситуациях повседневной жизни*, специалисты выделяли как объективные, так и субъективные характеристики “экономического агента”. С нашей точки зрения, именно субъективные характеристики — *умеренный оптимизм в предсказаниях уровня будущего благосостояния* своего и своей семьи, *установки на средне- и долгосрочное планирование бюджета* — могут быть рассмотрены как признаки ЭП зрелости экономического субъекта в относительно “стабильных” (“экономика повседневной жизни”) условиях вторичной ЭС.

В одном из наших исследований, посвященном проблемам конструирования образа будущего экономического благосостояния в разных социальных группах³, было обнаружено, что выраженность оптимизма относительно будущего своей семьи в группе работающих взрослых зависит от временной

³ Исследование проводилось совместно с Т.П. Емельяновой и Т.А. Нестиком в рамках гранта РГНФ № 11-06-00831.

удаленности оцениваемого периода. Чем более удаленной была перспектива планирования будущего благосостояния своей семьи, тем более оптимистичными (и менее реалистичными) представлялись ожидания респондентов. При этом именно умеренно оптимистичные прогнозы респондентов были связаны с такими способами решения проблемы будущего благополучия, как “приложить все свои усилия”, “открыть свое дело”, “получить второе образование” и т.п. Данные установки интерпретировались в работе как конструктивные, т.е. косвенно указывали на ЭП зрелость “оптимистов” [8].

Экономическая жизнь любого взрослого человека включает ряд этапов (начало трудовой деятельности, создание своей семьи, экономическая сепарация взрослых детей, завершение трудовой деятельности и т.п.), которые независимо от происходящих в обществе изменений определяются последовательной сменой задач самообеспечения и обеспечения своей семьи. Успешное или неуспешное их решение на каждом из этапов может отражаться на содержании процессов вторичной ЭС. В таком случае личность с выраженными признаками ЭП зрелости способна активизировать свои внутренние ресурсы для решения задачи поддержания (повышения) актуального уровня своего экономического статуса.

Для ведения домашнего хозяйства экономически активному субъекту не требуются профессиональные экономические знания. Однако частота и продолжительность финансовых кризисов, развитие цифровых технологий в финансовой сфере и т.п. актуализировали потребность населения в повышении финансовой грамотности (В.И. Бегинин, Е.В. Соколова, Т.М. Гончарова, Т. Friedline, M. Rauktis; T.A. Lucey, M.M. Grant, D.M. Giannangelo с соавторами; A. Lusardi, M. Mitchell; J.E.C. Lee, J.T. Mortimer и многие другие). Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что более грамотная в финансовом плане молодежь имеет больше шансов на успех в будущем, а пенсионеры — на экономическую стабильность и экономическое благополучие [21; 22]. По нашему мнению, полученные ими знания и навыки определяют меру их *финансовой компетентности* — ресурс, который с большей вероятностью будет реализован личностью с выраженными признаками ЭП зрелости. В работах вышеперечисленных и других авторов прослеживается мысль о внутренней мотивации участия населения в таких программах. Она связана с высоким уровнем *экономических притязаний* людей, их *установками на экономическую мобильность*. Психологическим эффектом

такого рода обучения считается сформированный *самоконтроль финансового поведения*, что указывает на субъектную позицию участников этих исследований [Там же]. Заметим, что аналогичная ситуация наблюдалась и в нашей стране в 90-е годы прошлого века. В тот период потребность в завершении экономической ресоциализации населения актуализировала процессы экономического самообразования.

Овладение той или иной ситуацией, изменяющей условия экономической жизни человека, может происходить не только на уровне реального поведения, но и на *ментальном уровне*. Например, угроза снижения экономического статуса присутствует на протяжении всего активного периода экономической жизни человека и, конечно же, после завершения трудовой деятельности. Переход с одного места работы на другое, изменение состава семьи и, как следствие, снижение дохода, увеличение статей расходов — все это стимулирует переживания людей относительно бедности. Само явление бедности, как отмечают некоторые экономисты, выступает в обществе неким стимулом, заставляющим человека преодолевать возникающие трудности. Анализируя наши исследования⁴, посвященные изучению репрезентаций бедности в обыденном сознании представителей разных социальных групп, мы обнаружили, что социальные представления о бедности в группе бюджетных работников с невысоким уровнем дохода выполняют сразу несколько функций — защитную функцию и функцию самоподтверждения экономической идентичности [9]. Это выражалось в конструировании респондентами концепции “относительной” бедности, включающей нравственный модус явления: “Бедность — не порок. Она создает дискомфорт, трудности для комфортного проживания в отсутствие денег”. Утверждая, что бедность — удел ленивых людей, участники исследования подчеркивали, что они не относятся к категории обездоленных или бедных людей во многом благодаря своему трудолюбию, профессиональной занятости, прилагаемым усилиям для поддержания уровня дохода [Там же]. Выявленная нами атрибуция бедности совпадала с данными других исследователей, полученными на группах более обеспеченных людей, чем наши респонденты (К. Муздыбаев, В.А. Хашенко и др.). Следовательно, можно предположить, что механизм совладания с угрозой бедности носит универсальный характер для разных экономических групп. В нашей работе было показано, что такая трактовка бедности связана

⁴ Исследования проводились совместно с Т.П. Емельяновой в рамках гранта РГНФ № 13-06-00063.

с короткой психологической дистанцией, которую выстраивали в своем сознании респонденты (“я бы мог пригласить его к себе в гости”, “я не провожу различий между ним и обеспеченными людьми” и т.п.), а также ценностными ориентациями личной жизни и умеренными оценками субъективного экономического статуса. Участники исследования не пытались вытеснить из сознания саму возможность оказаться в категории бедных, наоборот, они искали внутренние (прежде всего ценностные) ресурсы в преодолении угрозы бедности [9].

Изменения в жизни человека, связанные с завершением им трудовой деятельности, отражаются на его экономическом и профессиональном сознании, самосознании и поведении. Так, в процессе нашего исследования [3] было обнаружено, что группы работающих и неработающих пенсионеров по-разному адаптируются к изменившимся условиям экономической жизни. Работающие пенсионеры акцентировали внимание на атрибуции бедности, считая ее унижением для человека, которое он вынужден терпеть и должен преодолевать. Неработающие пенсионеры в трактовках бедности в большей степени ориентировались на ее последствия: нет квартиры, есть проблемы с общением, нет возможности вести здоровый образ жизни. В данном случае нельзя сказать, что выявленные различия зависели только от наличия/отсутствия устойчивого дохода. Он обеспечивался государством в виде выплаты пенсии всем участникам исследования. По всей видимости, сам факт продолжения трудовой деятельности группой работающих пенсионеров был связан с *интернальной атрибуцией ответственности* за свое материальное и финансовое благосостояние, с потребностью сохранения *своей экономической самостоятельности*. Полученные результаты согласуются с данными других авторов [19], а также с результатами нашего исследования, выполненного на группах пенсионеров с разной *формой активности*. Было обнаружено, что в представлениях о бедности в группе пенсионеров с экономической активностью (работающие) преобладал мотив *поддержания экономической самостоятельности, помощь близким (мотив альтруизма)*. В группе пенсионеров с социальной активностью (посещающие клуб “Здоровье”) — мотив ухода от одиночества, поддержания своего здоровья и социальных контактов. По нашему мнению, обе группы участников проявили субъектные качества, осуществляя контроль за своей жизнью. Однако позиция пенсионеров с экономической активностью в большей степени указывала на признаки их ЭП зрелости [3]. По данным специалистов, такая субъектная жизненная позиция личности способствует более высоким оценкам ее

собственных возможностей в повышении своих материальных доходов и доходов своей семьи и отражается в представлениях о доступных средствах достижения экономических целей и т.п. [14].

В период экономических трансформаций в России и странах бывшего соцлагеря в большей степени исследователи акцентировали внимание на закономерностях и механизмах процессов *экономической ресоциализации*, чем вторичной ЭС [10; 16; 18; 23]. Эффекты ресоциализации россиян выразились в динамике системы ценностей, отношения к собственности, представлений о богатстве и имущественном неравенстве и т.п. [11]. В данной работе мы сделаем акцент на признаках ЭП зрелости в “*кризисных*” для личности (субъективно значимых для нее) условиях вторичной ЭС. В отличие от ситуаций относительной стабильности кризисные ситуации отличаются повышенным уровнем требований внешней среды, предъявляемых субъекту экономической деятельности. В первую очередь речь идет о *ситуации потери работы*.

В концепции немецких психологов [20], выделивших разные формы адаптации к ситуации потери работы, показано, что *гедонистическая адаптация* (свободное время используется таким образом, чтобы поддерживать более высокий уровень удовлетворенности, чем удовлетворенность работой) в основном влияет на то, как безработный переживает трудные жизненные обстоятельства, в то время как *адаптация притязаний* (снижение притязаний) зависит не только от того, как он справляется с повседневной жизнью, но и от того, насколько удовлетворяются его стремления и цели. Так, длительная безработица, снижая *уровень притязаний* безработного (его целей, стремлений к достижению), не решает проблему повышения удовлетворенности жизнью, поскольку сам факт занятости задает эталон, с которым личность сравнивает свои собственные достижения в жизни. Следовательно, можно предположить, что поддержание *уровня экономических притязаний* личности на прежнем уровне (т.е. на уровне до потери работы) может выполнять функцию раздражителя, активизирующего поиск оптимальных способов овладения (поиск работы). Однако, по мнению исследователей, не сам уровень притязаний, а его *обусловленность ориентациями на ценность работы* в противовес ценностям личной жизни способствует выработке конструктивных способов адаптации, в том числе к ситуации потери работы [1]. Подчеркивается, что *осознанное* принятие личностью ситуации потери работы во взаимосвязи с *интернальной атрибуцией ответственности за восстановление экономической активности*

на поведенческом уровне выражается в конструктивном совладании с профессиональным кризисом занятости [Там же]. Заметим, что аналогичные результаты были получены на выборке предпринимателей: более успешные и удовлетворенные своей деятельностью — “успешные адаптанты” к новым рыночным отношениям — отличались от менее успешных сочетанием высокого уровня притязаний с ориентацией на ценность работы [16].

В одном из наших исследований⁵, посвященных проблемам экономической социализации безработных, были обнаружены различия в совладании с ситуацией потери работы в двух группах респондентов [5]. Те из них, кто выражали свою готовность к поиску работы с помощью социальных связей, непосредственного обращения в компании, проявляли активность с целью решения проблемы, были в меньшей степени подвержены негативным переживаниям. Такая позиция “успешных адаптантов” была связана с показателями их “прежней” *экономической идентичности* (до потери работы). В группе “менее успешных адаптантов” склонность к негативным эмоциональным переживаниям объяснялась механизмом *экономической самокатегоризации*: завышенные самооценки данных респондентов по шкале “бедный—богатый”, а также их рефлексивные оценки по этой шкале коррелировали с переживаниями страха и беспокойства в отношении будущего. Последнее свидетельствует о “психологической защите” безработных, принимавших участие в исследовании [Там же]. Такие варианты механизмов адаптации к трудной жизненной ситуации характеризуются специалистами как неконструктивные [1].

Вопрос о *финансовой самостоятельности* безработных был рассмотрен в диссертационном исследовании Р.В. Виллемс [26]. Автор обнаружила, что причиной негативных переживаний молодых безработных, участвовавших в исследовании, стало осознание ими своей *финансовой зависимости* от других людей (членов семьи, коллег, друзей). Таким образом, потеря работы для них была связана не столько с потерей самого статуса работающего (социального статуса), сколько с потерей *финансовой самостоятельности, независимости*. Несмотря на негативные психологические последствия, переживаемые участниками исследования, все они оптимистично оценивали шанс найти работу [Там же]. С нашей точки зрения, полученные автором данные свидетельствуют о признаках *экономико-психологической зрелости* респондентов. Такая

позиция безработных указывает на их способность осуществлять эмоциональный самоконтроль, готовность решать задачи по самообеспечению и обеспечению семьи.

ВЫВОДЫ

1. При сопоставлении признаков *экономико-психологической зрелости личности* в условиях вторичной ЭС с выделенными ранее признаками, которые характеризуют *экономико-психологическую зрелость личности* при переходе от первичной к вторичной ЭС, было обнаружено, что в зависимости от жизненных ситуаций, требующих адаптации к изменяющимся условиям среды, возрастает роль интернальной ответственности личности за происходящие и потенциальные изменения в ее *экономической жизни*.

2. Выявлено, что потребность в *экономической самостоятельности и независимости* способствует конструктивному поведению как молодых людей, потерявших работу, так и работающих пенсионеров, совладающих с потенциальной угрозой бедности.

3. В кризисных условиях вторичной *экономической социализации* устойчивость показателей *экономической идентичности* позволяет зрелому *экономическому субъекту* стабилизировать степень эмоциональных переживаний, вызванных потерей работы. Осознанное принятие личностью ситуации потери работы во взаимосвязи с ее интернальной ответственностью за восстановление *экономической активности* способствует конструктивному совладанию с жизненными трудностями.

4. В относительно стабильных условиях вторичной *экономической социализации* такие признаки *экономико-психологической зрелости личности*, как умеренный оптимизм в предсказаниях уровня будущего благосостояния, установки на средние и долгосрочное планирование бюджета, *экономическую мобильность, саморазвитие* (например, повышение *финансовой компетентности*), способствуют успешности решения повседневных задач по самообеспечению и обеспечению своей семьи.

5. Социальные представления о бедности в группах работающих взрослых с разным уровнем дохода выполняют несколько функций — защитную функцию и функцию самоподтверждения *экономической идентичности*. Зрелая в *экономико-психологическом плане* личность в ситуации преодоления угрозы бедности проявляет активность в направлении поиска и актуализации своих внутренних (прежде всего ценностных) ресурсов.

⁵ Исследование проводилось совместно с Т.П. Емельяновой в рамках гранта РГНФ—РФФИ № 17-06-00488.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка проблемы экономико-психологической зрелости личности в разных условиях вторичной ЭС показала, что зрелая в экономико-психологическом плане личность в условиях вторичной ЭС направляет свои ресурсы на адаптацию к изменяющимся условиям экономической жизни, выбор эффективных способов и стратегий решения задач по обеспечению себя и своей семьи. Это проявляется в поиске конструктивных способов совладания с ситуацией потери работы; в установках на саморазвитие (например, повышение компетентности в области финансовой грамотности); в выборе разных форм активности, направленных на преодоление угрозы бедности; в конструировании позитивного образа будущего экономического благосостояния; в самоконтроле финансового поведения и т.п. Все вышеизложенное указывает на разные функции экономико-психологической зрелости личности как субъекта экономических отношений, экономической деятельности.

Сложность проведенного анализа связана с ограничением возможности в рамках одной публикации описать все актуальные ситуации экономической жизни личности. В частности, в работе не были затронуты проблемы адаптации мигрантов, адаптации, связанной с повышением экономического статуса, и иные ситуации. Назрела необходимость провести более глубокий анализ функции ЭП зрелости личности в кардинально изменяющихся макроэкономических условиях ее жизнедеятельности, исследовать процессы экономической ресоциализации. По всей видимости, данное направление работы потребует применения не только социально-психологического, но и историко-психологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бендюков М.А. Психология профессионального кризиса у безработных. Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2010.
2. Демин А.Н., Ожиганова Л.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю. Трудные жизненные ситуации и кризисы, связанные с гендерной социализацией и экономической активностью личности: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018.
3. Дробышева Т.В. Факторы и механизмы экономической социализации личности в группах работающих и неработающих пенсионеров // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 115–129.
4. Дробышева Т.В. Представления о бедности и богатстве на разных стадиях первичной экономической социализации: содержание и факторы развития //

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 49–61. DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61

5. Дробышева Т.В., Емельянова Т.П., Тихонова Э.В. Совладание с ситуацией потери работы: региональные отличия // Инновационный ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: Сб. науч. тр. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. С. 208–214.
6. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Вторичная экономическая социализация: постановка проблемы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 61–71. DOI: 10.31857/S020595920000071-4
7. Дробышева Т.В., Ларина Г.Н., Оболенская А.Г., Каблова Л.В. Экономико-психологическая зрелость личности в системе отношений с другими людьми: различия в толерантности к бедным и богатым в группе учащейся молодежи // Вестник Московского гос. областного ун.-та. Серия: Психологические науки. 2019. № 4. С. 16–27. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-4-16-27
8. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 16–32.
9. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности (на примере работников бюджетной сферы) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 250–262. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.21
10. Журавлев А.Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
11. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 59–81.
12. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
13. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология и экономические реформы в России // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 15–25. DOI: 10.7868/S0205959218010026
14. Корокошко И.О. Особенности экономического сознания у лиц с разными жизненными ориентациями. Дис. ... канд. психол. наук. Саранск, 2011.
15. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии М.: Наука, 1984.
16. Позняков В.П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2001.
17. Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости. Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.

18. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1998.
19. *Danigelis N.L., McIntosh B.R.* Resources and the productive activity of elders: race and gender as contexts // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. 1993. V. 48. P. 192–203.
20. *Knabe A., Rätzel St., Schöb R., Weimann J.* Dissatisfied with life, but having a good day: time-use and well-being of the unemployed // *The Economic Journal*. 2010. V. 120. № 547. P. 867–889. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2009.02347.x
21. *Loke V., Choi L., Libby M.* Increasing youth financial capability: an evaluation of the My Path savings initiative // *Journal of Consumer Affairs*. 2015. V. 49. № 1. P. 97–126. DOI: 10.1111/joca.12066
22. *Lucey T.A., Grant M.M., Giannangelo D.M., Heath J.A., Hawkins J.M.* Influences interpreting a technology component to financial education for grades K-4: another dimension of the digital divide // *Citizenship, Social and Economics Education*. 2007. V. 7. № 1. P. 42–55. DOI: 10.2304/csee.2007.7.1.42
23. *Tyszka T.* Transformation in Eastern Europe // *The Elgar companion to consumer research and economic psychology* / Ed. P. Earl, S. Kemp. Cheltenham; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 1999. P. 570–575.
24. *Webley P., Burgoyne C.B., Lea St. E.G., Young B.M.* The economic psychology of everyday life / Ed. W.P. Robinson. Hove, East Sussex: Psychology Press Ltd, 2001.
25. *Webley P., Nyhus E.K.* Life-cycle and dispositional routes into problem debt // *British Journal of Psychology*. 2001. V. 92 (3). P. 423–446.
26. *Willemse R.Ph.* The perceived impact of unemployment on psychological well-being among unemployed young people in Worcester: Thesis for the degree of Master Psychology. University of South Africa, 2015.

ECONOMIC-PSYCHOLOGICAL MATURITY OF A PERSONALITY UNDER DIFFERENT CONDITIONS OF SECONDARY ECONOMIC SOCIALIZATION: STATEMENT OF THE PROBLEM AND RESEARCH RESULTS⁶

T. V. Drobysheva

*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld.1, Russia.
PhD, senior research officer, laboratory of social and economic psychology,
Federal State-financed Establishment of Sciences, Institute of Psychology RAS.
E-mail: tdrobysheva@mail.ru*

Received: 08.04.2020

Abstract. Domestic and foreign studies of economic consciousness and individual behavior under conditions of secondary economic socialization (ES) are discussed. The problem of studying personality's economic-psychological maturity as a resource facilitating successful adaptation to changing conditions of the economic environment is substantiated. This phenomenon is interpreted as an integrative entity including phenomena of maturity within the system of relations with other individuals, in domain of material, financial self-sufficiency and financial security of one's family, as well as personality maturity. The research analyzes indicators of personality's economic-psychological maturity under different conditions of secondary ES: attribution of responsibility for one's material well-being as well as for one's family; financial independence, self-sufficiency; level of economic claims, tolerance for representatives of economic groups, etc. It is shown that the features of the studied type of maturity differ depending on types of economic life situation (of crisis nature or relatively stable ones). Conclusions are drawn about the functions of economic-psychological maturity in situations of: job loss, coping with poverty threat, constructing an image of future economic well-being of one's family, and improving financial literacy. The direction for future research is formulated.

Keywords: economic psychology, economic-psychological maturity of the personality, secondary economic socialization, readiness for self-sufficiency, financial self-sufficiency, material self-sufficiency.

REFERENCES

1. *Bendyukov M.A.* Psihologiya professional'nogo krizisa u bezrabotnyh. Dis. ... d-ra psihol. nauk. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
2. *Dyomin A.N., Ozhiganova L.N., Kireeva O.V., Pedanova E.Yu.* Trudnye zhiznennye situatsii i krizisy, svyazannye s gendernoj socializatsiej i ekonomicheskoy aktivnost'yu lichnosti: monografiya. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2018. (In Russian)

⁶The research was carried out within the framework of the state assignment, subject "The Socio-psychological factors of individual and group behavior and global changes" (No. 0138-2021-0010).

3. *Drobysheva T.V.* Faktory i mekhanizmy ekonomicheskoy socializatsii lichnosti v gruppah rabotayushchih i nerabotayushchih pensionerov. Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2015. № 4. P. 115–129. (In Russian)
4. *Drobysheva T.V.* Predstavleniya o bednosti i bogatstve na raznykh stadiyakh pervichnoy ekonomicheskoy socializatsii: sodержanie i faktory razvitiya. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2016. № 3. P. 49–61. DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61. (In Russian)
5. *Drobysheva T.V., Emel'yanova T.P., Tihonova E.V.* Sovladanie s situatsiej poteri raboty: regional'nye otlichiya. Innovatsionnyy resursy social'noj psikhologii: teorii, metody, praktiki. Sb. nauch. tr. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2017. P. 208–214. (In Russian)
6. *Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L.* Vtorichnaya ekonomicheskaya socializatsiya: postanovka problemy i perspektivy issledovaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 4. P. 61–71. DOI: 10.31857/S020595920000071-4 (In Russian)
7. *Drobysheva T.V., Larina G.N., Obolenskaya A.G., Kablova L.V.* Ekonomiko-psikhologicheskaya zrelost' lichnosti v sisteme otnoshenij s drugimi lyud'mi: razlichiya v tolerantnosti k bednym i bogatym v gruppe uchashchejsya molodezhi. Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo un.-ta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2019. № 4. P. 16–27. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-4-16-27 (In Russian)
8. *Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V.* Obraz budushchego blagosostoyaniya v obydennom soznanii rossiyan. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 5. P. 16–32. (In Russian)
9. *Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V.* Strukturno-funktsional'nyy podhod k analizu social'nykh predstavlenij o bednosti (na primere rabotnikov byudzhetoj sfery). Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. № 3. P. 250–262. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.21 (In Russian)
10. *Zhuravlev A.L.* Social'no-psikhologicheskaya zrelost': obosnovanie ponyatiya. Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 2. P. 44–54. (In Russian)
11. *Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V.* Ekonomicheskaya socializatsiya formiruyushchejsya lichnosti: teoreticheskaya model' i eksperimental'noe issledovanie (na primere cennostnykh orientatsij lichnosti). Psikhologicheskii zhurnal. 2011. V. 32. № 2. P. 59–81. (In Russian)
12. *Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P.* Dinamika mezhgrup-povykh otnoshenij v usloviyakh izmeneniya form sobstvennosti. Psikhologicheskii zhurnal. 1992. V. 13. № 4. P. 24–32. (In Russian)
13. *Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P.* Social'naya psikhologiya i ekonomicheskie reformy v Rossii. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 1. P. 15–25. DOI: 10.7868/S0205959218010026 (In Russian)
14. *Korokoshko I.O.* Osobennosti ekonomicheskogo soznaniya u lic s raznymi zhiznennymi orientatsiyami. Dis. ... kand. psihol. nauk. Saransk, 2011. (In Russian)
15. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
16. *Poznyakov V.P.* Psikhologicheskie otnosheniya i delovaya aktivnost' rossijskikh predprinimatelej. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2001. (In Russian)
17. *Semenov M.Yu.* Osobennosti otnosheniya k den'gam lyudej s raznym urovnem lichnostnoj zrelosti. Diss. ... kand. psihol. nauk. Yaroslavl', 2004. (In Russian)
18. Social'no-psikhologicheskaya dinamika v usloviyakh ekonomicheskikh izmenenij. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1998. (In Russian)
19. *Danigelis N.L., McIntosh B.R.* Resources and the productive activity of elders: race and gender as contexts. Journal of Gerontology: Social Sciences. 1993. V. 48. P. 192–203.
20. *Knabe A., Rätzel St., Schöb R., Weimann J.* Dissatisfied with life, but having a good day: time-use and well-being of the unemployed. The Economic Journal. 2010. V. 120. № 547. P. 867–889. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2009.02347.x
21. *Loke V., Choi L., Libby M.* Increasing youth financial capability: an evaluation of the My Path savings initiative. Journal of Consumer Affairs. 2015. V. 49. № 1. P. 97–126. DOI: 10.1111/joca.12066
22. *Lucey T.A., Grant M.M., Giannangelo D.M., Heath J.A., Hawkins J.M.* Influences interpreting a technology component to financial education for grades K-4: another dimension of the digital divide. Citizenship, Social and Economics Education. 2007. V. 7. № 1. P. 42–55. DOI: 10.2304/csee.2007.7.1.42
23. *Tyszka T.* Transformation in Eastern Europe. The Elgar companion to consumer research and economic psychology. Ed. P. Earl, S. Kemp. Cheltenham; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 1999. P. 570–575.
24. *Webley P., Burgoyne C.B., Lea St. E.G., Young B.M.* The economic psychology of everyday life. Ed. W.P. Robinson. Hove, East Sussex: Psychology Press Ltd, 2001.
25. *Webley P., Nyhus E.K.* Life-cycle and dispositional routes into problem debt. British Journal of Psychology. 2001. V. 92 (3). P. 423–446.
26. *Willemse R.Ph.* The perceived impact of unemployment on psychological well-being among unemployed young people in Worcester: Thesis for the degree of Master Psychology. University of South Africa, 2015.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА МИРА В ПСИХОЛОГИИ И ФИЗИКЕ¹

© 2021 г. В. Ф. Петренко^{1,2,*}, А. П. Супрун^{1,3,**}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

³Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” РАН;
119333, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2, Россия.

* Доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией
психологии общения и психосемантики, главный научный сотрудник.

E-mail: victor-petrenko@mail.ru

** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
лаборатории психологии общения и психосемантики.

E-mail: anatoly.suprun@gmail.com

Поступила 20.12.2020

Аннотация. Психосемантика позволяет строить знаковые описания ментальных карт (образов мира) как отдельных индивидов, так и различных социальных групп. Очевидно, что различия в восприятии мира связаны с физическими, биологическими, психологическими, социокультурными различиями респондентов, т.е. с их обобщенной системой референции. Индивидуальное сознание мы связываем с индивидом, конкретным субъектом или наблюдателем (в физике). Однако субъект не входит в физическую парадигму, в отличие от психологии, и попытка прямого включения его в квантовую теорию (Ю. Вигнер, Р. Пенроуз и др.) требует для ее реализации адекватного соотношения физической и психологической парадигм. В частности, расширение системы отсчета, связанной с наблюдателем в физике, до системы референции “субъект” в психосемантике позволяет системно подойти к решению этой проблемы.

Ключевые слова: психосемантика, ментальная карта, система референции, редукция волновой функции, внешняя реальность.

DOI: 10.31857/S020595920016016-3

НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОНЯТИЯ РЕФЕРЕНЦИИ СУБЪЕКТА

Под системой референции субъекта понимаются условия наблюдения, где наряду с пространственно-временными координатами (системой отсчета в физике) включаются как инструменты наблюдения (экспериментальные установки, приборы и пр.), так и индивидуальные характеристики наблюдателя, обусловленные его культурно-историческим статусом (включая его сознание и бессознательное, систему ценностей, мотивацию, тезаурус научных понятий и т.п.), т.е. рассмотрение

референции как системы всех (насколько это возможно) условий наблюдения, включая психологические особенности наблюдателя. Понятно, что “нельзя объять необъятное” и, хотя мир систем и целостен, любое научное исследование вынужденно включает разумное ограничение числа степеней свободы системы референции. В нашем определении мы особо подчеркиваем роль психологического фактора в познании и конструировании модели реальности, или Образа Мира.

Понятие референции пришло в философию из лингвистики и языкознания. Референция (от лат. *referens* — относящий, сопоставляющий) — отнесенность некоторого значения слова к обозначаемому им объекту, предмету (денотату). В теории познания, в философской эпистемологии

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00603.

понятие “референция” принадлежит к группе понятий постнеклассической рациональности. Академик В.С. Степин выделяет в развитии познания три формы рационального познания мира [23]: 1) классическую рациональность, базирующуюся на познании объективно существующей реальности (типичные представители, подчеркнем это, с нашей точки зрения: Н. Коперник, Г. Галилей, И. Ньютон, П.С. Лаплас, М. Фарадей, К. Максвелл, а в психологии — И.П. Павлов, Д.Б. Уотсон и в целом бихевиоризм); 2) неклассическую, характеризующуюся вниманием к процессам целостности систем и эволюции, к целевой функции и обратным связям (Ч. Дарвин, Э. Мах, В.И. Вернадский, Н. Винер, Л. фон Берталанфи, а в психологии — З. Фрейд, К. Левин, Н. Бернштейн, Дж. Брунер и в целом гештальтпсихология, когнитивная психология и в особом ракурсе — психоанализ), и постнеклассическую, ставящую акцент на включенности субъекта познания в конструируемую им реальность и (для психологии) на проблему смысла деятельности (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер, В. Гейзенберг, Д. Бом, Р. Пенроуз, а в психологии — К. Юнг, М. Бахтин, Э. Фромм, А. Маслоу, К. Прибрам, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и в целом теория деятельности, гуманистическая и трансперсональная психологии).

Современный философский эпистемологический анализ некоего феномена, понятия, события требует рассмотрения целостного кластера семантически взаимосвязанных понятий, образов, установок, относящихся к данной проблематике [8].

Проблематика референции тесно связана с проблемой релятивизма, теории относительности, множественности истины или же неправомерности использования самого понятия “истины” (см.: [12]), где позиция наблюдателя (система отчета в физике) оказывается значимой для фиксации (измерения, восприятия, осознания) объекта наблюдения.

В современной философии один из классиков эпистемологического релятивизма Р. Рорти (1997) выделяет две традиции в понимании познания [20]. Одна из них представлена философией Канта, Гегеля, Энгельса (и, более широко, традицией марксизма) и понимает познание как бесконечное приближение к истине, как движение к верному представлению о мире “как он есть сам по себе”. Другую он обозначает как “релятивизм”, куда относит таких философов постнищезанской европейской философии, как Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, Ж. Деррида, а также представителей американского прагматизма и аналитической

философии У. Джемса, Р. Рорти, У. Куайна, Т. Куна» [11, с. 202].

Следует отметить, что психология, чей объект — человек, его внутренний мир, мотивы и цели поведения, в отличие от физики, где система отсчета зависит от всего лишь двух базисных категорий — времени и пространства, обладает гораздо более широкой системой отсчета (референцией), включая в нее личностные, социальные и культурно-исторические особенности субъекта познания. Причина того или иного поступка оказывается многомерной и полимотивированной.

В вышедшей в 1959 г. книге “Причинность и случайность в современной физике” Дэвид Бом трактует причинность, исходя из цельности, нелокальности и многомерности бытия [4]. “Большинство следствий рассматривались как происхождение по одной или нескольким причинам. Бом, однако, почувствовал, что следствие может иметь за собой бесконечное множество причин. Например, если вы спросите, что вызвало смерть Авраама Линкольна, вам ответят, что это была пуля, вылетевшая из револьвера Джона Бута. Но полный список причин, за которым последовала смерть Линкольна, должен был бы включать все события, приведшие к производству данного оружия, все факторы, заставившие Бута желать смерти Линкольна, все шаги эволюционного развития человеческой расы и руки, способной удержать револьвер, и т.д. и т.п. Бом признавал, что в большинстве случаев можно игнорировать огромную вереницу причин, приводящих к конкретному следствию, но считал, что ученым очень важно помнить: ни одно из причинно-следственных отношений нельзя в действительности отделить от вселенной” (цит. по: [25, с. 58]). То есть, согласно Бому, система референции, влияющая на события в мире, имеет и физические, и психические основания и практически бесконечномерна и определяется взаимосвязанной системой всей Вселенной, но человеческое миропонимание “вырезает” из этой системе доступную его осознанию зону или область референции.

В области человеческих отношений в психологии используется понятие “референтная группа” (см.: [2]), т.е. группа лиц, близких по значимости для индивидуального или коллективного субъекта. Тем не менее члены референтной группы неоднородны и могут иметь несовпадающие позиции по отношению к тем или иным проблемам. Близким понятием является введенное М.Г. Ярошевским (1973) понятие “оппонентного круга” [27]. То есть мнение значимых других влияет на картину мира субъекта,

на его убеждения, систему ценностей и на принятие им тех или иных решений.

В современном психоанализе проблема референции как парного взаимодействия картин мира психоаналитика и пациента рассматривается в контексте “перепутанных состояний” и процесса взаимного переноса и контрпереноса при вспышках сознания (аналогичных редукции волновой функции в квантовой физике) и осуществляется в многомирии порожаемых сцен — интерпретаций [21].

В математике “система референции” — это совокупность системы координат и векторного базиса для каждой локальной точки некоего пространства, в котором существуют правила трансформации характеристик, описываемых этим пространством при переходе от одной координатной точки пространства к другой.

Математическая модель референции используется в методе семантического дифференциала Ч. Осгуда и теории личностных конструктов Дж. Келли. В рамках психосемантического подхода (В.Ф. Петренко, О.В. Митина, А.П. Супрун, А.Г. Шмелев [15; 16]) используют математический аппарат многомерной статистики для построения пространств, которые, будучи интерпретированы, называются семантическими пространствами и выступают операциональной моделью категориальных структур сознания.

Психосемантика позволяет строить знаковые описания ментальных карт (образов мира) как отдельных индивидов, так и различных социальных групп. Очевидно, что различия в восприятии мира связаны как с индивидуальными, так и с социальными различиями респондентов, т.е. с их обобщенной системой референции.

Сознание мы связываем с субъектом (в психосемантике) или наблюдателем (в физике). Однако субъект не входит в физическую парадигму, в отличие от психологии, а наблюдатель в теории относительности играет роль скорее бестелесного духа, способного воспринимать физические объекты без какого-либо взаимодействия с ними. В квантовой физике наблюдатель уже непосредственно участвует в процессе редукции волновой функции или явления реальности из целого спектра возможностей, поскольку волновая функция описывает множество *возможных* результатов наблюдения квантовой системы. Причем, как отмечал еще фон Нейман (1932), процесс измерения заканчивается одномоментно с редукцией, когда *восприятие* результата становится фактом сознания. Отметим, что сама редукция волновой функции не описывается физической теорией [13].

В связи с этим Э. Шредингер вводил принцип объективации: «Под этим я понимаю то, что часто называют “гипотезой реального мира”, который нас окружает. Я утверждаю, что это равносильно определенному упрощению, которое мы приняли с целью решения бесконечно сложной задачи природы. Не обладая о ней знаниями и не имея строгой систематизации предмета, мы исключаем Субъект Познания из области природы, которую стремимся понять. Мы собственной персоной отступаем на шаг назад, входя в роль внешнего наблюдателя, не являющегося частью мира, который благодаря этой самой процедуре становится объективным миром» [26, с. 38].

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ И ФИЗИКЕ

Эволюция научных воззрений шла по пути признания наличия субъекта в той же реальности, в которой мы описываем мир. В модели реальности Галилея—Ньютона все инерциальные системы находились в рамках единого пространства-времени, имеющего определенный набор свойств — норма, размерность, метрика и пр. Таким образом, физический объект, рассматриваемый из разных систем отсчета, в рамках данной модели является одним и тем же, по сути отличаясь только формой описания с учетом движения наблюдателя.

В модели Пуанкаре—Лоренца—Эйнштейна [19] пространству-времени каждой системы отсчета соответствует преобразование координат (x, y, z, t), аргументом которого является определенное значение скорости (V):

$$x' = \frac{x - V \cdot t}{\sqrt{1 - \frac{V^2}{C^2}}}; y' = y; z' = z; t' = \frac{t - \frac{V}{C^2}x}{\sqrt{1 - \frac{V^2}{C^2}}}.$$

В этом случае с каждым наблюдателем связано свое пространство-время, что существенно отличается от варианта Галилея—Ньютона. Теперь реальность, рассматриваемая разными наблюдателями, описывается в рамках собственной модели, и эти модели связаны отношениями подобия, но не являются тождественными (так как происходит сокращение линейных размеров и замедление времени). Мы не имеем права, как отмечал Пуанкаре, говорить о том, что происходит реальное, а не субъективное изменение пространственно-временных характеристик (и в этом он расходился с интерпретацией Эйнштейна).

Мы знаем о реальности только то, что “дано нам в ощущениях”. Как отмечал создатель волновой квантовой механики Э. Шредингер, “...материал, из которого построена наша картина мира, доставляется исключительно из органов чувств, как органов разума, так что картина мира каждого конкретного человека является и всегда остается построением его разума, причем доказать другое ее существование невозможно, сам сознательный разум остается в этой конструкции чужаком, у него нет в ней жизненного пространства, его невозможно засечь в какой-либо точке этого пространства” [26, с. 44].

Мы разделяем конструктивистскую, по сути, точку зрения Шредингера о том, что картина мира строится разумом человека на основе органов чувств, и то, что в методологии классической физики нет места сознанию (разуму). Но в психологии при построении картины мира субъекта участвует эмпатия как передача мировосприятия от одного человека к другому, так и влияние всей человеческой культуры, включая образование, чтение книг, просмотр фильмов, общение с множеством других людей, в том числе и давно ушедших из этого мира. Мы видим мир глазами наших предков, чувствуем их эмоции, запечатленные в романах, музыке и т.п. То есть мы погружены не только в физический мир, не только в социальные отношения, но и в колоссальный мир культуры — третий мир, по Попперу.

Взгляды многих современных физиков суммированы в эссе “Заметки о проблеме Разума-Тела”, написанном нобелевским лауреатом Юджином Вигнером [31]. Он утверждал, что нельзя сформулировать непротиворечивые законы квантовой механики, не включив в них сознание. Фактически в уравнениях Шредингера квантовая система определяется только физическими (объектными, пространственно-временными) начальными и граничными условиями, исключая субъектные, поскольку субъект выбрасывается из “объективной” реальности. Даже не ставился вопрос о том, является ли физическая система отсчета достаточной и может ли психологическая система референции — индивидуально-психологические особенности самого наблюдателя — сказываться на процессе измерения.

Интересна закономерность развития наших научных представлений: от модели реальности с одним субъектом Галилея—Ньютона к многосубъектной модели Пуанкаре—Лоренца и, наконец, к признанию того факта, что каждый живет в своем собственном “видении” мира (и субъект всегда находится в своей “собственной системе отсчета”).

Но при коммуникациях с другими субъектами мы обязаны как-то согласовывать наши “ментальные карты” (собственные вселенные) — хотя бы ту составляющую собственных представлений о реальности — которые доступны для кодирования во второй сигнальной системе. Очевидно, что, как и в физике, такие согласования (перевод ощущений в знаки) не происходят без потерь.

Например, введенная К.И. Люисом проблема квалиа о несводимости ощущений ни к физическому миру, ни к третьему (в терминологии К. Поппера) понятийно-знаковому миру, представленная в переживаниях конкретного субъекта (см.: [6]). Наши ментальные карты (образы мира), выраженные в знаковой системе, также согласуются на уровне подобия, а не полного совпадения уже вследствие подобия наших родовых сенсомоторных систем.

Кроме того, если релятивистские эффекты в классической физике носят “пассивный” характер в восприятии объектов, движущихся с “экстремальной” околосветовой скоростью (сокращение длины, замедление времени), то в квантовой механике восприятие приобретает “активный” характер, так как явно участвует в процессе “схлопывания” волновой функции и появлении того или иного результата измерения состояния квантовой системы. Этот процесс формально и содержательно напоминает явление категоризации в психосемантике [17] — трансляцию некоторого содержания из бессознательного в сознание.

Поскольку конкретный результат измерения возникает одновременно с моментом *осознания* восприятия, но не зависит от волевых усилий субъекта, то имеет смысл соотнести его с психосемантической системой референции субъекта, т.е. с объективными характеристиками индивидуальных механизмов трансляции сенсорной информации в сознание. Поскольку в многомировой интерпретации квантовой механики Х. Эверетта [29] каждая возможность связывалась с конкретным наблюдателем, то, в принципе, суперпозицию состояний квантовой системы можно трактовать как суперпозицию всех возможных систем референций субъекта (физических, биологических и психологических) — всех возможных сенсомоторных систем.

В квантовой механике наблюдатель фактически реализует, как отмечал Дж. фон Нейман (1932), редукцию волновой функции, обеспечивая выбор одной возможности из множества других [13]. То есть в каком-то смысле восприятие субъекта редуцирует “квантовую реальность” возможностей в реальность, описываемую классической физикой, хотя сам субъект даже не подозревает об этом.

Следовательно, это может быть только работа под-сознательных механизмов. По сути, происходит ре-интерпретация сознанием квантовой реальности, описываемой в пространстве Гильберта, в классическую объектную пространственно-временную форму, описываемую языком коммутативной алгебры, где исключены все возможности, кроме той, что определяется системой референции конкретного наблюдателя.

Принцип объективности в науке требовал исключения субъекта с его свободой воли из любой теории, что неизбежно создавало две параллельные реальности: физическую и психическую (см.: [18]).

Мы разделяем критику В.А. Петровским представлений о эпифеноменальности психики в контексте психофизической проблемы и солидаризуемся с ним в использовании концепции голографических представлений, следом за К. Прибрамом (1980), Д. Бомом (1959) и М. Толботом [4; 25]. Следует вспомнить еще об одной попытке, по крайней мере, методологического решения психофизической проблемы, представленной трудами А.Н. Леонтьева. Развивая вслед за С.Л. Рубинштейном теорию деятельности, А.Н. Леонтьев рассматривал субъекта и объекта как полюсы единой молярной структуры — деятельности, а не в трактовке субъект—деятельность—объект, представленной многими отечественными психологами, где деятельность рассматривалась как промежуточный член и тем самым в такой трактовке сближалась с бихевиоризмом [9]. Но понимание деятельности именно как молярной единицы познания и поведения, снимающей субъект-объектную оппозицию (реализуя “недвойственность” в буддийской терминологии), тем самым снимает психофизическую проблему. Принцип рефлекторного кольца в модели Н. Бернштейна (1947), включающего как стимульные (внешние), так и ментальные компоненты в форме “модели потребного будущего”, давал мощную поддержку леонтьевской трактовке деятельности [3]. Единицами анализа становились бы “рефлекторные кольца”. Но такая трактовка деятельностного подхода потребовала бы системной перестройки всего понятийного аппарата психологии, а не только отдельного понятия “деятельность” и не могла быть реализована по идеологическим причинам в 60–70-х годах прошлого века. С.Л. Рубинштейн (2012) в своей монографии “Человек и Мир”, вышедшей многократно, но только спустя несколько десятилетий после его кончины, используя понятие “Мир” — как пристрастный мир человеческого страдания и бытия, взамен бессубъектного понятия “объективная действительность”, на методологическом уровне частично снял эту

проблему, дав человеко-сопричастную трактовку реальности, в которую человек погружен и которую он изменяет, являясь частью этой реальности [22].

Включение субъекта в физическую теорию возможно только в результате соотнесения физической и психологической парадигмы. С точки зрения психологии то, что становится фактом сознания, появляется из того, что им не является, — из бессознательного. По сути, это то, что в физике соотносится с “внешним миром”. Восприятие можно рассматривать как процесс трансляции не-которого конечного содержания из открытой системы бессознательного в систему индивидуально-го сознания. Изменение содержания сознания соотносится с изменением состояния субъекта, которое он соотносит, в свою очередь, с состоянием “внешней среды”. При системном подходе к психофизической проблеме, согласно бритве Оккама, лишней сущностью оказывается “внешняя среда”. По сути, это просто семиотическое описание содержимого нашего сознания и его логическая формализация. Отметим, что информация о “внешней” реальности воспринимается нами посредством первой *сигнальной* системы. Язык и культура формируют перцептивные эталоны, ментальные структуры, опосредующие восприятие и определяющие нашу систему референции. Квалиа возникают уже внутри индивидуальной системы сознания посредством средств презентации, сформированных эволюцией. Причем представление это могло бы быть не только привычным для нас объектным и пространственно-временным, но и, например, спектральным в бесконечномерном пространстве Гильберта, что лучше соответствует формализму квантовой механики. Невозможность сознанию непосредственно выйти в бессознательное связана с косностью формы представления реальности, что и определяет его границы. О том, что объектное (локальное) пространственно-временное представление ограничено и не может отобразить все содержание реальности, свидетельствуют многочисленные парадоксы квантовой механики: соотношения неопределенности, квантовая телепортация (ЭПР-эффект²), квантовый ластик³ и пр.

² ЭПР — парадокс, который Эйнштейн (совместно с Подольским и Розеном) придумал и приводил Бору как довод о невозможности квантовой телепортации, т.е. мгновенной передачи квантового состояния в любую точку Вселенной. В дальнейшем работы группы А. Аспекта [28] экспериментально доказали наличие этого феномена, что позволило (следом за буддийской философией) утверждать “нелокальность бытия” и рассматривать мир как единую взаимосвязанную сущность.

³ Квантовый ластик — эффект, заключающийся в том, что изъятие в настоящем информации о прошлом меняет само это прошлое [7].

Если сознание имеет индивидуальную привязку к некоторой системе референции (физической, биологической, социальной), то о бессознательном мы этого сказать не можем, поскольку его выбор мгновенно преобразует возможность в “реальность” *в любом индивидуальном сознании* (на этот счет есть интересный парадокс “друга Вигнера” — своеобразное продолжение известного парадокса “кота Шредингера”). В этом отношении представляют интерес работы психолога Карла Юнга (написанные с живейшим участием известного физика-теоретика, нобелевского лауреата Вольфганга Паули) о коллективном бессознательном и синхронистичности, способных объяснить многие из этих парадоксов.

Фактически Юнг и Паули сделали попытку реализовать системную декомпозицию психической реальности (см.: [10]), которая явно не вписывалась в объектную парадигму уже вследствие применения специфического формализма на уровне математического аппарата. В. Паули надеялся связать квантовую реальность и сознание посредством юнгианского коллективного бессознательного и тем самым разрешить психофизическую проблему и парадоксы квантовой физики (в частности, то, каким образом “субъективный” результат восприятия конкретного наблюдателя становится “объективной реальностью” для всех).

Но в парадигме психологии бессознательное и есть то, что физики называют “внешней реальностью”, — источник наших ощущений, выйти за пределы которых мы не можем. Дополнительно к бессознательному вводить рассудочно сконструированную “внешнюю реальность”, параллельную реальности сознания, просто нет смысла. Однако имеет смысл исследовать влияние индивидуальных механизмов восприятия как систем референции субъекта на состояние квантовой системы.

При системном подходе мы должны рассматривать восприятие субъекта как трансляцию некоторого содержания из системы бессознательного (“внешней реальности”) в систему индивидуального сознания. Сенсорные механизмы редуцируют это содержание из спектрального представления в бесконечномерном гильбертовом пространстве в объектное, четырехмерное пространственно-временное представление нашего сознания.

Фактически они реализуют обратное Фурье-преобразование сигналов. Поскольку мы просматриваем реальность через ограниченное временное окно, параметры которого определяются системой референции субъекта (его биологическими и психологическими характеристиками), то оно должно удовлетворять хорошо известному соотношению

частотно-временной неопределенности $\Delta\nu \cdot \Delta t \geq 1$ (взаимной связи частотных $\Delta\nu$ и временных Δt интервалов), после умножения которого на постоянную планка $\hbar$ автоматически получается соотношение неопределенности в квантовой механике: $\Delta h\nu \cdot \Delta t \geq \hbar$ или $\Delta E \cdot \Delta t \geq \hbar$, где E — энергия. То есть квантовые соотношения неопределенности (для энергии и времени, импульса и координат) могут иметь своим источником не “внешнюю реальность”, а системные (психические) механизмы трансляции из бессознательного в сознание.

Психосемантический подход может оказаться здесь полезным уже вследствие определенного сходства математического формализма, используемого как в психосемантике, так и в квантовой механике и получаемых результатах. Так, в серии работ В.Ф. Петренко и А.П. Супруна (2017) было показано, что формальные методы построения психосемантических пространств изоморфны математическим методам квантовой механики (поиск собственных векторов и собственных значений некоторых операторов), а угловые координаты представления интенсивности свойств объектов в ней приводят к псевдоевклидовой метрике ментальной карты субъекта, характерной для пространства Минковского в специальной теории относительности [17]. Этот внутренний изоморфизм позволяет нам проводить интересные параллели между психологией и физикой, в частности смотреть со стороны психологии на парадоксы, связанные с наблюдателем в релятивистской и квантовой физике, и, с другой стороны, связывать стрессовые особенности индивидуального восприятия с релятивистскими эффектами предельных значений психофизиологических характеристик (т.е. использовать релятивистские поправки в психических состояниях, близких к предельным) и возможные интерпретации восприятия респондентами различных объектов и ситуаций в различных состояниях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему обсуждению, зафиксируем следующие положения.

Физика как более развитая наука предоставляет базовые метафоры психологии, и история последней шла по линии физикализации или физиологизации ее объекта познания. Однако в силу гораздо большей сложности живых существ и человека как “венца творения”, обладающего сознанием, использование физикалистской парадигмы ограничивало ее развитие и требовало от психологов разработки проблемы субъекта [1; 5; 22].

Понятие “объективная реальность” как независимость объекта познания от субъекта познания или то, “что объект есть сам по себе”, имеет ограниченную зону приложения в обыденных ситуациях (как нам не требуется вносить релятивистские поправки при малых скоростях). Но в психологии, где аргументом системы референции может быть эмоция, напряжение или боль, по силе близкая к возможному предельному значению, или же переживание любви или невротического страдания, также на пределе своего восторга или отчаяния, использование релятивистских поправок необходимо при оценке состояния человека и его психодиагностике. В наших работах [17] было теоретически доказано и экспериментально на материале психофизики подтверждено, что преобразование Лоренца, лежащее в основании специальной теории относительности А. Эйнштейна, работает и применительно к восприятию предельных по силе раздражителей [Там же].

В социологических исследованиях психосемантический подход позволяет разложить рейтинг политика на составляющие с указанием их релятивистской ригидности (аналога массы в физике), что делает возможным оценить их устойчивость к изменениям во время жесткой избирательной кампании (в первую очередь “вылетают” наиболее флексибельные компоненты) [24].

Понятие “система референции” является более общим (где “система отсчета” в физике входит как частный случай) и имплицитно вводит позицию субъекта в познаваемую им физическую, психологическую или социальную реальность. В квантовой физике и в психологической науке субъект познания неотторжим от ситуации познания, и система референции субъекта опосредует построение житейской и научной картины познаваемого мира.

Эвристичными являются аналогии между феноменами квантовой физики и психологическими процессами. Так, по-видимому, есть прямая аналогия между редукцией волновой функции в квантовой физике и процессом категоризации в психологической науке, снимающим неопределенность и переводящим психическое состояние из гильбертова пространства в пространственно-временные предметные формы пространства Минковского. Многие психологические феномены, такие как творчество, интуиция, эмпатия и сопереживание, измененные состояния сознания, обретают новый ракурс рассмотрения при переходе (редукции) от индивидуального и коллективного бессознательного (где отсутствуют категории пространства и времени и где нет ни прошлого, ни будущего)

к предметному пространственно-временному представлению нашего сознания. И да осилит дорогу идущий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. О субъекте психологической деятельности // Методологические проблемы психологии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Наука, 1973.
2. Андреева Г.М. Общие проблемы малой группы в социальной психологии // Социальная психология. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2008.
3. Бернштейн Н.А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947.
4. Бом Д. Причинность и случайность в современной физике / Пер. с англ. С.Ф. Шушурина. М.: ИЛ, 1959.
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта. Научное издание. СПб.: Алетейя, 2003.
6. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004.
7. Гринштейн Дж., Зайонц А. Квантовый вызов. Современные исследования оснований квантовой механики. Долгопрудный: Интеллект, 2008.
8. Касавин Т.И. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность, Сознание, Личность. М., 1977.
10. Линдорф Д. Юнг и Паули: встреча двух великих умов. М.: Касталия, 2013.
11. Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Нижний Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018.
12. Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 106.
13. Нейман Дж., фон. Математические основы квантовой механики. М., 1932.
14. Пенроуз Р. Тени разума: В поисках науки о сознании [Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness]. М.: Ижевск: ИКИ, 2011.
15. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
16. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
17. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.: КРАСАНД, 2017.

18. Петровский В.А. Психофизическая проблема: “Кто” видит мир? (Эскиз концепции взаимоотношений) // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 58–83.
19. Пуанкаре А. Избранные труды: в 3 т. М.: Наука, 1973. Т. 3.
20. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ.; науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
21. Россохин А.В. Интерпретации в психоанализе: Там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. № 1. С. 5–51.
22. Рубинштейн С.Л. Человек и Мир / Серия: Мастера психологии. СПб.: Питер, 2012.
23. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
24. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метапсихология. М.: URSS, 2019.
25. Талбот М. Голографическая Вселенная. М.: София, 2004.
26. Шредингер Э. Разум и материя. Ижевск: НИЦ “Регулярная и хаотическая динамика”, 2000.
27. Ярошевский М.Г. Психология в XX в. М.: Издательство политической литературы, 1974.
28. Aspect A., Grangier P., Roger G. Experimental realization of Einstein — Podolsky — Rosen-Bohm Gedanken experiment: A new violation of Bell's inequalities // Phys. Rev. Lett. 1982. V. 49. P. 91–94,
29. Everett H. “Relative State” Formulation of Quantum Mechanics // Reviews of Modern Physics. 1957. V. 29. P. 454–462
30. Suprun S.P., Suprun A.P. Computers: Classical, Quantum and Others. Bentham Science Publisher Sharjah, U.A.E. Saif Zone, 2011.
31. Wigner E. Remarks on the Mind-Body Question // John Heil (ed.). Philosophy of Mind: A Guide and Anthology. Oxford: Oxford University Press, 2003.

THE INFLUENCE OF REFERENCE SYSTEM ON CONSTRUCTION OF WORLD IMAGE IN PSYCHOLOGY AND PHYSICS⁴

V. F. Petrenko^{1,2,*}, A. P. Suprun^{1,3,**}

¹Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, bld. 9, Russia.

²Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.

³Federal Research Center “Informatics and Management” RAS;
119333, Vavilova str., 44, bld. 2, Moscow, Russia.

*ScD (Psychology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Laboratory of Communication Psychology and Psychosemantics, Chief Researcher.

E-mail: victor-petrenko@mail.ru

**PhD (Psychology), Senior Researcher of the Laboratory of Communication Psychology and Psychosemantics.

E-mail: anatology.suprun@gmail.com

Received 20.12.2020

Abstract. Psychosemantics makes it possible to construct iconic descriptions of mental maps (images of the world) of both individuals and different social groups. Obviously, differences in perception of the world are related to physical, biological, psychological, socio-cultural differences of respondents, in other words — to their generalized reference system. We associate individual consciousness with the individual, particular subject or observer (in physics). However, the subject is not a part of physical paradigm, unlike psychology, and the attempt to include it directly in quantum theory (J. Wigner, R. Penrose, etc.) requires an adequate correlation of physical and psychological paradigms for its realization. In particular, the extension of the reference system associated with the observer in physics to the reference system of the “subject” in psychosemantics allows a systematic approach to solving this problem.

Keywords: psychosemantics, mental map, referential system, wave function reduction, external reality.

⁴ This article was supported by RFBR grant № 19-013-00603.

REFERENCES

1. *Abul'hanova K.A.* O sub"ekte psihologicheskoy deyatel'nosti. In: Metodologicheskie problemy psihologii. Ed. V.A. Lektorskij. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian)
2. *Andreeva G.M.* Glava 11: Obshchie problemy maloy gruppy v social'noj psihologii. In: Social'naya psihologiya. 5-e izd. Moscow: Aspekt Press, 2008. (In Russian)
3. *Bernshtejn N.A.* O postroenii dvizhenij. Moscow: Medgiz, 1947. (In Russian)
4. *Bom D.* Prichinnost' i sluchajnost' v sovremennoj fizike. Per. s angl. S.F. Shushurina. Moscow: IL, 1959. (In Russian)
5. *Brushlinskij A.V.* Psihologiya sub"ekta. Nauchnoe izdanie. Saint Petersburg: Aletejya, 2003. (In Russian)
6. *Dennet D.* Vidy psihiki: na puti k ponimaniyu soznaniya. Per. s angl. A. Veretennikova; pod obshch. red. L.B. Makeevoj. Moscow: Ideya-Press, 2004. (In Russian)
7. *Grinshtejn Dzh., Zajonc A.* Kvantovyy vyzov. Sovremennye issledovaniya osnovanij kvantovoj mekhaniki. Dolgoprudnyj: Intellect, 2008. (In Russian)
8. *Kasavin T.I.* Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v social'nuyu epistemologiyu yazyka. Moscow: Kanon+, 2008. (In Russian)
9. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost', Soznanie, Lichnost'. Moscow, 1977. (In Russian)
10. *Lindorf D.* Yung i Pauli: vstrecha dvuh velikih umov. Moscow: Kastaliya, 2013. (In Russian)
11. *Mikeshina L.A.* Relyativizm kak epistemologicheskaya problema. Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NGU im. N.I. Lobachevskogo, 2018. (In Russian)
12. *Nazaretyan A.P.* Istina kak kategoriya mifologicheskogo myshleniya. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 4. P. 106. (In Russian)
13. *Nejman fon Dzh.* Matematicheskie osnovy kvantovoj mekhaniki. Moscow, 1932. (In Russian)
14. *Penrouz R.* Teni razuma: V poiskah nauki o soznanii [Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness]. Moscow—Izhevsk: IKI, 2011. (In Russian)
15. *Petrenko V.F.* Osnovy psihosemantiki. Saint Petersburg: Piter, 2005. (In Russian)
16. *Petrenko V.F.* Psihosemantika soznaniya. Moscow: Izd-vo MGU, 1988. (In Russian)
17. *Petrenko V.F., Suprun A.P.* Metodologicheskie peresecheniya psihosemantiki soznaniya i kvantovoj fiziki. Moscow: KRASAND, 2017. (In Russian)
18. *Petrovskij V.A.* Psihofizicheskaya problema: "Kto" vidit mir? (Eskiz koncepcii vzaimo oposredovaniya). Metodologiya i istoriya psihologii. 2018. № 1. P. 58–83. (In Russian)
19. *Puankare A.* Izbrannye trudy: v 3 t. Moscow: Nauka, 1973. T. 3. (In Russian)
20. *Rorti R.* Filosofiya i zerkalo prirody. Per. s angl.; nauch. red. V.V. Celishchev. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. unta, 1997. (In Russian)
21. *Rossohin A.V.* Interpretacii v psihoanalize: Tam, gde bylo Ya i Ono, dolzhno stat' Inoe. Zhurnal klinicheskogo i prikladnogo psihoanaliza. 2020. V. 1. № 1. P. 5–51. (In Russian)
22. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i Mir. Seriya: Mastera psihologii. Saint Petersburg: Piter, 2012. (In Russian)
23. *Stepin V.S.* Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyuciya. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. (In Russian)
24. *Suprun A.P., Yanova N.G., Nosov K.A.* Metapsihologiya. Moscow: URSS, 2019. (In Russian)
25. *Talbot M.* Golograficheskaya Vselennaya. Moscow: Sofiya, 2004. (In Russian)
26. *Shredinger E.* Razum i materiya. Izhevsk: NIC "Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika", 2000. (In Russian)
27. *Yaroshevskij M.G.* Psihologiya v XX v. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974.
28. *Aspect A., Grangier P., Roger G.* Experimental realization of Einstein — Podolsky — Rosen-Bohm Gedanken experiment: A new violation of Bell's inequalities. Phys. Rev. Lett. 1982. V. 49. P. 91–94.
29. *Everett H.* "Relative State" Formulation of Quantum Mechanics. Reviews of Modern Physics. 1957. V. 29. P. 454–462.
30. *Suprun S.P., Suprun A.P.* Computers: Classical, Quantum and Others. Bentham Science Publisher Sharjah, U.A.E. Saif Zone, 2011.
31. *Wigner E.* Remarks on the Mind-Body Question. In: John Heil (ed.). Philosophy of Mind: A Guide and Anthology. Oxford: Oxford University Press, 2003.

УДК 159.922

ГЕТЕРОХРОННОСТЬ РАЗВИТИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА¹

© 2021 г. Н. Е. Веракса*, О. В. Алмазова**, З. В. Айрапетян***, К. С. Тарасова****

МГУ имени М.В. Ломоносова; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, Россия.

**Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования
и педагогики факультета психологии.*

E-mail: neveraksa@gmail.com

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии.*

E-mail: almaz.arg@gmail.com

****Младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии.*

E-mail: zlata.a.v@yandex.ru

*****Кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психологии образования
и педагогики факультета психологии.*

E-mail: christinap@bk.ru

Поступила 01.07.2020

Аннотация. Структурно-диалектическая психология нацелена на развитие способности видеть пространство возможностей в неопределенных ситуациях, преодолевать противоречия и мыслить творчески благодаря совершенствованию диалектических мыслительных процессов. Цель исследования заключалась в выявлении особенностей развития диалектического мышления у детей 5–7 лет. Предполагалось, что существуют различия в успешности решения типичных диалектических задач, направленных на создание творческого продукта, преодоление противоречий и понимание процессов развития. Эти различия могут быть связаны с полом и возрастом детей старшего дошкольного возраста. В исследовании применялись методики оценки успешности выполнения диалектических мыслительных действий. Методика “Рисунок необычного дерева” позволяет оценить способность ребенка решать творческую задачу. Методика “Циклы” оценивает способность ребенка понимать простейшие процессы развития и применять диалектические мыслительные действия: сериации, превращения и обращения. Методика “Что может быть одновременно?” направлена на оценку способности преодолевать противоречия. Решение задачи такого типа подразумевает применение диалектического мыслительного действия опосредствования. В качестве исходного выступало предположение, что результаты выполнения всех методик будут положительно связаны между собой и возрастом детей. В исследовании приняли участие 310 детей (156 мальчиков и 154 девочки) в возрасте от 5 лет до 7 лет 5 мес. Полученные результаты свидетельствуют о гетерохронности развития диалектических мыслительных действий. При этом были обнаружены гендерные различия: девочки успешнее выполняют методику “Циклы” ($t = -2.401$; $p = 0.017$), а мальчики лучше справляются с заданиями методики “Что может быть одновременно?” ($t = 1.879$; $p = 0.046$) и чаще изображают диалектические деревья. Были разработаны нормы отдельно для мальчиков и для девочек по этим методикам. Выявлены возрастные различия при выполнении методики “Рисунок необычного дерева” у детей 5–6 и 6–7 лет ($\chi^2 = 5.860$ при $p = 0.043$, сила эффекта V Cramer's — 0.139). Результаты, полученные при выполнении дошкольниками различных методик по оценке развития диалектического мышления, указывают, с одной стороны, на гетерохронность развития его компонентов, а с другой — на их связь.

Ключевые слова: мышление детей дошкольного возраста, структурно-диалектический подход, диалектическое мышление, диалектические мыслительные действия, диалектическая задача, противоречия.

DOI: 10.31857/S020595920015202-8

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00521.

Умение принимать решения в развивающихся и неопределенных ситуациях, создавать новый продукт, отвечающий актуальным, но и противоречивым требованиям стало важной компетенцией современного человека [4; 27; 32]. С 80-х годов XX в. изучение диалектического мышления, нацеленного на решение подобного класса задач, выделилось в отдельное направление в психологии. В настоящий момент сформулированы положения двух основных подходов диалектической психологии [2].

Так, в русле западного подхода диалектическое мышление рассматривается как основная характеристика постформальной стадии когнитивного развития, а также как форма метамышления [21–23; 25; 26; 29; 31]. Методологической основой исследований является операциональная теории интеллектуального развития Ж. Пиаже. В одной из последних работ “Элементарные диалектические структуры” Ж. Пиаже отмечал, что “диалектика есть генетический аспект любого равновесия” [30, с. 217]. Тем не менее интеллектуальное развитие фактически он ограничил рассмотрением равновесных состояний на основе структур, описываемых формальной логикой. Американский психолог К. Ригель критиковал подобное ограничение: “Как только ребенок достигает второго основного периода в теории Ж. Пиаже, периода дооперационного интеллекта, и как только Ж. Пиаже переходит от методологии наблюдательных интерпретаций к методологии эксперимента, диалектическая парадигма аккомодации и ассимиляции игнорируется, и интерпретации предлагаются с точки зрения традиционной логики” [31, с. 357]. Исследования Ж. Пиаже позволили К. Ригелю расширить взгляд на диалектическое мышление и рассмотреть предпосылки его развития в детском возрасте. Однако К. Ригель, хотя и ставил задачу описать диалектические операции, ограничился использованием традиционной схемы [24]. Исследование диалектических преобразований (схем диалектического мышления) было выполнено М. Бессечесом [22] и О. Ласке [26] на взрослых субъектах. Они выделяют более 20 схем, связанных с распознаванием изменений, анализом интерактивных и конструктивных отношений и т.д. В целом зарубежная диалектическая психология сложилась как самостоятельное направление, ориентированное на исследование диалектического мышления как постформальной стадии интеллектуального развития.

Диалектическая точка зрения выступила в качестве методологического основания отечественной психологии XX в. Так, Л.С. Выготский [8]

использовал диалектику в анализе детского развития, убедительно доказав диалектичность процесса становления высших психических функций, и в том числе развития мышления. С.Л. Рубинштейн подчеркивал значимость этой формы мыслительной деятельности и характеризовал диалектическое мышление как “адекватное познание бытия, которое всегда находится в процессе становления, изменения, развития... дает лишь мышление, которое отражает бытие в его многосторонних связях и опосредствованиях, в закономерностях его движимого внутреннего противоречия развития” [18, с. 310]. А.В. Запорожец и Г.Д. Луков [12] показали, что дошкольники способны понимать причинность в простейших ситуациях и адекватно отражать противоречия. Однако исследования диалектического мышления в советской психологии были ограничены представлением о невозможности формализации диалектической логики. Возникшую проблему пытались решить философы Э.В. Ильенков [13], В.И. Мальцев [16], но они не смогли преодолеть трудности, связанные с описанием диалектических форм. Своеобразие отечественной психологии во многом было обусловлено методологией культурно-исторической перспективы Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева [15], что предполагало поиск специфических для диалектического мышления мыслительных действий и средств.

Решение этой задачи основывалось на поиске инвариантов описания диалектической структуры ситуаций и процессов развития. В работах Н.Е. Вераксы в качестве таковых выступили отношения противоположности. Противоположности как инварианты описания принадлежат, с одной стороны, структуре (т.е. формальны), а с другой — конкретному содержанию, единицы которого вступают в отношения противоположности. Противоположности обладают двумя главными свойствами: 1) противоположностей всегда две; 2) противоположности исключают друг друга. Но, кроме того, в конкретных ситуациях они могут находиться в различных отношениях [5].

СТРУКТУРНО-ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ

В рамках структурно-диалектической психологии (Н.Е. Веракса, Л.А. Баянова, С.А. Зададаев, Е.Е. Крашенинников, И.Б. Шиян, О.А. Шиян и др.) диалектическое мышление стало рассматриваться как процесс оперирования противоположностями [1; 3; 5; 7; 14; 19; 20]. Были выявлены диалектические мыслительные действия, которые

организованы структурно [6]. Математическая модель структуры представлена категорией D_n , разработанной С.А. Зададаевым [11].

Н.Е. Веракса описал диалектические мыслительные действия [5]: превращение, опосредствование, сериацию и др. *Диалектическое превращение* представляет собой мысленную трансформацию объекта A в свою противоположность B . Способность совершать это действие была диагностирована у детей уже в раннем возрасте в ходе решения простейших противоречивых ситуаций и ситуаций со скрытыми свойствами. *Диалектическое опосредствование* объединяет противоположности A и B в единый объект AB . Подобные мыслительные действия обнаруживаются у детей среднего дошкольного возраста. *Диалектическая сериация* представляет собой мысленное воспроизведение постепенной трансформации объекта от исходного состояния A к своему противоположному состоянию B через промежуточное состояние AB . Таким образом, диалектическая сериация рассматривается как последовательная смена образов в рамках заданной структуры. *Диалектическое обращение* интерпретируется нами как мыслительное действие, противоположное по своему направлению действию сериации. Понимание структуры этого действия выражается в мысленном построении *циклического представления*, которое отражает процесс изменения объекта из исходного состояния в противоположное, а затем обратно — из противоположного в исходное. Выполнение этого действия строится не только на удержании схемы трансформации в прямом и обратном направлении, но и понимании смысла трансформации ситуации [5]. Диалектические действия позволяют решить диалектическую задачу. Диалектическая задача обязательно предполагает оперирование противоположностями, т.е. применение диалектических умственных действий. Постановка диалектической задачи может возникать в противоречивой ситуации, в которой оказался субъект, либо может быть ему задана. Простейшие противоречивые ситуации могут возникать уже у детей раннего возраста. Однако «диалектические преобразования противоречивых ситуаций, связанные с постановкой диалектической задачи, впервые систематически осуществляются в старшем дошкольном возрасте» [5].

Диалектическое мышление содержательно связано с решением трех типов задач: 1) создание творческого продукта [10, с. 91]; 2) понимание процессов развития [9, с. 180; 10, с. 96]; 3) преодоление противоречий [10, с. 311; 16, с. 24]. С учетом содержательного и формального подходов нами были разработаны три диагностические методики:

«Рисунок необычного дерева», «Циклы» и «Что может быть одновременно?». С помощью методики «Рисунок необычного дерева» в исследовании оценивалась способность детей создавать новый образ. Один из способов выполнения этой методики связан с применением мыслительного действия превращения. С целью изучения способности детей применять диалектические мыслительные действия сериации и обращения была использована методика «Циклы» [5]. С помощью методики «Что может быть одновременно?» [5] оценивалась способность преодолевать противоречия ситуации с помощью диалектического мыслительного действия опосредствования. Целью исследования являлась оценка способности детей 5–7 лет решать диалектические задачи благодаря использованию диалектических мыслительных действий.

Мы решили более детально рассмотреть возрастные особенности развития диалектических мыслительных действий у детей 5–7 лет. Учитывая, что разработанные нами методики направлены на диагностику успешности применения диалектических мыслительных действий для решения отличающихся по своему характеру задач, мы выдвинули гипотезы о возможной взаимосвязи развития диалектических мыслительных действий, а также о гетерохронности развития аппарата диалектического мышления, допуская наличие гендерных различий. При этом для нас стало важно определить нормы в развитии мыслительных действий как для девочек, так и для мальчиков, тем более что нормирование развития ранее не проводилось.

Таким образом, исследование было направлено: 1) на выявление возрастных норм в развитии успешности решения каждого типа задач; 2) оценку различий в успешности решения задач девочками и мальчиками; 3) определение особенностей развития отдельных диалектических мыслительных действий у детей старшего дошкольного возраста.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В адаптации диагностического инструментария приняли участие 310 детей, из них 156 (50.6%) мальчики и 154 (49.4%) девочки. По возрастам на момент исследования дети распределились на пять подгрупп:

- 1) 5(0)–5(5) лет — 143 ребенка;
- 2) 5(6)–5(11) лет — 65 детей;
- 3) 6(0)–6(5) лет — 33 ребенка;
- 4) 6(6)–6(11) лет — 46 детей;
- 5) 7(0)–7(5) лет — 21 ребенок.

Все дети на момент исследования посещали дошкольные образовательные учреждения г. Москвы. Старшую группу детского сада посещали 205 детей, а подготовительную к школе группу — 103 ребенка.

Процедура исследования. Обследование каждого ребенка проводилось индивидуально. Сбор данных осуществлялся в детских садах, которые посещали дети. Диагностика проходила в комфортных условиях. Результаты были получены в первой половине 2019–2020 учебного года.

Методики исследования. Методика “Рисунок необычного дерева” [5] позволяет оценить способность ребенка решать творческую задачу. При этом ребенок мог применить как диалектические, так и недиалектические преобразования. Один из способов решения заключался в применении диалектического мыслительного действия превращения, с помощью которого объект трансформируется в свою противоположность. Для выполнения рисунка дети использовали бланк (лист формата А4) и простой карандаш. Ребенку предлагалась инструкция: “Нарисуй, пожалуйста, необычное дерево”. Экспериментатор не давал дополнительных указаний и не комментировал процесс рисования. После завершения рисунка ребенка просили подробно рассказать, в чем заключается необычность нарисованного им дерева. Рисунок ребенка рассматривался как результат трансформации образа обычного дерева, что позволяло проводить анализ стратегий такой трансформации. Были выявлены рисунки деревьев трех типов: 1) нормативные; 2) символические и 3) диалектические.

Нормативное изображение дерева показано на рис. 1. Как следует из рисунка, выполненные ребенком изменения если и есть, то они практически не отличаются от обычного изображения дерева. “Нормативный” рисунок оценивался в 0 баллов.

Рис. 1. “Нормативное” дерево

Символическое изображение дерева представлено на рис. 2. В рисунке отражено понимание необычности. Дерево исполняет желания. Варианты желаний характеризуют внешний вид дерева. “Символический” рисунок оценивался в 1 балл.

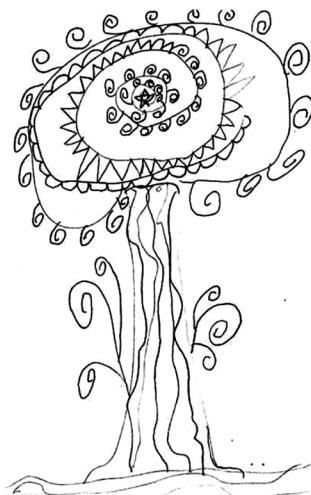

Рис. 2. “Символическое” дерево

На рис. 3 приведено диалектическое изображение необычного дерева — дерево “наоборот”. “Диалектический” рисунок оценивался 2 баллами.

Рис. 3. “Диалектическое” дерево

Таким образом, ребенок мог получить за выполнение методики “Рисунок необычного дерева” от 0 до 2 баллов.

Помимо этого нами был использован дополнительный анализ, который позволил проранжировать рисунки по степени трансформации, так как даже среди нормативных рисунков можно выделить несколько типов трансформаций.

Среди “нормативных” рисунков было выделено четыре вида деревьев по степени трансформации:

— 0\0 — ребенок изобразил обычное дерево, ни в рисунке, ни в объяснении никаких особенностей представлено не было, участники ограничивались только названием (например, береза, дуб), таким образом, трансформация отсутствовала;

— 0\1 — есть частичная трансформация, но она затрагивает одну часть дерева (ствол или ветки), дерево с украшениями (новогодняя елка) или это редкое дерево;

— 0\2 — в рисунке присутствует комплексная трансформация — на дереве растут разные плоды растительного происхождения, но не свойственные дереву (грибное дерево), и частично изменяются формы веток;

— 0\3 — в рисунке отражена попытка полной трансформации, но не выходящая за рамки реально существующих объектов (кактус).

Среди “*символических*” рисунков были выделены три вида деревьев по степени трансформации:

— 1\1 — в рисунке присутствует тема волшебства и необычности, есть элементы оживления и отражения темы желаний;

— 1\2 — комплексная трансформация символического дерева, при которой отражено многообразие объектов и создание нового образа с помощью скрещивания с иными объектами, но также присутствует тема волшебства и исполнения желаний;

— 1\3 — попытка полной трансформации, при которой наблюдаются структурные изменения, но есть и символизм (дерево-фонтан, т.е. дерево и иное), но при этом все изменения объясняются волшебством.

Среди “*диалектических*” рисунков не выделялись виды деревьев, так как этот вид деревьев подразумевает полную трансформацию, т.е. диалектическое превращение.

Таким образом, балл по методике может рассматриваться не только как качественный тип

дерева (0, 1 или 2), но и как номер категории трансформации— от 1(0/0) до 8(2).

Методика “*Циклы*” [5] оценивает способность ребенка понимать простейшие процессы развития и применять диалектические мыслительные действия: сериации, превращения и обращения. С их помощью простейшие процессы развития репрезентируются детскому сознанию в форме циклических представлений. В циклических представлениях отражено разворачивание события, которое начинается и заканчивается одинаково. Ребенку предлагались три набора по пять картинок. Каждый набор характеризовал развивающуюся ситуацию. Картинки подбирались с таким расчетом, чтобы развитие ситуации состояло из двух частей: прямого и обратного полуциклов. Ребенку давалось задание расположить картинки таким образом, чтобы получился рассказ. Правильное расположение картинок, передающее верный порядок развития ситуации, могло быть только одно. Всего было использовано три сюжета: “Растворение кусков сахара в чае”, “Приготовление кипятка в чайнике”, “Наступление грозы”. Например: погода была солнечная, затем испортилась и началась гроза, а потом тучи рассеялись, и снова выглянуло солнце. Ребенку предлагается расположить пять карточек с изображениями так, чтобы получился последовательный рассказ. Задания предъявлялись по следующей схеме. Если ребенок в правильной последовательности расположил пять карточек, т.е. ему удалось составить цикл, то проба прекращалась (рис. 4). В этом случае ребенок получал 5 баллов (максимальный балл).

Если первая проба вызывала затруднение, ребенку последовательно предлагали две следующие пробы (проба 2 и проба 3). Сначала предлагалось расположить три карточки, которые содержали в себе прямой порядок изменений. Ребенок должен был применить действие сериации, т.е. воссоздать на основе имеющихся фрагментов развитие ситуации (рис. 5). За правильное выполнение пробы 2 ребенок получал 2 балла.

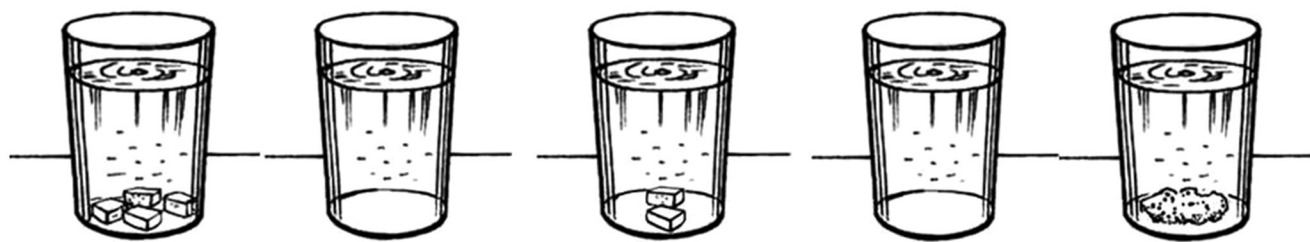

Рис. 4. Методика “Циклы”. Проба 1

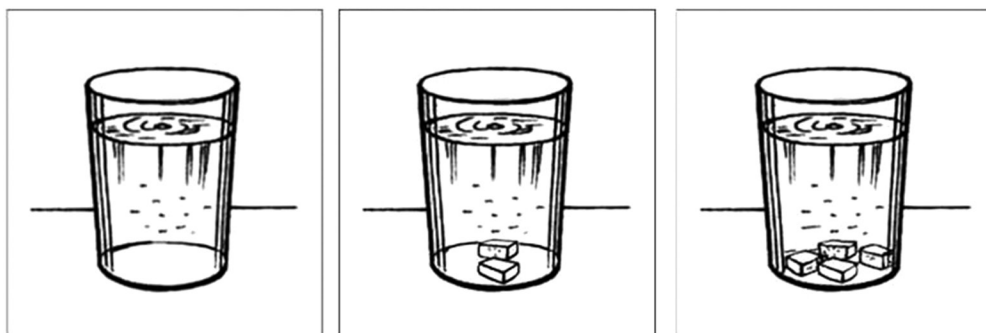

Рис. 5. Методика “Циклы”. Проба 2

Рис. 6. Методика “Циклы”. Проба 3

Рис 7. Методика “Циклы”. Проба 4

Затем ребенку предлагали три карточки (рис. 6, проба 3) с обратным порядком изменений. Правильное расположение карточек предполагало применение действия обращения. За правильное выполнение пробы 3 ребенок получал 2 балла.

Если расположения карточек и в этих пробах вызвали затруднения, то предъявлялись еще две пробы. В пробе 4 (рис. 7) ребенку предлагали карточку с пустым изображением посередине и набор карточек, из которых нужно было выбрать одну. В этом случае ребенок выстраивал полуцикл в прямом направлении, применяя действие сериации. За правильное выполнение пробы 4 ребенок получал 1 балл.

Далее ему предлагали последнюю пятую пробу в этом задании. В пробе 5 ребенку предъявлялась обратная последовательность расположения

картинок (рис. 8). За правильное выполнение пробы 5 ребенок получал 1 балл.

Таким образом, оценка за выполнение одного задания варьировала от 0 до 5 баллов. Максимальная оценка за выполнение трех заданий методики равна 15 баллам.

Методика “Что может быть одновременно?” [5] направлена на оценку способности преодолевать противоречия. Решение задачи такого типа подразумевает применение диалектического мыслительного действия опосредствования, в результате которого дети объединяют две противоположности в одном объекте таким образом, чтобы противоположные качества или свойства составили новое неделимое целое. Методика включала пять вопросов, содержащих противоречивую пару признаков. Например, детям предлагалось ответить на вопрос:

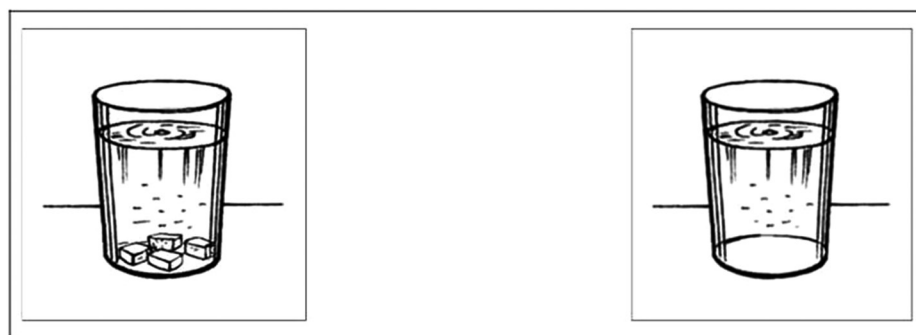

Рис. 8. Методика «Циклы». Проба 5

«Что бывает одновременно и черным, и белым?». Ответы детей оценивались по шкале от 0 до 4. Баллы начислялись следующим образом:

— 0 баллов ребенок получал за ответ, в котором такой объект не был найден;

— 1 балл начислялся за ответ, в котором каждая из противоположностей была отнесена к одному и тому же объекту, но к его разным частям (например, пингвин, так как брюшко белое, спина черная);

— 2 балла ставилось за ответ, если ребенок рассматривал изменения объекта во времени (был коленок белым, испачкался и стал черным);

— 4 балла начислялось за ответ, в котором обе противоположности одновременно характеризовали объект в целом (например, серый как белый и черный одновременно).

Оценка, полученная ребенком при выполнении методики, варьировала от 0 до 20 баллов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ полученных данных производился в два этапа. На первом этапе для детей старшей и подготовительной к школе группы были подсчитаны возрастные нормы успешности выполнения мальчиками

и девочками трех типов задач, направленных на применение диалектических мыслительных действий. На втором этапе мы проверили гипотезу о связи успешности решения разных видов задач, направленных на применение диалектических мыслительных действий у детей 5–7-летнего возраста.

В табл. 1 представлено распределение мальчиков и девочек по типам рисунков дерева «Рисунок необычного дерева». Всего методику выполнили 303 дошкольника, среди них 152 мальчика.

При помощи критерия χ^2 было установлено, что есть связь между полом и выполнением методики «Рисунок необычного дерева» ($\chi^2 = 8.701$ при $p = 0.013$, сила эффекта V Cramer's — 0.169), т.е. мальчики и девочки значимо по-разному рисуют необычное дерево. Мальчики чаще изображают «нормативное» и «диалектическое» дерево, а девочки — «символическое».

Внутри каждого типа ответов мы провели более детальное ранжирование рисунков и перевели их в ранги. Однако t -критерий не выявил значимых различий между девочками и мальчиками ($t = -0.123$; $p = 0.902$), что говорит о нелинейности связи пола и уровня развития действия превращения. В табл. 2 представлено распределение детей из старшей и подготовительной групп по типам рисунков дерева.

Таблица 1. Распределение мальчиков и девочек по типам нарисованных деревьев

Пол	Тип дерева			
	Нормативное	Символическое	Диалектическое	Всего
Мальчики	73 (48.0%)	59 (38.8%)	20 (13.2%)	152 (100.0%)
Девочки	61 (40.4%)	81 (53.6%)	9 (6.0%)	151 (100.0%)
Всего	134 (44.2%)	140 (46.2%)	29 (9.6%)	303 (100.0%)

Таблица 2. Распределение детей из старшей и подготовительной группы по типам нарисованных деревьев

Группа	Тип дерева			
	Нормативное	Символическое	Диалектическое	Всего
Старшая	98 (49.0%)	85 (42.5%)	17 (8.5%)	200 (100.0%)
Подготовительная	36 (35.0%)	55 (53.4%)	12 (11.7%)	103 (100.0%)
Всего	134 (44.2%)	140 (46.2%)	29 (9.6%)	303 (100.0%)

Таблица 3. Распределение всех детей и отдельно по группам по подстадиям “Рисунков необычного дерева”

Тип дерева	Выборка		
	Вся выборка	Старшая группа	Подготовительная группа
0 / 0	69 (22,8%)	52 (26,0%)	17 (16,5%)
0 / 1	53 (17,5%)	42 (21,0%)	11 (10,7%)
0 / 2	7 (2,3%)	4 (2,0%)	3 (2,9%)
0 / 3	5 (1,7%)	0 (0,0%)	5 (4,9%)
1 / 1	105 (34,7%)	61 (30,5%)	44 (42,7%)
1 / 2	21 (6,9%)	15 (7,5%)	6 (5,8%)
1 / 3	14 (4,6%)	9 (4,5%)	5 (4,9%)
2	29 (9,6%)	17 (8,5%)	12 (11,7%)
Всего	303 (100,0%)	200 (100,0%)	103 (100,0)

Таблица 4. Средние и стандартные отклонения оценок по заданиям методики “Циклы” в целом по выборке и отдельно для мальчиков и девочек

Задание методики	Выборка					
	Вся выборка		Мальчики		Девочки	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Растворение сахара в чае	2.06	1.78	2.01	1.83	2.11	1.74
Приготовление кипятка	1.21	1.40	1.01	1.28	1.41	1.48
Наступление грозы	2.26	1.57	2.06	1.62	2.47	1.49
Общий балл	5.52	3.45	5.05	3.33	6.00	3.52

При помощи критерия χ^2 было установлено, что есть связь между принадлежностью ребенка к возрастной группе и успешностью выполнения методики “Рисунок необычного дерева” ($\chi^2 = 5.860$ при $p = 0.043$, сила эффекта V Cramer’s — 0.139), т.е. дети в подготовительной группе значимо чаще выполняют рисунки деревьев более высокого уровня (“символическое” или “диалектичное”), чем дети старшей группы.

В табл. 3 представлено распределение детей из старшей и подготовительной групп по категориям трансформации нарисованного дерева (подстадии).

Рассматривая переменную “номер категории” как ранговую, при помощи *t*-критерия было установлено, что есть значимые различия между детьми из старшей и подготовительной групп ($t = -2.543$; $p = 0.012$). Кроме того, при помощи коэффициента корреляции Спирмена было установлено, что есть слабая, но статистически значимая связь между возрастом ребенка и успешностью выполнения задания ($r = 0.181$; $p = 0.002$).

Мы можем говорить, что действие “превращение” развивается в старшем дошкольном возрасте, так как есть значимые различия между результатами старшей и подготовительной групп и установлена связь между возрастом и успешностью выполнения задания “Рисунок необычного дерева”. Разработка норм по этой методике не представляется возможной, однако можно отметить, что рисунок “диалектического дерева”,

безусловно, говорит о высоком уровне развития действия превращения.

Второй вариант проставления баллов по методике “Рисунок необычного дерева” (с выделением подкатегорий) позволяет говорить о системе оценки рисунка как об оценке при помощи шкалы Лайкерта, что, в свою очередь, позволит в дальнейшем проверять согласованность оценок экспертов. Однако еще раз отметим, что такого рода ранговость оценки рисунка подходит именно для установления диалектичности мышления ребенка. В целом же “символический” и “диалектический” рисунки — два качественно отличающихся способа успешного выполнения задания.

Были получены данные выполнения методики “Циклы” по 301 дошкольнику. Дети выполнили все три задания. При помощи коэффициента альфа Кронбаха было выявлено, что внутренняя согласованность данных находится на приемлемом уровне (0.696), что является косвенным подтверждением валидности выбранного нами инструмента.

В табл. 4 представлены средние и стандартные отклонения оценок по разным заданиям методики для всей выборки и отдельно для мальчиков и девочек.

Воспользовавшись *t*-критерием для связанных выборок, было установлено, что как в целом по выборке, так и отдельно для мальчиков и отдельно для девочек оценки по второму заданию значимо ниже, чем по первому и третьему ($p < 0.05$).

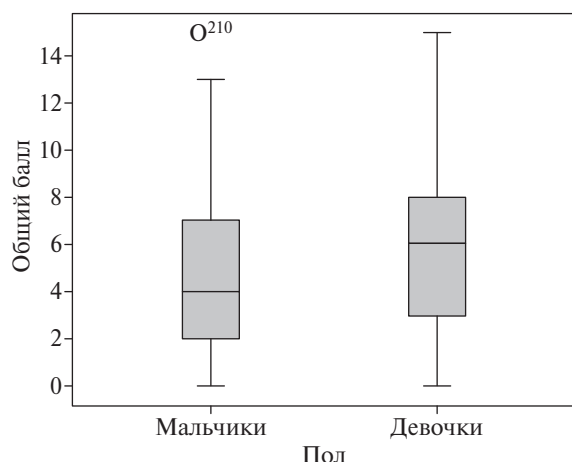

Рис. 9. Диаграмма размаха баллов, набранных в методике “Циклы” мальчиками и девочками

При помощи t -критерия было установлено, что есть значимые различия в успешности выполнения задания между мальчиками и девочками ($t = -2.401$; $p = 0.017$). На рис. 9 представлена соответствующая диаграмма размаха. Девочки справляются с выполнением методики “Циклы” значительно более успешно, чем мальчики.

Полученные данные говорят о том, что более корректно разрабатывать нормы отдельно для девочек и отдельно для мальчиков.

При помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было выявлено, что нет значимых различий в общей оценке по циклам между респондентами из разных возрастных групп ($F = 0.916$; $p = 0.415$). Кроме того, при помощи одномерного дисперсионного анализа было проверено влияние взаимодействия двух факторов (пол и возрастная группа) на общий балл по методике “Циклы”: влияния нет ($F = 0.671$; $p = 0.413$). На рис. 10 представлено графическое изображение результатов проведенного сравнения.

Исходя из полученных данных, можно в дальнейшем при разработке норм для старших дошкольников не рассматривать разные возрастные группы, а остановиться только на получении норм отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. Исходя из общего балла по методике для мальчиков и девочек и меры разброса данных, были выделены низкий, высокий и средний уровни развития диалектических мыслительных действий сериации, превращения и обращения.

Для мальчиков мы можем говорить о том, что способность понимать процессы развития

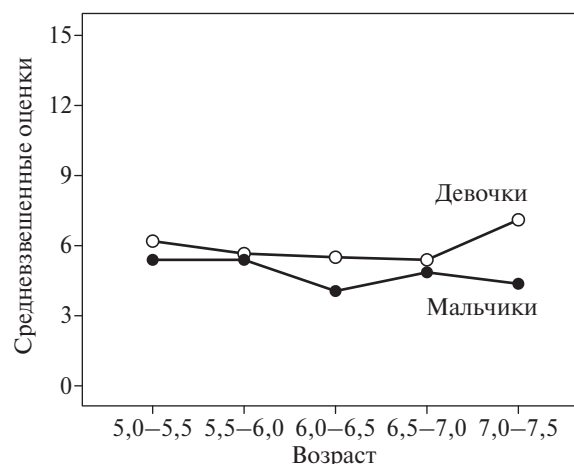

Рис. 10. Графическое представление результатов проведенного сравнения

с помощью диалектических мыслительных действий сериации, превращения и обращения сформирована на низком уровне, если набранный балл не превосходит 1, и на высоком, если этот балл выше 9.

Для девочек мы можем говорить о том, что способность понимать процессы развития с помощью диалектических мыслительных действий сериации, превращения и обращения сформирована на низком уровне, если набранный балл не превосходит 1, и на высоком, если этот балл выше 10.

Среднее значение по общему баллу для мальчиков — 5.05, стандартное отклонение — 3.33. Применение критерия Колмогорова—Смирнова показало, что распределение является нормальным. Воспользовавшись формулой для перевода сырых баллов в стены [17], получим следующую таблицу перевода общего балла по методике “Циклы” в стены для мальчиков (табл. 5).

Среднее значение по общему баллу для девочек — 6.00, стандартное отклонение — 3.52. Применение критерия Колмогорова—Смирнова показало, что распределение является нормальным. Воспользовавшись формулой для перевода сырых баллов в стены, получим следующую таблицу перевода общего балла по методике “Циклы” в стены для девочек (табл. 6).

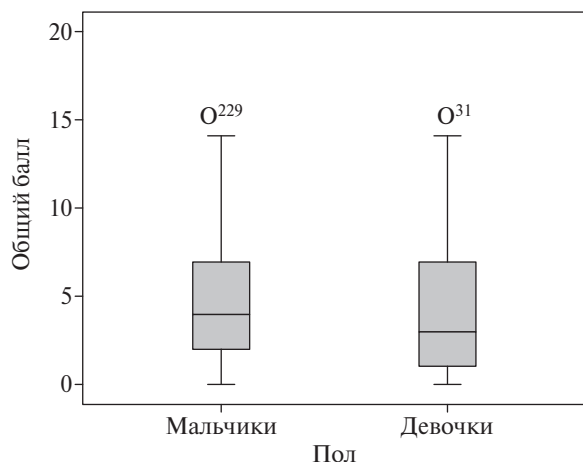
В ходе выполнения методики “Что может быть одновременно?” были получены данные 303 дошкольников. При помощи коэффициента альфа Кронбаха было выявлено, что внутренняя согласованность данных находится на приемлемом

Таблица 5. Перевод сырых общих баллов по циклам в стены для мальчиков

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0	1	2–3	4–5	6	7–8	9–10	11	12–15	

Таблица 6. Перевод сырых общих баллов по циклам в стены для девочек

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0	1	2	3–4	5	6–7	8–9	10–11	12–13	14–15

Рис. 11. Диаграмма размаха баллов, набранных в методике “Что может быть одновременно?” мальчиками и девочками

уровне (0.711), что является косвенным подтверждением валидности инструмента.

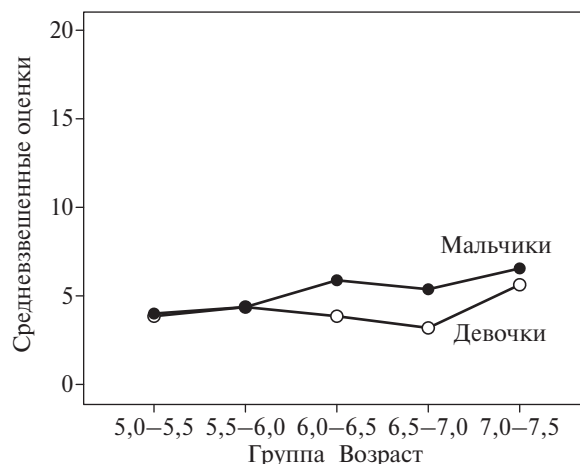
При помощи *t*-критерия было установлено, что есть значимые различия в успешности выполнения задания между мальчиками и девочками ($t = 1.879$; $p = 0.046$). На рис. 11 представлена соответствующая диаграмма размаха. Девочки справляются с выполнением методики “Что может быть одновременно?” значимо менее успешно, чем мальчики. Полученные данные говорят о том, что более корректно разрабатывать нормы отдельно для девочек, отдельно для мальчиков.

При помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было выявлено, что нет значимых различий в общей оценке по методике “Что может быть одновременно?” между респондентами из разных возрастных групп ($F = 1.996$; $p = 0.095$). Кроме того, при помощи одномерного дисперсионного анализа не было выявлено влияния взаимодействия двух факторов (пол и возрастная группа) на общий балл по методике “Что может быть одновременно?” ($F = 1.102$; $p = 0.356$). Графическое изображение результата сравнения приведено на рис. 12.

В табл. 7 приведены средние и стандартные отклонения баллов по выполнению методики “Что

Таблица 7. Средние и стандартные отклонения общего балла по методике “Что может быть одновременно?” в целом по выборке и отдельно для мальчиков и девочек

Задание	Выборка					
	Вся выборка		Мальчики		Девочки	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Общий балл	4.38	3.74	4.75	3.82	3.99	3.62

Рис. 12. Графическое представление результатов сравнения выполнения методики “Что может быть одновременно?” по полу и возрасту

может быть одновременно?” в целом по выборке и отдельно для мальчиков и девочек.

Исходя из общего балла и разброса данных, были выделены низкие, высокие и средние уровни развития способности выполнять диалектическое действие опосредование.

Для мальчиков мы можем говорить о низком уровне развития способности совершать мыслительное действие опосредствование при решении задач на преодоление противоречия, если набранный балл не превосходит 0, и о высоком, если этот балл выше 8.

Для девочек мы можем говорить о низком уровне развития способности совершать мыслительное действие опосредствование при решении задач на преодоление противоречия, если набранный балл не превосходит 0, и о высоком, если этот балл выше 7.

Среднее значение по методике для мальчиков — 4.75, стандартное отклонение — 3.82. Применение критерия Колмогорова—Смирнова показало, что распределение является нормальным. Воспользовавшись формулой для перевода сырых баллов в стены [17], получим следующую таблицу перевода общего балла по методике “Что может быть одновременно?” в стены для мальчиков (табл. 8).

Таблица 8. Перевод сырых общих баллов по методике “Что может быть одновременно” в стены для мальчиков

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0			1–2	3–4	5–6	7–8	9–10	11–13	14–20

Таблица 9. Перевод сырых общих баллов по методике “Что может быть одновременно?” в стены для девочек

1	2		3	4	5	6	7	8	9	10
	0			1–2	3	4–5	6–7	8–9	10–11	12–20

Среднее значение по методике для девочек — 3.99, стандартное отклонение — 3.62. Применение критерия Колмогорова—Смирнова показало, что распределение является нормальным. Воспользовавшись формулой для перевода сырых баллов в стены, получим следующую таблицу перевода общего балла по методике “Что может быть одновременно?” в стены для девочек (табл. 9).

При помощи корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена) было установлено, что общий балл по методике “Циклы” связан прямо с общим баллом по методике “Что может быть одновременно?” (ЧМБО) ($r = 0.198$; $p = 0.001$) и методики “Рисунок необычного дерева” ($r = 0.139$; $p = 0.017$) слабыми, но статистически значимыми связями. Результаты методик “Что может быть одновременно?” и “Рисунок необычного дерева” не связаны ($r = 0.100$; $p = 0.084$). На рис. 13 представлена соответствующая корреляционная плеяда.

При этом были также получены данные о корреляционных связях отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. В выборке мальчиков не было выявлено связей по общим баллам ни по одной методике. В выборке девочек связи были обнаружены: общий балл по методике “Циклы” связан с общим баллом по методике “Что может быть одновременно” ($r = 0.202$; $p < 0.001$) и с общим баллом

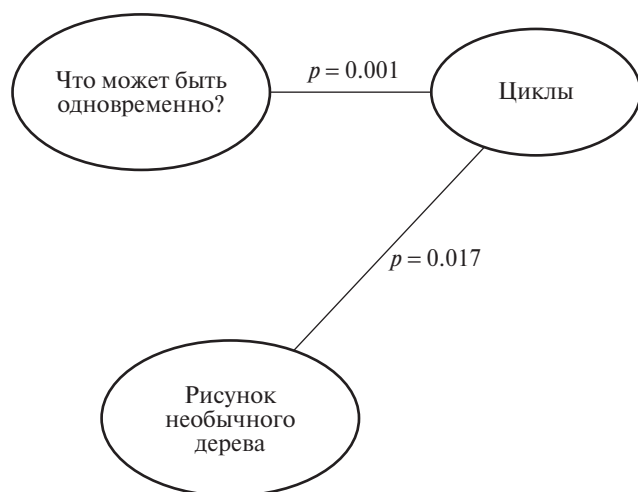
по методике “Необычное дерево” ($r = 0.125$; $p = 0.031$). Полученный результат подтверждают гипотезу о гетерохронности развития диалектического мышления в связи с полом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Один из результатов, представляющих интерес, заключается в выявлении значимых различий между выполнением методики “Рисунок необычного дерева” мальчиками и девочками. Для мальчиков типичными были изображения “нормативного” и “диалектического” дерева, а для девочек характерными оказались “символические” рисунки дерева. Вероятно, эти результаты обусловлены культурными различиями в организации образовательного процесса в детском саду и дома у мальчиков и девочек. На основании полученных данных можно ожидать связи результатов по методикам, оценивающим эмоциональное развитие и диалектичность мышления у девочек.

Представляется важным результат, показывающий существование связи между принадлежностью ребенка к возрастной группе и успешностью выполнения рисунка “необычного” дерева. Оказалось, что дошкольники подготовительной группы по сравнению с детьми старшей группы рисуют необычные деревья более высокого уровня: “символические” или “диалектические”. Вероятно, эти различия обусловлены развитием воображения и диалектического мышления, которые составляют основу творческих способностей дошкольников.

Успешность выполнения методики “Циклы” у девочек выше, чем у мальчиков. Вместе с тем у мальчиков результаты выполнения методики “Что бывает одновременно?” значимо выше, чем у девочек. Этот факт свидетельствует о гетерохронности развития диалектических мыслительных действий. Кроме того, оно говорит о различиях в механизмах построения циклических представлений у мальчиков и девочек. Дело в том, что циклические представления, построенные с помощью диалектических мыслительных действий, характеризуются структурными отношениями, которые свойственны диалектическим преобразованиям. В частности, диалектические трансформации

Рис. 13. Корреляционная плеяда оценок по трем методикам, направленным на диагностику диалектического мышления у детей старшего дошкольного возраста

подчиняются следующему структурному отношению: “Превращение сериации есть обращение” [5, с. 168–169]. Рассмотрим “диалектический” рисунок необычного дерева, т.е. когда ребенок рисует дерево вверх корнями, а кроной вниз. Установим противоположности, присутствующие в этом рисунке. Прежде всего таковыми являются корни и крона. Они (противоположности) присутствуют в образе обычного дерева. Должен ли ребенок отражать их в своем сознании, чтобы выполнить творческий рисунок? Безусловно, так как он должен понимать специфику структуры обычного дерева. Достаточно ли этого для выполнения задания? Нет. Ребенок должен понимать еще и направление роста обычного дерева. Обычное дерево растет вверх. Рост вверх является опосредствованием двух противоположностей — “корни” и “крона”. Таким образом, для обычного дерева характерна следующая структура: у него есть две противоположности (“корни” и “крона”), которые опосредствуются стволом дерева, растущим вверх. Рост “вверх” есть опосредствование двух противоположностей, характерное для обычного дерева. В этом случае необычное дерево выступает как противоположность обычному дереву. Но если главным свойством обычного дерева стал рост “вверх”, то главным свойством необычного дерева должно быть свойство, противоположное этому свойству обычного дерева. В таком случае противоположным становится дерево, растущее “вниз”. Таким образом, рисунок “дерева наоборот”, т.е. перевернутого дерева, предполагает умение не только совершать действие диалектического превращения, но и решать задачи на опосредствование. Другими словами, дошкольники, которые рисуют перевернутое дерево, должны лучше решать задачи на опосредствование, т.е. успешнее преобразовывать противоречие. Как показали результаты используемых нами методик, действительно мальчики лучше решают задачи на опосредствование, чем девочки, и они же чаще выполняют диалектические рисунки дерева. Эти результаты говорят в пользу адекватности применяемых методик.

Обратимся к результатам выполнения методики “Циклы”. На наш взгляд, более успешное выполнение методики “Циклы” девочками сопровождается меньшим пониманием диалектической структуры циклов. Они затрудняются в понимании наличия превращения в цикле. Превращение в цикле совершается дважды: первый раз оно происходит, когда исходное состояние (нижняя часть дерева — корни) преобразуется в противоположное (верхняя часть дерева — крона), а второй раз оно обусловлено изменением направления движения — движение “вверх” превращается в движение “вниз”.

Другими словами, мы можем предположить, что девочки строят циклические представления формально, т.е. они, скорее, запоминают последовательность фрагментов процесса развития, чем разбираются в его структуре. Предположение о такой особенности выполнения методики требует уточнения в результате дальнейших исследований.

Полученные данные о корреляционных связях результатов выполнения диалектических методик для девочек и для мальчиков подтвердили наше предположение о гетерохронности развития способности решать диалектические задачи. При этом у мальчиков она более выраженная, чем у девочек. Примечательно, что мальчики успешнее справлялись с решением двух задач, направленных на использование мыслительных действий превращения и опосредствования. Вероятно, у девочек старшего дошкольного возраста развитие диалектического мышления более гармоничное, при этом начинают преобладать формальные структуры. Это предположение требует дальнейших эмпирических исследований.

ВЫВОДЫ

1. Результаты выполнения методик, направленных на оценку успешности применения диалектических умственных действий, указывают на гетерохронность развития диалектического мышления в старшем дошкольном возрасте.
2. В развитии диалектического мышления с помощью методик “Рисунок необычного дерева”, “Циклы”, “Что бывает одновременно?” были установлены гендерные различия.
3. Полученные данные подтвердили гипотезу о связи результатов по трем методикам, что позволяет говорить об адекватности их использования для исследования диалектического мышления детей дошкольного возраста.
4. В результате комплексного применения методик установлено, что отражение простейших процессов развития может проходить как с пониманием структурных отношений — продуктивно, так и без понимания — механически.
5. Перспективами исследования являются: 1) продолжение изучения диалектического мышления с учетом гендерных и возрастных различий; 2) разработка норм выполнения методик для детей младшего школьного возраста, в том числе составивших выборку данного исследования; 3) исследование диалектического мышления при контроле дополнительных переменных, таких как: невербальный интеллект, эмоциональное развитие, память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баянова Л.Ф.* К постановке проблемы субъекта культуры в психологии // *Филология и культура*. 2012. № 3. С. 294–298.
2. *Белолуцкая А.К.* Подходы к исследованию диалектического мышления // *Психологический журнал*. 2017. № 2. С. 44–54
3. *Белолуцкая А.К.* Развитие диалектической стратегии мыслительного оперирования противоположностями у детей и взрослых // *Педагогический журнал Башкирии*. 2011. № 2. С. 50–58.
4. *Бурменская Г.В.* Л.Ф. Обухова: уроки научные и человеческие: Еще раз к вопросу о стратегиях исследования умственного развития ребенка // *Национальный психологический журнал*. 2019. № 2 (34). С. 10–18.
5. *Веракса Н.Е.* Диалектическое мышление. Уфа: Вагант, 2006.
6. *Веракса Н.Е.* Структура и содержание диалектического мышления // *Интеллектуальное развитие дошкольника: структурно-диалектический подход* / Под ред. И.Б. Шиян. М.: МГПУ, 2009. С. 5–22.
7. *Веракса Н.Е., Зададаев С.А.* Структурно-диалектический метод психологического анализа и его математическая модель. Диалектическое обучение. М.: Эврика, 2005. С. 35–51.
8. *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 4. М., 1984. С. 258.
9. *Давыдов В.В.* Виды обобщений в обучении. М.: Педагогика, 1972.
10. Диалектика и логика. Законы мышления / Под ред. Б.М. Кедрова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 336 с.
11. *Зададаев С.А.* Методы структурной диалектики. М.: Граница, 2012.
12. *Запорожец А.В.* Развитие рассуждения в дошкольном возрасте // *Дошкольное воспитание*. 1947. № 8. С. 28–41.
13. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М.: Наука, 1974
14. *Крашенинников Е.Е.* Творчество и диалектическое мышление // *Современное дошкольное образование*. 2008. № 4. С. 42–49.
15. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат, 1977.
16. *Мальцев В.И.* Диалектический материализм и вопросы логики: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1953.
17. *Митина О.В.* Разработка и адаптация психологических опросников. М., 2013.
18. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007.
19. *Шиян И.Б.* Диалектическое мышление и представление о возможностях ситуации у детей старшего дошкольного возраста // *Филология и культура*. 2013. № 3. С. 329–332.
20. *Шиян О.А.* Особенности освоения студентами диалектических структур в научном содержании // *Казанский педагогический журнал*. 2011. № 5. С. 78–82.
21. *Arlin P.* Dialectical thinking: Further implication for Creative thinking // *Encyclopedia of Creativity* / Eds. A.M. Runko, S.L. Pritzner. Academic Press, 2011. V. 1. P. 383–386.
22. *Basseches M.* Dialectical schemata. A framework for the empirical study of the development of dialectical thinking // *Human Development*. 1980. V. 23. P. 400–421. <https://doi.org/10.1159/000272600>
23. *Bhaskar R., Esbjorn-Hargens S., Hedlund-De Witt N., Hartwig M.* Metatheory for the anthropocene: Emancipatory praxis for planetary flourishing. London, UK: Routledge, 2016.
24. *Goossens F.A., Ijzendoorn M.H.* Een kritische analyse van het wetenschapstheoretische en methodologische werk van Klaus F. Riegel // *Psychologie en Maatschappij*. 1980. V. 12. P. 384–409.
25. *Hoffman W.C.* The Formal Structure of Dialectical Psychology // *Journ. of Mind Theory*. 2012. V. 1. P. 1–27.
26. *Laske O.* Laske's Dialectical Thought form Framework (DTF) as a Tool for Creating Integral Collaborations: Applying Bhaskar's Four Moments of Dialectic to Reshaping Cognitive Development as a Social Practice // *Integral Review*. 2015. V. 11. P. 72–92.
27. *Masalimova A.R., Mikhaylovsky M.N., Grinenko A.V., Smirnova M.E., Andryushchenko L.B., Kochkina M.A., Kochetkov I.G.* The interrelation between cognitive styles and copying strategies among student youth // *Eurasia Journ. of Mathematics, Science and Technology Education*. 2019. V. 15 (4), em1695. <https://doi.org/10.29333/ejmste/103565>
28. *Norenzayan A., Smith E.E., Kim B.J., Nisbett R.E.* Cognitive science 2002. № 26 (5). 653–684.
29. *Peng K., Nisbett R.E.* Dialectical responses to questions on dialectical thinking // *American Psychologist*. 2000. V. 55. P. 1067–1068. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.9.1067>
30. *Piaget J.* Les Formes Elementaires de la Dialectique. P., 1980.
31. *Riegel K.F.* Dialectic operation: the final period of cognitive development // *Human Development*. 1973. V. 16. P. 346–370. <https://doi.org/10.1159/000271287>
32. *Zabelina E.V., Fortunato V.J.* Development of a Russian version of the mindtime profile inventory: the measurement of past, present, and future thinking in a Russian sample // *Psychology in Russia*. 2019. P. 146–164. <https://doi.org/10.11621/pir.2019.0211>

HETEROCHRONICITY OF DIALECTIC THINKING DEVELOPMENT IN PRESCHOOL 5–7-YEARS-OLD CHILDREN²

N. E. Veraksa*, O. V. Almazova**, Z. V. Airapetyan***, K. S. Tarasova****

*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.*

**PhD (Psychology), Professor of Department of Psychology of Education
and Pedagogy of the Faculty of Psychology.*

E-mail: neveraksa@gmail.com

***PhD (Psychology), Associate Professor of Developmental Psychology.*

E-mail: almaz.arg@gmail.com

****Junior Researcher of Department of Psychology of Education
and Pedagogy of the Faculty of Psychology.*

E-mail: zlata.a.v@yandex.ru

*****PhD (Psychology), Scientific Researcher of Department of Psychology of Education
and Pedagogy of the Faculty of Psychology.*

E-mail: christinap@bk

Received 01.07.2020

Abstract. Structural-dialectical psychology is aimed at developing the ability to see the space of possibilities in uncertain situations, overcome contradictions and think creatively through the improvement of dialectical thought processes. The aim of the study was to identify the features of the development of dialectical thinking in children aged 5–7 years. We assumed that there are differences in the success of solving typical dialectical tasks aimed at creating a creative product, overcoming contradictions and understanding development processes. These differences may be related to gender and age of older preschool children. The study used methods for assessing the success of dialectical mental actions. The tool “Drawing an unusual tree” allows you to evaluate the child’s ability to solve a creative problem. The tool “Cycles” evaluates the child’s ability to understand the simplest developmental processes and apply dialectical thinking actions: seriation, transformation, and conversion. The tool “What can be simultaneously?” it is aimed at assessing the ability to overcome contradictions. The solution of this type of problem involves the use of a dialectical mental action of mediation. At the same time, we assumed that the results of all the methods will be positively related to each other and the age of children. The study involved 308 children (156 boys and 154 girls) aged 5 years to 7 years 5 months. During the testing, data were obtained that indicate the adequacy of the use of dialectical methods for the diagnosis of children in older preschool age. At the same time, gender differences were found: girls perform the “Cycles” method more successfully ($t = -2.401$; $p = 0.017$), and boys cope better with the tasks of the “What can be at the same time?” ($t = 1.879$; $p = 0.046$). Standards were developed separately for boys and girls using these methods. Age differences in the implementation of the tool “Drawing an unusual tree” were revealed in children aged 5–6 and 6–7 years ($\chi^2 = 5.860$ at $p = 0.043$, V Cramer’s effect strength is 0.139). The results obtained when performing various methods for assessing the development of dialectical thinking by preschoolers indicate, on the one hand, the heterochronicity of its development, and on the other hand, the relationship between the levels of development of some individual components of this thinking.

Keywords: thinking of preschool children, structural-dialectical approach, dialectical thinking, dialectical thinking actions, dialectical task, contradictions.

REFERENCES

1. Bayanova L.F. K postanovke problemy sub”ekta kul’tury v psikhologii. *Filologiya i kul’tura*. 2012. № 3. P. 294–298. (In Russian)
2. Belolutsкая A.K. Podkhody k issledovaniyu dialekticheskogo myshleniya. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. № 2. P. 44–54. (In Russian)
3. Belolutsкая A.K. Razvitie dialekticheskoi strategii myslitel’nogo operirovaniya protivopolozhnostyami u detei i vzroslykh. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkirii*. 2011. № 2. P. 50–58. (In Russian)
4. Burmenskaya G.V. L.F. Obukhova: uroki nauchnye i che-lovecheskie Eshche raz k voprosu o strategiyakh

² The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) in the framework of the scientific project No. 19-18-00521.

- issledovaniya umstvennogo razvitiya rebenka. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurn.* 2019. № 2 (34). P. 10–18. (In Russian)
5. *Veraksa N.E.* Dialekticheskoe myshlenie. Ufa: Vagant, 2006. (In Russian)
 6. *Veraksa N.E.* Struktura i sodержanie dialekticheskogo myshleniya. *Intellektual'noe razvitie doshkol'nika: strukturno-dialekticheskii podkhod.* Ed. I.B. Shiyan. Moscow: MGPU, 2009. P. 5–22. (In Russian)
 7. *Veraksa N.E., Zadadaev S.A.* Strukturno-dialekticheskii metod psikhologicheskogo analiza i ego matematicheskaya model'. *Dialekticheskoe obuchenie.* Moscow: Evrika, 2005. P. 35–51. (In Russian)
 8. *Vygotskii L.S.* *Sobr. soch.* V. 4. Moscow, 1984. (In Russian)
 9. *Davydov V.V.* *Vidy obobshchenii v obuchenii.* Moscow: Pedagogika, 1972. (In Russian)
 10. *Dialektika i logika. Zakony myshleniya.* Ed. B.M. Kedrov. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. (In Russian)
 11. *Zadadaev S.A.* *Metody strukturnoi dialektiki.* Moscow: Granitsa, 2012. (In Russian)
 12. *Zaporozhec A.B.* Razvitie rassuzhdeniya v doshkol'nom vozraste. *Doshkol'noe vospitanie.* 1947. № 8. P. 28–41. (In Russian)
 13. *Il'nikov E.V.* *Dialekticheskaya logika.* Moscow: Nauka, 1974. (In Russian)
 14. *Krashenninnikov E.E.* *Tvorchestvo i dialekticheskoe myshlenie. Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie.* 2008. № 4. C. 42–49. (In Russian)
 15. *Leont'ev A.N.* *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'.* Moscow: Politizdat, 1977. (In Russian)
 16. *Mal'tsev V.I.* *Dialekticheskii materializm i voprosy logiki: PhD in filos.* Moscow, 1953. (In Russian)
 17. *Mitina O.V.* *Razrabotka i adaptatsiya psikhologicheskikh oprosnikov.* Moscow, 2013. (In Russian)
 18. *Rubinshtein S.L.* *Osnovy obshchei psikhologii.* St. Petersburg: Piter, 2007. (In Russian)
 19. *Shiyan I.B.* Dialekticheskoe myshlenie i predstavlenie o vozmozhnostyakh situatsii u detei starshego doshkol'nogo vozrasta. *Filologiya i kul'tura.* 2013. № 3. P. 329–332. (In Russian)
 20. *Shiyan O.A.* Osobennosti osvoeniya studentami dialekticheskikh struktur v nauchnom sodержanii. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal.* 2011. № 5. P. 78–82. (In Russian)
 21. *Arlin P.* Dialectical thinking: Further implication for Creative thinking. *Encyclopedia of Creativity.* Eds. A.M. Runko, S.L. Pritzner. Academic Press, 2011. V. 1. P. 383–386.
 22. *Basseches M.* Dialectical schemata. A framework for the empirical study of the development of dialectical thinking. *Human Development.* 1980. V. 23. P. 400–421. <https://doi.org/10.1159/000272600>
 23. *Bhaskar R., Esbjorn-Hargens S., Hedlund-De Witt N., Hartwig M.* *Metatheory for the anthropocene: Emancipatory praxis for planetary flourishing.* London, UK: Routledge, 2016.
 24. *Goossens F.A., Ijzendoorn M.H.* Een kritische analyse van het wetenschapstheoretische en methodologische werk van Klaus F. Riegel. *Psychologie en Maatschappij.* 1980. V. 12. P. 384–409.
 25. *Hoffman W.C.* The Formal Structure of Dialectical Psychology. *Journ. of Mind Theory.* 2012. V. 1. P. 1–27.
 26. *Laske O.* Laske's Dialectical Thought Form Framework (DTF) as a Tool for Creating Integral Collaborations: Applying Bhaskar's Four Moments of Dialectic to Reshaping Cognitive Development as a Social Practice. *Integral review.* 2015. V. 11. P. 72–92.
 27. *Masalimova A.R., Mikhaylovsky M.N., Grinenko A.V., Smirnova M.E., Andryushchenko L.B., Kochkina M.A., Kochetkov I.G.* The interrelation between cognitive styles and copying strategies among student youth.. *Eurasia Journ. of Mathematics, Science and Technology Education.* 2019. V. 15 (4). em1695. <https://doi.org/10.29333/ejmste/103565>
 28. *Norenzayan A., Smith E.E., Kim B.J., Nisbett R.E.* Cognitive science. 2002. № 26 (5). P. 653–684.
 29. *Peng K., Nisbett R.E.* Dialectical responses to questions on dialectical thinking. *American Psychologist.* 2000. V. 55. P. 1067–1068. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.9.1067>
 30. *Piaget J.* *Les Formes Elementaires de la Dialectique.* P., 1980.
 31. *Riegel K.F.* Dialectic operation: the final period of cognitive development. *Human Development.* 1973. V. 16. P. 346–370. <https://doi.org/10.1159/000271287>
 32. *Zabelina E.V., Fortunato V.J.* Development of a Russian version of the mindtime profile inventory: the measurement of past, present, and future thinking in a Russian sample. *Psychology in Russia.* 2019. P. 146–164. <https://doi.org/10.11621/pir.2019.0211>

УДК 159.922.736.4

ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИХ БЛАГОПОЛУЧИЯ¹

© 2021 г. И. В. Лето*, С. В. Логинова**

ФГБНУ «Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины»;
630117, г. Новосибирск, ул. Тимакова, д. 4, Россия.

*Младший научный сотрудник.

E-mail: irina.v.letov@gmail.com

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: loginovasvv@gmail.com

Поступила 29.12.2020

Аннотация. Времяпрепровождение детей и подростков является одним из факторов психологического благополучия и здоровья детей, действие которого основано на переживании положительных эмоций и установлении отношений с другими людьми, а также на смягчении стресса и его последствий. В современном мире все большее распространение получают дистанционные формы обучения детей, отмечается значительное разнообразие кружков и секций, сокращение времени, проводимого на свежем воздухе, и стремительный рост времени перед экранами мобильных устройств. Понимание того, как дети проводят свое время и как это связано с их здоровьем и благополучием, является актуальной проблемой современного научного знания, изучение которой дает возможность оценивать качество жизни детей в современном обществе, а также прогнозировать их успешное развитие по мере взросления и вырабатывать рекомендации для родителей и педагогов с целью профилактики и коррекции. Целью исследования выступает обобщение результатов исследований, посвященных изучению структуры и факторов времяпрепровождения детей и подростков как показателя их благополучия. Показано, что занятия детей и подростков в свободное время являются важным фактором благополучного развития. Структура и особенности времяпрепровождения детей различаются в зависимости от социально-демографических характеристик семьи и пола ребенка, а сами досуговые занятия связаны с такими показателями благополучного развития, как эмоциональные и поведенческие проблемы, академические достижения, соматическое здоровье, когнитивные способности, удовлетворенность жизнью и самооценка. Однако природа выявленных закономерностей и причинно-следственные связи все еще изучены недостаточно. Также открытым остается вопрос о роли индивидуально-психологических особенностей детей во взаимосвязи времяпрепровождения с показателями благополучного развития.

Ключевые слова: времяпрепровождение, дети, подростки, семья, благополучие детей, здоровье детей, досуг.

DOI: 10.31857/S020595920016034-3

В последние годы исследователи все больше признают важность изучения множества социальных сред, в которых растут и проводят время дети и подростки, отмечая их влияние на благополучное развитие [12; 20; 26]. На сегодняшний день в мировой литературе достаточно хорошо изучены такие факторы благополучия детей, как индивидуальные особенности ребенка, характеристики ближайшего семейного окружения, в особенности отношения с родителями, характеристики домашней среды, опыт жизни в детском саду и школе [3; 7; 37; 42],

однако в последнее время все больше осознается важность изучения еще одного контекста жизни детей и подростков — их занятий в свободное время [20]. Российские исследования малочисленны, носят фрагментарный характер и не раскрывают в полной мере структуры занятий детей и их связи с благополучным развитием; в целом имеющейся русскоязычной литературы недостаточно для всестороннего изучения проблемы времяпрепровождения детей и подростков. Имеются социологические исследования о структуре досуга [1; 2], в том числе внутрисемейного [4; 9], есть данные о взаимосвязи внутрисемейных занятий с удовлетворенностью

¹ Работа частично поддержана грантом РНФ № 21-15-0003.

жизнью детей [6], но не изучены связи с показателями психического здоровья и благополучия.

Под досугом подразумевают добровольную деятельность, как активную, так и пассивную, которой занимаются в свободное от работы или обучения время для развлечения, восстановления физических и психических сил, развития, творчества и самосовершенствования [5; 9; 24]. В данной работе понятия “досуг” и “времяпрепровождение” будут использоваться как синонимичные. Досуг предполагает свободно выбранные занятия исходя из индивидуальных интересов [24], однако детские занятия часто выбирают родители, что является значимой отличительной особенностью времяпрепровождения детей в отличие от взрослых [26]. Досуг, включая его социальные аспекты, такие как дружба, играет важную роль с точки зрения чувства собственного достоинства детей [23], вносит прямой вклад в психологическое благополучие и здоровье, основанный на переживании положительных эмоций и установлении отношений с другими людьми, а также смягчает стресс и его последствия [22].

Исследователи из европейских и североамериканских стран активно изучают времяпрепровождение детей и предлагают различные классификации занятий в свободное время [24–26], исследуют взаимосвязи времяпрепровождения с такими важными результирующими показателями, как психическое здоровье [17; 19; 20; 25; 32; 40; 43], адаптивные способности [25], соматическое здоровье [39], когнитивные способности [18], академическая успеваемость [25; 32], субъективное благополучие [6; 26]. Открытым остается вопрос, имеется ли прямая связь между временем организованной досуговой активности и благополучием ребенка или наилучшим вариантом является средний уровень занятости ребенка [23]; данный вопрос приобретает особую остроту в связи с тем, что вид и насыщенность досуговых занятий детей во многом определяются их родителями, что влечет за собой некоторые отличительные особенности. Исследователи также изучают факторы, влияющие на различия в занятиях детей: пол ребенка, уровень образования и профессиональный статус родителей, тип семьи, социально-экономический статус семьи и уровень дохода, полная или частичная занятость матери, культурная принадлежность, тип населенного пункта и развитость социально-культурной инфраструктуры места проживания [9; 13; 21; 25].

Краткий обзор мирового опыта в изучении данной предметной области показывает, что изучение особенностей времяпрепровождения детей как

показателя их благополучия и качества жизни в современном мире является одной из актуальных научных задач. Распространение дистанционных форм обучения детей, большое разнообразие кружков и секций, сокращение времени, проводимого на свежем воздухе, стремительно растущее количество времени перед экранами мобильных устройств — это лишь некоторые особенности современного образа жизни детей [10; 34]. Понимание того, как дети проводят свое время и как это связано с их здоровьем и благополучием, дает возможность оценивать качество жизни и положение детей в современном обществе, а также прогнозировать их успешное развитие по мере взросления и вырабатывать рекомендации для родителей и педагогов с целью профилактики и коррекции. Проблема исследования заключается в существовании противоречия между общепризнанностью важности изучения досуга детей и подростков как показателя их благополучия, с одной стороны, и недостаточным изучением мирового опыта исследования данной предметной области и существующих в ней наработок, с другой. Для решения этой проблемы необходимо глубоко изучить и систематизировать имеющиеся на данный момент знания о структуре и факторах времяпрепровождения детей и подростков и о взаимосвязях с важнейшими показателями благополучного развития. Цель настоящей статьи — изучить и обобщить научную литературу по вопросу времяпрепровождения детей и подростков, а именно проанализировать структуру занятий в свободное время, оценить взаимосвязи времяпрепровождения детей с их благополучием, выявить основные тенденции в изучении данного феномена, а также наметить наиболее перспективные направления исследований в этой области.

КЛАССИФИКАЦИИ ДОСУГОВЫХ ЗАНЯТИЙ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Многое из того, что в настоящее время известно о характере участия детей в структурированном и неструктурированном досуге, появилось из литературы, посвященной тому, как дети распределяют свое время между различными видами деятельности. Данные собирают несколькими способами: путем опроса детей по телефону, сбора данных от родителей, привлечения детей к заполнению дневников занятий в течение дня или используя методологию выборки опыта (ESM), когда дети записывают свои занятия через случайные промежутки времени во время подачи звукового сигнала электронным устройством — телефоном или пейджером

[30]. Как правило, исследователи пытаются подробно описать время, которое дети проводят, занимаясь различными видами деятельности, или выявить демографические различия во времени, затрачиваемом на разные виды занятий.

Одна из наиболее распространенных и общепризнанных классификаций типов занятий в свободное время — структурированные и неструктурированные занятия [19; 20; 29–31]. Структурированные занятия организованы взрослыми вокруг определенных социальных или поведенческих целей. Например, участие детей в спортивных секциях, различных творческих кружках (уроки музыки, рисования, лепки и тому подобное), клубах или иных организациях по интересам. Неструктурированные занятия возникают в жизни детей спонтанно и могут включать время, потраченное на общение с друзьями или сиблингами, чтение или прослушивание музыки в одиночестве, участие в спонтанных играх, просмотр социальных сетей или игры на планшете/телефоне.

По некоторым данным, структурированный досуг среди девочек максимально выражен в среднем детстве, а у мальчиков участие в структурированных формах досуга в выходные дни преобладает в среднем периоде детства, в то время как пик структурированного времяпрепровождения в будние дни отмечается в раннем подростковом возрасте [31]. Что касается неструктурированных форм досуга, то в дошкольном и младшем школьном возрасте от 1,5 до 3,0 часов в день дети заняты свободными играми, которые к подростковому возрасту постепенно заменяются разговорами, прежде всего со сверстниками [29]. Исследование шведских ученых показало, что для детей школьного возраста наиболее благоприятным для здоровья и благополучия является средний уровень участия в структурированных досуговых занятиях, в то время как дети из группы низкого и высокого уровня участия в структурированных занятиях имеют более низкие оценки по шкале удовлетворенности жизнью, меньше друзей и чувствуют больше давления в школе [23]. Другое исследование американских подростков показало, что по мере того, как учащиеся увеличивают количество часов и занятий, в которых они участвуют, происходит усиление тревоги и беспокойства, которые в течение длительного периода времени могут привести к ухудшению самочувствия, напротив, у подростков, которые участвовали в умеренном количестве структурированных занятий, отмечалось наименьшее количество жалоб на физическое и психологическое состояние [33].

Некоторые исследователи разделяют досуговые занятия на активные (физические упражнения и занятия спортом) и пассивные (просмотр телевизора, чтение в одиночку, использование компьютера, игры на телефоне или планшете), при этом предполагается, что активные формы досуга способствуют развитию детей больше, чем пассивные [25; 26]. Так, было показано, что физические упражнения связаны с субъективным благополучием у детей, чувством собственного достоинства и самоуважением [26; 35], а малоподвижное поведение отрицательно коррелирует с благополучием подростков [44]. Интересно, что участие родителей в спортивных мероприятиях детей также положительно коррелировало с благополучием: предполагается, что родительская поддержка и качественное участие родителей в спортивных мероприятиях детей могут повысить их внутреннюю мотивацию и удовольствие [26].

Исследователи отмечают, что повседневная жизнь детей за последние несколько десятилетий стала менее активной, дети стали больше времени проводить дома за пассивными занятиями и с использованием экранных устройств и меньше — за структурированными творческими занятиями в различных секциях [10]. Британское исследование времяпрепровождения детей показало, что в период с 1975 по 2015 г. дети увеличили время, проводимое дома, и стали проводить больше времени за экранами мобильных устройств и за выполнением домашних заданий [34]. Данный феномен связывают со стремительным распространением мобильных технических устройств и сети Интернет, а также с родительской тревогой за безопасность детей: опасения родителей по поводу безопасности детей за пределами дома приводят к ограничениям на независимую мобильность детей [41].

Занятия детей в свободное время также разделяют на внутрисемейные — все то, что дети делают совместно с родителями или другими основными воспитателями (игры, общение, обучение, прогулки, совместная деятельность по дому, подготовка к урокам, проверка домашних заданий, просмотр телевизора и т.д.), и внесемейные — все то, что дети делают без участия родителей или других членов семьи [8; 9; 17; 21]. Структура времяпровождения ребенка с семьей, а также количество времени, которое родители проводят с детьми в непосредственном взаимодействии, обусловлены культурными особенностями и обычаями разных стран: кросскультурное исследование показало, что по сравнению с испанскими детьми 10–17 лет финские дети проводят на 153 минуты в день меньше

с родителями, на 128 больше с “другими” и на 54 минуты в день больше в одиночестве, а английские дети и подростки находятся между финскими и испанскими по времени, которое они проводят с родителями и с “другими” людьми [21]. Кроме того, по результатам этого исследования в индивидуалистически ориентированных странах Финляндии и Великобритании дети и подростки чаще всего проводят время у экрана мобильных устройств, а в ориентированной на семью Испании дети больше времени проводят с родителями за совместным приемом пищи [21].

Исследователи из России отдельно изучают уличный досуг и его роль в социализации детей и подростков в разных поколениях [1]. Выделено пять основных категорий уличного досуга: игры (с правилами, спортивные, сюжетно-ролевые и др.); исследование окружающей среды (эксперименты, поиски, собирательство, конструирование и т.п.); риск (разнообразные рискованные эпизоды); общение со сверстниками; культурно-опосредованная активность (посещение музеев, катков и др.). Сделаны выводы о том, что современные дети позже осваивают уличное пространство, места прогулок существенно контролируются родителями, а структура уличного времяпрепровождения изменилась с более активной на пассивную (преобладают разговоры и общение), также заметно увеличение доли времени, проводимого за посещением таких культурных объектов, как парки, музеи, катки, кафе и т.п. [1].

ВЗАИМОСВЯЗИ ДОСУГОВЫХ ЗАНЯТИЙ С БЛАГОПОЛУЧНЫМ РАЗВИТИЕМ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Один из наиболее изученных видов занятий детей — организованные спортивные секции и мероприятия, однако полученные результаты довольно противоречивы. Одно американское исследование показало, что подростки, которые занимаются спортом, обычно лучше учатся в школе, но имеют повышенную вероятность употребления алкоголя, чем их одноклассники, которые не участвуют в таких занятиях [19]. Однако несколькими годами позже на другой выборке подростков связь занятий спортом с успеваемостью и проблемами экстерналистического спектра не была выявлена, зато обнаружена прямая связь с уровнем психологической зрелости и социальной компетентности по оценкам учителей [20]. Исследования также показывают, что занятия спортом связаны с более низким уровнем депрессивной симптоматики и эмоциональных проблем [25; 32]. Одно из возможных объяснений

данных взаимосвязей — развитие в процессе занятий спортом социальных и физических навыков, которые могут способствовать лучшей эмоциональной адаптации; кроме того, дети с недостатком физических и социальных навыков могут не участвовать в спортивных мероприятиях, что отчасти может объяснять выявленные закономерности [25].

Также были выявлены взаимосвязи занятий спортом с уровнем субъективного благополучия и более высокой самооценкой у детей младшего школьного возраста и подростков; участие родителей в спортивных мероприятиях детей и родительская поддержка положительно коррелировали с благополучием [26]. Авторы данного исследования приходят к выводу о том, что данные взаимосвязи обеспечивались за счет того, насколько успешными дети ощущали себя в спортивных занятиях и насколько важными считали их для себя [26].

Помимо организованных занятий спортом уровень физической активности в течение дня также связан с показателями благополучия: исследование детей 9–11 лет показало, что те дети, у которых в среднем накапливалось 12 000 шагов за день, имели более высокие показатели самооценки и низкие показатели депрессивной и тревожной симптоматики, чем дети, у которых было менее 9 200 шагов в день [35]. Однако исследователи справедливо отмечают, что на основе этих данных нельзя сделать выводы о причинной связи между активностью и каждой из переменных благополучия и вполне возможно, что дети с более высоким уровнем тревожности и депрессивных переживаний будут менее физически активны, чем их сверстники с меньшим уровнем выраженности подобной симптоматики. Пролить свет на природу изучаемого явления могут лонгитюдные исследования, и одно из них — исследование двух когорт детей, рожденных в Великобритании в 1958 и 1970 гг., показало, что занятия спортом и иная физическая активность за пределами дома у 16-летних подростков предсказывают уровень психологического благополучия 15 лет спустя; интересно, что эта связь была сильнее, чем связь между физической активностью и соматическим здоровьем [39].

Исследования показывают, что участие в организованном досуге в целом имеет положительное значение для благополучия детей и подростков: оно связано с более высокими академическими достижениями [20; 25]; с более высокой самооценкой, чувством контроля над своей жизнью, а также стремлениями к получению высшего образования [30]; с уровнем когнитивного развития, и отрицательно с уровнем проблем эмоционального

и поведенческого характера [25]. При этом подчеркивается, что наиболее благоприятным для здоровья и благополучия является средний уровень участия в структурированных досуговых занятиях, в то время как при интенсивном или слабом участии в структурированных занятиях дети испытывают больше тревоги и беспокойства, меньше удовлетворены своей жизнью, имеют меньше друзей [33].

Теории объясняют связь между структурированным досугом и благополучием несколькими факторами, в том числе тем, что досуг смягчает последствия негативных событий, действуя как защитный фактор за счет обеспечения социальной поддержки, чувства компетентности и смысла, расслабления и отвлечения [16; 30]. Предполагается, что участие в структурированных занятиях приносит пользу детям и подросткам по трем направлениям: предотвращая потенциальное вовлечение в рискованные или антиобщественные действия, обучая детей и подростков положительным навыкам и компетенциям, а также путем установления контактов детей с поддерживающими взрослыми и сверстниками, что, как следствие, стимулирует развитие социальной и поведенческой компетентности. Австралийские исследователи Ji-Sook Han и Ian Patterson [22] представили модель, основанную на нескольких исследованиях структурированного досуга, предполагающую, что досуг улучшает здоровье и благополучие людей, во-первых, за счет прямого вклада в психологическое благополучие и здоровье, основанного на переживании положительных эмоций, установлении отношений с другими людьми и укреплении иммунной системы, а во-вторых, за счет смягчения стресса и его последствий.

Неструктурированные и пассивные виды занятий имеют разное значение для благополучного развития в зависимости от конкретного вида времяпрепровождения. Чтение для удовольствия, также как и различные хобби, связаны с академической успеваемостью [32], однако чтение было связано с большим уровнем депрессивной симптоматики [25]; вероятно, эта взаимосвязь обусловлена индивидуальными особенностями ребенка. Время, проведенное семьей за едой, и время сна связаны с меньшим количеством проблем с поведением, а обучение в свободное время может быть как результатом трудностей в школе, так и мотивацией преуспеть [25]. В целом исследователи приходят к выводу, что пассивные формы досуга слабо отрицательно связаны с показателями благополучия либо не обнаруживают связей вообще [25; 26].

Такие виды пассивного досуга, как просмотр телевизора и игры на приставке или телефоне,

отрицательно коррелируют с показателями благополучия [26], связаны с учащением ночных кошмаров у детей [45], меньшим количеством времени, проведенным за общением с членами семьи [28], а игры с компонентами насилия и жестокости увеличивают агрессивное поведение детей [15]. Более детализированное американское исследование времени, проведенного за экранами технических устройств (телефона, компьютера, планшета, игровой приставки, телевизора), охватившее 40 337 детей в возрасте от 2 до 17 лет, показало, что использование в день более одного часа экранного времени было связано с более низким психологическим благополучием, включая меньшее любопытство, меньший самоконтроль, большую отвлекаемость, трудности в поиске друзей, меньшую эмоциональную стабильность и неспособность завершить задачи [43]. У тех, кто более 7 часов в день пользуется экранами, было в два раза больше шансов получить диагноз депрессии, либо такие дети уже имели в анамнезе диагноз тревожного расстройства, проходили лечение у специалиста по психическому здоровью; умеренное же использование экранов (4 часа в день) также было связано с более низким психологическим благополучием [43]. Лонгитюдное исследование, проведенное среди датских подростков, предоставило более детальные данные о взаимосвязи между использованием цифровых технологий и депрессией: у подростков, которые мало удовлетворены своими дружескими отношениями, использование Интернета в целях общения приводило к уменьшению депрессивной симптоматики, тогда как использование Интернета в некоммуникационных целях предсказывало усиление депрессии и социальной тревожности, при этом у детей со средним и высоким уровнем удовлетворенности дружескими отношениями не было никакой связи между временем, проведенным в Интернете, и эмоциональными проблемами [40]. Эксперимент, проведенный с 11 детьми школьного возраста, которые подверглись добровольному чрезмерному потреблению телевидения и компьютерных игр в течение дня с предварительным и последующим полисомнографическим изучением сна и тестов на когнитивные способности, показал, что компьютерные игры привели к значительному снижению количества медленноволнового сна, задержке начала сна, а также к значительному снижению производительности вербальной памяти; просмотр телевизора значительно снизил эффективность сна, но не повлиял на режим сна [18].

Совместное времяпрепровождение родителей с детьми также связано с показателями благополучия: исследователи из США получили данные о том, что внутрисемейные досуговые занятия

родителей с ребенком, в частности игры с родителями и активность на свежем воздухе, отрицательно связаны с уровнем социального стресса, тревогой, чувством неполноценности и депрессией и положительно — с уверенностью в себе, самооценкой, отношениями с родителями и сверстниками [17]. Российское исследование удовлетворенности жизнью детей от 6 до 12 лет выявило взаимосвязи совместных занятий родителей с детьми в общественных местах (посещение кинотеатров, совместные прогулки, поездки за город, в гости и в отпуск) с уровнем субъективного благополучия детей; более того, семейное времяпровождение оказалось единственным предиктором удовлетворенности жизнью ребенка при учете всех социально-демографических и семейных характеристик [6]. Есть также данные о том, что время, проведенное в семейных делах, связано с меньшим количеством проблемного поведения [25].

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТРУКТУРУ И ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Время, затрачиваемое на различные виды досуга, несколько различается в зависимости от социально-демографических характеристик семьи, таких как социальный статус и состав семьи, место проживания, рабочая занятость матери. Например, дети тратят больше времени на чтение книг и обучение и меньше на просмотр телевизора, когда родители более образованы, а матери работают неполный рабочий день [11; 14; 25], кроме того, образование родителей, как правило, связано с большим количеством времени, затрачиваемым на образовательную деятельность ребенка [21]. В семьях с работающей матерью дети проводят больше времени в детских садах, в результате они тратят меньше времени на игры, чтение, структурированные занятия, внутрисемейный досуг, еду и сон [21; 25] и больше времени на просмотр телевизора [11].

Структура времяпровождения детей различается в зависимости от типа и состава семьи: дети из семей с одинокой матерью меньше времени уделяют образовательной деятельности, например чтению, больше времени проводят в структурированных видах спорта, в то время как дети из больших семей больше времени проводят за играми и спортом и меньше — в гостях, чем дети из неполных семей [25]. Российские исследователи показали, что в полных семьях наиболее распространены активные формы внутрисемейного досуга (например,

развивающие игры), а в неполных семьях и у респондентов, проживающих в сельской местности, преобладает пассивная форма времяпровождения (просмотр телевизора), проверка школьных уроков и совместные домашние дела [9].

Пол ребенка является одним из наиболее существенных факторов, систематически воспроизводимых в разных исследованиях по всему миру: мальчики чаще, чем девочки, участвуют в спорте, играх вне дома/на открытом воздухе и чаще проводят время перед телевизором и другими экранными устройствами, в то время как девочки чаще, чем мальчики, проводят время за выполнением домашних заданий и другими видами обучения, чтением, хобби и общением как дома, так и в других местах [10; 14; 31; 34; 38]. Кроме того, согласно результатам международного исследования благополучия детей (ISCWeB), проведенного в 12 развитых и развивающихся странах на основе данных самоотчетов детей от 8 до 12 лет, девочки во всех странах больше заняты ежедневной работой по дому, чем мальчики [13]. Данные сравнительного исследования особенностей времяпровождения детей 12 лет в 16 странах показали, что во всех странах девочки проводят больше времени за работами по дому, школьными домашними заданиями и чтением, а мальчики больше времени проводят за спортом и за компьютером [38].

Социально-экономический статус семьи и уровень дохода также влияют на структуру времяпровождения детей: американское исследование детей от 0 до 12 лет по данным родителей показало, что семейный доход был существенно связан только со временем, в течение которого дети смотрели телевизор (отрицательно) и временем, проведенным за едой (положительно) [25]; более раннее исследование детей от 3 до 11 лет не выявило значимых различий в особенностях времяпровождения в зависимости от уровня дохода семьи [11], а недавнее исследование показало, что социально-экономический статус семьи отрицательно связан с временем, которое дети проводят за экранными устройствами, и положительно — с такими структурированными занятиями, как участие в хоре, музыкальном оркестре, танцевальных кружках [10].

На досуг детей оказывают влияние тип населенного пункта и развитость социально-культурной инфраструктуры места проживания: социологическое исследование, проведенное в республике Саха (Якутия), показало, что городские дети больше играют на электронных устройствах (компьютер, планшет, мобильный телефон и пр.), а сельские — смотрят телевизор, что обусловлено различными техническими возможностями городских

и сельских поселений, имущественной обеспеченностью и материальным состоянием жителей городов и сел [9]. Кроме того, у детей, проживающих в городах, отмечается большее разнообразие в видах проведения досугового времени, что определяется развитостью инфраструктуры поселения и наличием культурно-досуговых учреждений, а у детей из сельской местности в большей степени представлены совместные с родителями дела по дому.

ОГРАНИЧЕНИЯ В СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДАННОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

Большинство исследований структуры времяпрепровождения детей и подростков носят корреляционный характер, данные получены методом поперечного среза, что накладывает существенные ограничения в интерпретации результатов и не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях. Например, нельзя сказать, влияют ли занятия детей в свободное время на их успеваемость, самооценку, удовлетворенность жизнью, адаптивные способности или другие показатели благополучного развития, или дети с изначально высоким уровнем благополучия выбирают для себя соответствующие занятия. Также и с широко распространенными данными о связи депрессии с интенсивным использованием мобильных устройств и сети Интернет; повышенный уровень депрессивной симптоматики может быть и причиной, и следствием интенсивного использования мобильных устройств, оба варианта объяснения могут быть правдоподобными: подросток может чувствовать себя более подавленным, проводя много времени в сети, или подросток с депрессивными переживаниями проводит много времени с мобильными устройствами, чтобы справиться с этими чувствами [27]. Лонгитюдные исследования проводились, и некоторые данные получены, но их все еще недостаточно для того, чтобы понять природу выявленных в срезовых исследованиях взаимосвязей, а также изучить, сохраняются ли эффекты с течением времени.

Помимо этого, остается открытым вопрос о роли индивидуально-психологических особенностей детей и подростков во взаимосвязи времяпрепровождения с показателями благополучного развития. Некоторые исследования показывают, что посещение подростками молодежных центров частично объясняется их личностными характеристиками и отношениями с родителями [36], а, кроме того, одни и те же занятия могут иметь разный эффект

на детей в зависимости от особенностей их темперамента и личности. Без учета таких индивидуальных особенностей исследования могут переоценивать роль времяпрепровождения детей в их жизни, кроме того, выявленные взаимосвязи могут быть обусловлены третьими переменными (например, индивидуальными характеристиками детей или особенностями внутрисемейных отношений) и становиться недостоверными при их учете.

И последнее: особую актуальность в последние годы приобретают кросскультурные исследования особенностей времяпрепровождения детей и подростков [13; 21; 38; 41]. На данный момент более широко изучены особенности занятий в свободное время среди взрослых людей разных культур, сравнительные данные о досуге детей и подростков в разных странах по-прежнему являются уникальными и широко востребованными [21], поскольку сравнение двух или более культур позволяет понять, являются ли выявленные в предшествующих исследованиях закономерности универсальными или обусловлены культурными, экономическими и иными особенностями популяции.

ВЫВОДЫ

1. Анализ литературы показал, что наибольшее распространение получило разделение типов занятий детей в свободное время на структурированные и неструктурированные, а также на пассивные и активные.

2. В последние десятилетия произошли серьезные изменения в повседневной жизни детей: они больше времени проводят дома за пассивными занятиями, играми на мобильных устройствах, выполнением домашних заданий и меньше — за творческими занятиями в различных секциях, в играх на свежем воздухе, кроме того, все большее распространение получают дистанционные формы обучения и досуга.

3. Занятия в свободное время связаны с множеством показателей благополучия и качества жизни детей и подростков: выраженностью эмоциональных и поведенческих проблем, академическими достижениями, соматическим здоровьем, когнитивными способностями, качеством социальных отношений, удовлетворенностью жизнью и самооценкой.

4. Несмотря на то что под досугом обычно подразумеваются занятия, выбранные свободно, исходя из собственных интересов, детские занятия часто выбирают родители, что является значимой

отличительной особенностью времяпрепровождения детей в отличие от взрослых.

5. Структура и особенности времяпрепровождения детей и подростков различаются в зависимости от таких факторов, как социально-экономический статус семьи, место проживания, состав семьи, уровень дохода, рабочая занятость матери, образование родителей, пол ребенка.

6. Понимание того, как дети проводят свое время и как это связано с их здоровьем и благополучием, дает возможность оценивать качество жизни и положение детей в современном обществе, а также прогнозировать их успешное развитие по мере взросления. Изучение роли отдельных занятий в благополучном развитии детей может лечь в основу успешных программ профилактики и коррекции, направленных на работу с семьями и детьми из группы риска, а также поможет педагогам, воспитателям и психологам выработать рекомендации для родителей детей и подростков, основанные на научном знании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочавер А.А., Корзун А.Н., Поливанова К.Н. Уличный досуг детей и подростков // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 3. С. 470–490.
2. Вишнякова А.А. Свободное время молодежи крупного города и основные формы его использования в современных условиях: Дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2014. 160 с.
3. Гудман Р., Скотт С. Детская психиатрия: практическое руководство. М.: ТриадаХ, 2008. 349 с.
4. Кудренко Т.В. Социально-культурные особенности формирования ценностных приоритетов семейного досуга // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 11. № 151. С. 73–78.
5. Лаврецова С.В. Социально-культурная деятельность как средство оптимизации семейного досуга: Дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2007. 230 с.
6. Лето И.В., Варшал А.В., Петренко Е.Н., Слободская Е.Р. Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста: значение семейных факторов // Психологический журн. 2019. Т. 40. № 6. С. 18–30.
7. Логинова С.В. Взаимодействие индивидуально-психологических и семейных факторов психологического благополучия детей дошкольного возраста: Дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2018. 153 с.
8. Мамченко Т.В. Семейный досуг как средство укрепления внутрисемейных отношений // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 1. С. 246–250.
9. Федотова Н.Д. Современное состояние проблем детства в республике Саха (Якутия): к вопросу о досуге детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 11.
10. Auhuber L., Vogel M., Grafe N., Kiess W., Poulain T. Leisure activities of healthy children and adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. V. 16. № 12. P. 2078.
11. Bianchi S.M., Robinson J. What did you do today? Children's use of time, family composition, and the acquisition of social capital // Journ. of Marriage and the Family. 1997. V. 59. № 2. P. 332–344.
12. Bronfenbrenner U., Morris P. The ecology of developmental processes. In: Damon W., Lerner R. (eds). Handbook of Child Psychology: Theoretical Models of Human Development. 5th ed. N.Y.: John Wiley, 1998. P. 993–1028.
13. Bruckauf Z., Rees G. Children's participation in housework: Is there a case of gender stereotyping. Evidence from the International Survey of Children's Well-Being (ISCWeB). Florence, Italy: UNICEF Office of Research Innocenti Research Brief, 2017. 3 p.
14. Busetta G., Campolo M.G., Di Pino A. Children's use of time and well-being in Italy Child Indicators Research. 2019. V. 12. № 3. P. 821–845.
15. Bushman B.J., Anderson C.A. Media violence and the American public: Scientific facts versus media misinformation // American Psychologist. 2001. V. 56. № 6–7. P. 477–489.
16. Caldwell L.L. Leisure and health: Why is leisure therapeutic? // British Journ. of Guidance and Counselling. 2005. V. 33. № 1. P. 7–26.
17. Coyle-Shepherd D.D., Hanlon C. Family play and leisure activities: correlates of parents' and children's socio-emotional well-being // International Journ. of Play. 2013. V. 2. № 3. P. 254–272.
18. Dworak M., Schierl T., Bruns T., Strüder H.K. Impact of singular excessive computer game and television exposure on sleep patterns and memory performance of school-aged children // Pediatrics. 2007. V. 120. № 5. P. 978–985.
19. Eccles J.S., Barber B.L. Student council, volunteering, basketball, or marching band: What kind of extracurricular involvement matters? // Journal of Adolescent Research. 1999. V. 14. № 1. P. 10–43.
20. Fletcher A.C., Nickerson P., Wright K.L. Structured leisure activities in middle childhood: Links to well-being // Journ. of Community Psychology. 2003. V. 31. № 6. P. 641–659.
21. Gracia P., Garcia-Roman J., Oinas T., Anttila T. Child and Adolescent Time Use: A Cross-National Study // Journ. of Marriage and Family. 2020. V. 82. № 4. P. 1304–1325.
22. Han J.S., Patterson I. An analysis of the influence that leisure experiences have on a person's mood state, health

- and wellbeing // *Annals of Leisure Research*. 2007. V. 10. № 3–4. P. 328–351.
23. *Hertting K., Kostenius C.* Organized leisure activities and well-being: children getting it just right! // *Larnet: Cyber Journ. of Applied Leisure and Recreational Research*. 2012. V. 15. № 2. P. 13–28.
 24. *Hills P., Argyle M.* Positive moods derived from leisure and their relationship to happiness and personality // *Personality and individual differences*. 1998. V. 25. № 3. P. 523–535.
 25. *Hofferth S.L., Sandberg J.F.* How American children spend their time // *Journ. of Marriage and Family*. 2001. V. 63. № 2. P. 295–308.
 26. *Holder M. D., Coleman B., Sehn Z.L.* The contribution of active and passive leisure to children's well-being // *Journ. of health psychology*. 2009. V. 14. № 3. P. 378–386.
 27. *Kardefelt-Winther D.* How Does the Time Children Spend Using Digital Technology Impact Their Mental Well-being, Social Relationships and Physical Activity?: An Evidence-Focused Literature Review. Florence, Italy: UNICEF Office of Research-Innocenti, 2017. 35 p.
 28. *Kayany J.M., Yelsma P.* Displacement effects of online media in the socio-technical contexts of households // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2000. V. 44. № 2. P. 215–229.
 29. *Larson R.W.* How US children and adolescents spend time: What it does (and doesn't) tell us about their development // *Current Directions in Psychological Science*. 2001. V. 10. № 5. P. 160–164.
 30. *Larson R.W.* Toward a psychology of positive youth development // *American psychologist*. 2000. V. 55. № 1. P. 170–183.
 31. *Mauldin T., Meeks C.B.* Sex differences in children's time use // *Sex roles*. 1990. V. 22. № 9–10. P. 537–554.
 32. *McHale S., Crouter A.C.* The social contexts of activities in preadolescence: Links with psychosocial adjustment. Paper presented at the Society for Research on Adolescence, Chicago, IL, 2000.
 33. *Melman S., Little S.G., Akin-Little K.A.* Adolescent overscheduling: The relationship between levels of participation in scheduled activities and self-reported clinical symptomology // *The High School Journal*. 2007. V. 90. № 3. P. 18–30.
 34. *Mullan K.* A child's day: trends in time use in the UK from 1975 to 2015 // *The British Journ. of Sociology*. 2019. V. 70. № 3. P. 997–1024.
 35. *Parfitt G., Eston R.G.* The relationship between children's habitual activity level and psychological well-being // *Acta Paediatrica*. 2005. V. 94. № 12. P. 1791–1797.
 36. *Persson A., Kerr M., Stattin H.* Why a leisure context is linked to normbreaking for some girls and not others: personality characteristics and parent–child relations as explanations // *Journal of Adolescence*. 2004. V. 27. № 5. P. 583–598.
 37. *Pettit G.S., Bates J.E., Dodge K.A.* Supportive parenting, ecological context, and children's adjustment: A seven-year longitudinal study // *Child Development*. 1997. V. 68. № 5. P. 908–923.
 38. *Rees G.* Children's activities and time use: Variations between and within 16 countries *Children and Youth // Services Review*. 2017. V. 80. P. 78–87.
 39. *Sacker A., Cable N.* Do adolescent leisure-time physical activities foster health and well-being in adulthood? Evidence from two British birth cohorts // *The European Journ. of Public Health*. 2005. V. 16. № 3. P. 331–335.
 40. *Selfhout M.H.W., Branje S.J.T., Delsing I.M., ter-Bogt T.F.M., Meeus W.H.J.* Different types of Internet use, depression, and social anxiety: The role of perceived friendship quality // *Journ. of Adolescence*. 2009. V. 32. P. 819–833.
 41. *Shaw B., Fagan-Watson B., Frauendienst B., Redecker A., Jones T., Hillman M.* Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971–2010). London: Policy Studies Institute, 2013. 248 p.
 42. *Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A.* Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // *International Journal of Behavioral Development*. 2010. V. 34. № 5. P. 441–451.
 43. *Twenge J.M., Campbell W.K.* Associations between screen time and lower psychological well-being among children and adolescents: Evidence from a population-based study // *Preventive Medicine Reports*. 2018. V. 12. P. 271–283.
 44. *Ussher M.H., Owen C.G., Cook D.G., Whincup P.H.* The relationship between physical activity, sedentary behaviour and psychological wellbeing among adolescents // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2007. V. 42. № 10. P. 851–856.
 45. *Van den Bulck J.* Television viewing, computer game playing, and Internet use and self-reported time to bed and time out of bed in secondary-school children // *Sleep*. 2004. V. 27. № 1. P. 101–104.

LEISURE ACTIVITY OF CHILDREN AND ADOLESCENTS AS INDICATOR OF THEIR WELL-BEING²

I. V. Leto*, S. V. Loginova**

FSBSI "Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine";
630117, Novosibirsk, Timakova str., 4, Russia.

*Junior Research Assistant.

E-mail: irina.v.letov@gmail.com

**PhD (Psychology), Senior Research Assistant,

FSBSI "Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine".

E-mail: loginovasvv@gmail.com

Received 29.12.2020

Abstract. A leisure activity of children and adolescents is one of the factors of their well-being and health. The impact of leisure is based on experiencing positive emotions and establishing relationships with other people, as well as on moderating stress and its effects. Nowadays online learning for children is expanding, variety of classes and sections is becoming more accessible and diversified, the outdoor time decreased while screen time increased. Understanding of how children spend their time and how it relates to their health and well-being is an actual problem of the current scientific knowledge, the research on this problem makes it possible to assess child quality of life, to predict successful development of children during their growing up and to develop recommendations for parents and teachers. The aim of the study is to review the results and findings of the studies on the structure and factors of the leisure activity of children and adolescents as indicator of their well-being. It has been shown that leisure activity of children and adolescents is an important factor of successful development. Children's and adolescents' use of time differs depending on the socio-demographic characteristics of family and child gender. Leisure activities are associated with such indicators of successful development as emotional and behavioral problems, academic achievement, somatic health, cognitive function, life satisfaction and self-esteem. However, the nature of the identified patterns, the causal relationships and the role of children individual characteristics in the relationship between leisure activities and child outcomes remains unclear.

Keywords: time spending, children, adolescents, family, child well-being, child health, leisure activities.

REFERENCES

1. *Bochaver A.A., Korzun A.N., Polivanova K.N.* Ulichnyj dosug detej i podrostkov. Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2017. V. 14. № 3. P. 470–490. (In Russian)
2. *Vishnyakova A.A.* Svobodnoe vremya molodezhi krupnogo goroda i osnovnye formy ego ispol'zovaniya v sovremennyh usloviyah: dis. ... kand. soc. nauk. Ulan-Ude, 2014. 160 p. (In Russian)
3. *Gudman R., Skott S.* Detskaya psihiatriya: prakticheskoe rukovodstvo. Moscow: TriadaX, 2008. 349 p. (In Russian)
4. *Kudrenko T.V.* Social'no-kul'turnye osobennosti formirovaniya cennostnyh prioritetov semejnogo dosuga. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. V. 11. № 151. P. 73–78. (In Russian)
5. *Lavrecova S.V.* Social'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak sredstvo optimizacii semejnogo dosuga: dis. ... kand. ped. nauk. Sankt-Peterburg, 2007. 230 p. (In Russian)
6. *Leto I.V., Varshal A.V., Petrenko E.N., Slobodskaya E.R.* Sub"ektivnoe blagopoluchie detej mladshogo shkol'nogo vozrasta: znachenie semejnyh faktorov. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 6. P. 18–30. (In Russian)
7. *Loginova S.V.* Vzaimodejstvie individual'no-psihologicheskix i semejnyh faktorov psihologicheskogo blagopoluchiya detej doskol'nogo vozrasta: dis. ... kand. psihol. nauk. Novosibirsk, 2018. 153 p. (In Russian)
8. *Mamchenko T.V.* Semejnyj dosug kak sredstvo ukrepleniya vnutrisemejnyh otnoshenij. Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. 2016. № 1. P. 246–250. (In Russian)
9. *Fedotova N.D.* Sovremennoe sostoyanie problem detstva v respublike Saha (Yakutiya): k voprosu o dosuge detej. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2017. № 11. (In Russian)
10. *Auhuber L., Vogel M., Grafe N., Kiess W., Poulain T.* Leisure activities of healthy children and adolescents.

² This work was supported by grant from the Russian Science Foundation No. 21-15-0003.

- International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. V. 16. № 12. P. 2078.
11. *Bianchi S.M., Robinson J.* What did you do today? Children's use of time, family composition, and the acquisition of social capital. *Journ. of Marriage and the Family*. 1997. V. 59. № 2. P. 332–344.
 12. *Bronfenbrenner U., Morris P.* The ecology of developmental processes. In: Damon W., Lerner R. (eds). *Handbook of Child Psychology: Theoretical Models of Human Development*. 5th ed. New York: John Wiley, 1998. P. 993–1028.
 13. *Bruckauf Z., Rees G.* Children's participation in housework: Is there a case of gender stereotyping. Evidence from the International Survey of Children's Well-Being (ISCWeB). Florence, Italy: UNICEF Office of Research Innocenti Research Brief, 2017. 3 p.
 14. *Busetta G., Campolo M.G., Di Pino A.* Children's use of time and well-being in Italy. *Child Indicators Research*. 2019. V. 12. № 3. P. 821–845.
 15. *Bushman B.J., Anderson C.A.* Media violence and the American public: Scientific facts versus media misinformation. *American Psychologist*. 2001. V. 56. № 6–7. P. 477–489.
 16. *Caldwel L.L.* Leisure and health: Why is leisure therapeutic? *British Journ. of Guidance and Counselling*. 2005. V. 33. № 1. P. 7–26.
 17. *Coyl-Shepherd D.D., Hanlon C.* Family play and leisure activities: correlates of parents' and children's socio-emotional well-being. *International Journ. of Play*. 2013. V. 2. № 3. P. 254–272.
 18. *Dworak M., Schierl T., Bruns T., Strüder H.K.* Impact of singular excessive computer game and television exposure on sleep patterns and memory performance of school-aged children. *Pediatrics*. 2007. V. 120. № 5. P. 978–985.
 19. *Eccles J.S., Barber B.L.* Student council, volunteering, basketball, or marching band: What kind of extracurricular involvement matters? *Journal of adolescent research*. 1999. V. 14. № 1. P. 10–43.
 20. *Fletcher A.C., Nickerson P., Wright K.L.* Structured leisure activities in middle childhood: Links to well-being. *Journ. of Community Psychology*. 2003. V. 31. № 6. P. 641–659.
 21. *Gracia P., Garcia-Roman J., Oinas T., Anttila T.* Child and Adolescent Time Use: A Cross-National Study. *Journ. of Marriage and Family*. 2020. V. 82. № 4. P. 1304–1325.
 22. *Han J.S., Patterson I.* An analysis of the influence that leisure experiences have on a person's mood state, health and wellbeing. *Annals of Leisure Research*. 2007. V. 10. № 3–4. P. 328–351.
 23. *Hertting K., Kostenius C.* Organized leisure activities and well-being: children getting it just right! *Larnet: Cyber Journ. of Applied Leisure and Recreational Research*. 2012. V. 15. № 2. P. 13–28.
 24. *Hills P., Argyle M.* Positive moods derived from leisure and their relationship to happiness and personality. *Personality and Individual Differences*. 1998. V. 25. № 3. P. 523–535.
 25. *Hofferth S.L., Sandberg J.F.* How American children spend their time. *Journ. of Marriage and Family*. 2001. V. 63. № 2. P. 295–308.
 26. *Holder M. D., Coleman B., Sehn Z.L.* The contribution of active and passive leisure to children's well-being. *Journ. of health psychology*. 2009. V. 14. № 3. P. 378–386.
 27. *Kardefelt-Winther D.* How Does the Time Children Spend Using Digital Technology Impact Their Mental Well-being, Social Relationships and Physical Activity?: An Evidence-Focused Literature Review. Florence, Italy: UNICEF Office of Research-Innocenti, 2017. 35 p.
 28. *Kayany J.M., Yelsma P.* Displacement effects of online media in the socio-technical contexts of households. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2000. V. 44. № 2. P. 215–229.
 29. *Larson R.W.* How US children and adolescents spend time: What it does (and doesn't) tell us about their development. *Current Directions in Psychological Science*. 2001. V. 10. № 5. P. 160–164.
 30. *Larson R.W.* Toward a psychology of positive youth development. *American Psychologist*. 2000. V. 55. № 1. P. 170–183.
 31. *Mauldin T., Meeks C.B.* Sex differences in children's time use. *Sex roles*. 1990. V. 22. № 9–10. P. 537–554.
 32. *McHale S., Crouter A.C.* The social contexts of activities in preadolescence: Links with psychosocial adjustment. Paper presented at the Society for Research on Adolescence, Chicago, IL, 2000.
 33. *Melman S., Little S.G., Akin-Little K.A.* Adolescent overscheduling: The relationship between levels of participation in scheduled activities and self-reported clinical symptomatology. *The High School Journal*. 2007. V. 90. № 3. P. 18–30.
 34. *Mullan K.* A child's day: trends in time use in the UK from 1975 to 2015. *The British Journ. of Sociology*. 2019. V. 70. № 3. P. 997–1024.
 35. *Parfitt G., Eston R.G.* The relationship between children's habitual activity level and psychological well-being. *Acta Paediatrica*. 2005. V. 94. № 12. P. 1791–1797.
 36. *Persson A., Kerr M., Stattin H.* Why a leisure context is linked to normbreaking for some girls and not others: personality characteristics and parent–child relations as explanations. *Journal of Adolescence*. 2004. V. 27. № 5. P. 583–598.
 37. *Pettit G.S., Bates J.E., Dodge K.A.* Supportive parenting, ecological context, and children's adjustment: A seven-year longitudinal study. *Child development*. 1997. V. 68. № 5. P. 908–923.
 38. *Rees G.* Children's activities and time use: Variations between and within 16 countries *Children and Youth. Services Review*. 2017. V. 80. P. 78–87.

39. *Sacker A., Cable N.* Do adolescent leisure-time physical activities foster health and well-being in adulthood? Evidence from two British birth cohorts. *The European Journ. of Public Health*. 2005. V. 16. № 3. P. 331–335.
40. *Selfhout M.H.W., Branje S.J.T., Delsing I.M., ter Bogt T.F.M., Meeus W.H.J.* Different types of Internet use, depression, and social anxiety: The role of perceived friendship quality. *Journ. of Adolescence*. 2009. V. 32. P. 819–833.
41. *Shaw B., Fagan-Watson B., Frauendienst B., Redecker A., Jones T., Hillman M.* Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971–2010). London: Policy Studies Institute, 2013. 248 p.
42. *Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A.* Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents. *International Journal of Behavioral Development*. 2010. V. 34. № 5. P. 441–451.
43. *Twenge J.M., Campbell W.K.* Associations between screen time and lower psychological well-being among children and adolescents: Evidence from a population-based study. *Preventive Medicine Reports*. 2018. V. 12. P. 271–283.
44. *Ussher M.H., Owen C.G., Cook D.G., Whincup P.H.* The relationship between physical activity, sedentary behaviour and psychological wellbeing among adolescents. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2007. V. 42. № 10. P. 851–856.
45. *Van den Bulck J.* Television viewing, computer game playing, and Internet use and self-reported time to bed and time out of bed in secondary-school children. *Sleep*. 2004. V. 27. № 1. P. 101–104.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.813

КОМПЕТЕНЦИИ КАК СИМПТОМОКОМПЛЕКСЫ: БИОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ¹

© 2021 г. В. А. Толочек*, А. С. Машкова**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.

E-mail: tolochekva@mail.ru

**Аспирант.

E-mail: anya_12@mail.ru

Поступила 22.07.2020

Аннотация. Обсуждаются феномен “компетенции” и компетентностный подход. На примере оценок менеджерами — экспертами российских компаний модели из 29 компетенций рассматривается роль биологических (пол, возраст) и социальных (стаж работы, опыт управленческой деятельности, занимаемая должность, карьера) факторов в детерминации успешности деятельности субъектов. Представлены результаты эмпирических исследований и их поэтапный анализ: общей выборки (103 чел.), сотрудников одной организации (69 чел.), данных субъектов, исполняющих сходные рабочие функции: “результат-менеджеров” (51 чел.) и “процесс-менеджеров” (18 чел.). Показано, что: есть статистические различия в выборах (оценках, предпочтениях) компетенций представителями разных социальных групп; компетенции — это симптомокомплексы эксплицитных и имплицитных качеств; актуально значимых компетенций в восприятии менеджеров — ограниченное число (12–13). Констатируется: 1. Представляемые зарубежными и отечественными специалистами объяснения компетенций не согласованы между собой; по всем ключевым вопросам предлагаются разные концепции. Компетентностный подход есть множество исторически преходящих научных концепций масштаба “малых теорий”. 2. Компетенции есть многосоставные и многуровневые психологические образования, сложные симптомокомплексы качеств разной природы, эволюционирующих разностадийно, детерминированные разными факторами (биологическими и социальными), обеспечивающие разные уровни регуляции деятельности и поведения человека. В процессах эволюции субъекта компетенции и их компоненты переходят из эксплицитных качеств на уровень имплицитных. 3. Биологические факторы (пол, возраст) и социальные (общий стаж, стаж работы в должности, функциональные обязанности, социальные роли, успешность карьеры и др.) разнятся как детерминанты. Экстенсивный социальный опыт человека, отраженный в возрасте и стаже, уступает роли пола и интенсивного опыта, приобретаемого при выполнении определенных рабочих функций и социальных ролей.

Ключевые слова: компетенции, менеджеры, эксперты, симптомокомплексы, детерминанты, пол, возраст, стаж, должность, карьера, опыт, успешность, эксплицитные, имплицитные.

DOI: 10.31857/S020595920016035-4

К компетенциям специалисты относят крайне широкий перечень качеств; в работах авторитетных отечественных ученых новое понятие “компетенции” стало замещать прежнее “профессионально важные качества” (ПВК) (см. обзоры: [3; 4]); столетняя история изучения и конструктивных

разработок ПВК “забыта”, обесценена. Крайне редко предпринимаются попытки выявить отношения двух названных выше понятий. К острым и открытым вопросам новой экспликации проблемы отнесем вопросы содержания и структуры компетенций, их инвариантных и вариативных составляющих, стадий и динамики эволюции, детерминанты разных компетенций. В настоящей работе мы акцентируем внимание на последнем вопросе.

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2021-0010 “Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов”.

Компетенции как феномен: направления поисков.

Обращение к понятию “компетенции” как симптомокомплексу знаний, умений, возможностей и желания человека решать сложные социальные задачи, можно найти в работах Р. Уайта, Н. Хомски конца 1950-х годов (см. обзор: [4]). Устойчиво новое понятие входит в актив психологов после работы Д. Мак-Клелланда [19], активно поддержанной Р. Байяцисом и др. [5; 9; 10]. За минувшие полстолетия оперирование понятиями “компетенции”, “компетентностный подход” (*К-подход*) широко утвердилось в зарубежной психологии, новые понятия стали предметом “научного экспорта”. С начала 2000-х годов в научной и учебно-методической литературе понятие “компетенции” де-факто вытесняет более привычное для нас понятие “*профессионально важные качества*” (*ПВК*). Не отрицая ни эвристической значимости постулированного Д. Мак-Клелландом подхода, ни практической значимости понятия “компетенции”, продолжим линию критического анализа феномена, обозначенного понятием “компетенции”; рассмотрим его место в системе отечественного дисциплинарного тезауруса; возможности и ограничения подхода (*К-подхода*) [3; 4]. В программной статье Д.Р. Мак-Клелланд [19] критически рассмотрел сложившуюся практику использования тестов (интеллекта, практических и др.). Постулируя новый подход к решению задач определения возможностей работника, он предполагал: 1) первоначально выделять критериальные выборки (т.е. выявлять и изучать особенности именно “лучших” работников, а не всех — не “средних”, “плохих”); 2) изучать “оперантные мысли и поведение” (личностные особенности, определяющие конструктивное поведение людей в рабочих группах и влияющие на успешность выполнения конкретных заданий). Через десятилетие Р. Бояцис вводит в научный оборот понятие “компетентность” как “способность человека к поведению”, “удовлетворяющему требованиям работы” в “определенной организационной среде” [10].

Среди актуальных вопросов проблемы выделим несколько. *Первый* — о составе, содержании и структуре компетенций. *Второй* — об “универсальных”/“специфических компетенциях”, их “инвариантных”/“универсальных” составляющих: с одной стороны, *К-подход* утверждался как центрированное на конкретных условиях труда изучение качеств работника, позволяющих ему успешно решать конкретные задачи, с другой — со временем усиливаются притязания *К-подхода* на решение широкого круга задач [8; 9; 16; 23; 27]. *Третий* — о детерминантах компетенций. *Четвертый* — о месте компетенций в структуре

профессионализма, их роли в успешности эволюции субъекта, профессиональном долголетии людей. *Пятый* — о месте “компетенций” и *К-подхода* в системе психологического знания. Если за рубежом регулярно выходят в свет аналитические обзоры, призывающие к критическому анализу феномена и переосмыслению самой проблемы [5; 6; 13; 17; 18; 29; 30], то в работах российских специалистов доминируют позитивные констатации и упования. Итак, несмотря на успехи реализации *К-подхода* более чем в 20 странах — созданы базы моделей-компетенций, концептуально отраженных в словарях; дифференцируются научные позиции; предлагаются новые концепции; рефлексированы базовые аспекты проблемы [5; 9–12; 18; 20; 26–30], — открытыми остаются “ключевые” вопросы соотношения и соразмерности качеств субъектов, исполняющих разные трудовые функции; их эволюции, их детерминант.

Хронологически *первыми* “концентрациями проблемы” стали вопросы “измерения”. Здесь явно разделились “американский” и “английский” подходы. Внимание представителей первого направлено на выявление *поведенческих* характеристик (“Какие особенности человека определяют его успешные действия?”; ожидаемые ответы — особенности личности, интеллекта, ЗУН, опыта) [5; 10; 15; 18]. Адепты английского подхода концентрируются на характеристиках *деятельности*; компетенции трактуются как “способности действовать в соответствии со стандартами, принятыми в организации” [22]. В своей эволюции эти позиции дифференцируются на новые дихотомии — на “французский”/“германский” подходы и т.п. (см. обзор: [4]). *Вторая “концентрация”*: рефлексия *природы компетенций* привела к становлению таких альтернатив, как “путь изнутри”/“путь снаружи”. В рамках первой проводился анализ конкретных составляющих интегрального качества; в границах второй — сопоставление компетенций с аналогами (действия, деятельность, навык, квалификация, способность, одаренность и др.) [7; 9; 11; 12]. В определении компетенции обычно включают формируемые в опыте знания, умения, навыки; “знание” чаще рассматривается как элемент компетенции, тогда как “навыки” и “умения” — как нечто тождественное самой компетенции, как формируемые на завершающих стадиях ее становления [14; 21; 22]. Отношения между компетенциями и способностями (одаренностью) видятся ученым более близкими, чем отношения “компетенции—действия”, “компетенции—квалификация” [11; 12; 14]. Компетенции — феномен, собираемый из “деталей”; такие объединения “завершаются” метаспособностями, метазнаниями [11; 12; 14; 21; 28].

Компетенции определяют как части личности [15; 24; 26]; “знание, умение, навык...” [21; 22]; “способность действовать *в соответствии с принятыми стандартами*” [22]; “способность *управлять ситуацией*” [14]; согласованность индивидуальной деятельности с командными актами, с организационной средой [3; 4; 7; 10; 19; 30]. В объяснениях эволюции и деятельностных проявлений компетенций различаются альтернативные позиции: есть “описания” и “прогнозы” поведения человека; “статичный” и “динамические” подходы; предположения о границах развития компетенций [22], о четырех стадиях их “жизненного цикла” [25].

Обобщая особенности К-подхода, можно констатировать: 1) широкую вариативность представлений специалистов о содержании компетенций и границах их развития; 2) отсутствие четкости в оперировании сопряженными понятиями; 3) вовлечение новых понятий для объяснения феномена; 4) оформление дискуссий в “границах двух полюсов”, в русле каждого из подходов формируются новые бинарные оппозиции и разные концепции; 5) признание интегративности и полиструктурности компетенций. При этом признание комплексности, многосоставности любого сложного психологического образования не “отменяет” вопросов об их первопричинах, о детерминантах, об эволюции, об интеграции в другие психологические системы. Мы полагаем, что ключевыми “открытыми” были и остаются вопросы природы компетенций (их состава, структур, механизмов интеграции их составляющих в комплексы и системы), закономерностей их развития и эволюции, их детерминант, в том числе вопросы их биологической и социальной детерминации.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКА

Объект, предмет, задачи исследования. Объект исследования — профессиональная деятельность менеджеров; **предмет** — оценки менеджерами-экспертами востребованных компетенций менеджеров современных российских коммерческих организаций. **Цель:** изучение факторов, влияющих на оценки менеджерами компетенций. **Гипотезы:** 1. Исторически складывающиеся научные традиции, подходы, концепции² (в частности, “компетентностный подход”) формируются в определенных социальных

условиях для решения определенных задач, за пределами которых они обнаруживают свои ограничения. 2. Выявление возможностей и границ “компетентностного подхода” способствует его развитию, уточнению условий его конструктивной реализации. **Методы:** историко-теоретический анализ; опросы экспертов; консультации; ретроспективный анализ; угловое преобразование Фишера.

Дизайн, методы и база исследований. Первые разработчики моделей компетенций выделяли наборы в 20–30 компетенций [8; 19; 26]. Предполагая, что должностные функции руководителей, занимающих разные позиции, не всегда требуют наличия всех 20–30 и более компетенций, предложенных зарубежными специалистами, актуален вопрос числа и содержания качеств, важных для работников российских компаний. Поэтому из базовой модели 29 компетенций в 2005–2006 гг. 132 сотрудникам ряда российских компаний было предложено выбрать (выделить, оценить, указать) те компетенции, которые отражают “*деятельность эффективного руководителя*” (т.е. отражают качества эффективных работников, занимающих должности менеджеров — руководителей низового и среднего звена). Затем в 2007–2011 гг. в трех крупных компаниях г. Екатеринбурга (“Гранд-дистрибьютер”, “Пасс-Перевозки”, “Группа страховых компаний”) на основании ранее полученных результатов и разработанной “Модели компетенций” изучались состав и содержание актуальных компетенций менеджеров (специалистов, руководителей низового и среднего звена управления). Каждому опрошенному предлагалось выделить не менее 13 компетенций, представленных в авторской “Модели”. Было обследовано 170 сотрудников, занимающих должности от руководителей групп до коммерческих директоров. Результаты апробации методики на контрольной выборке подтвердили ее надежность и валидность. Позже в 2019 г. была сформирована фокус-группа (7 чел. — руководители отделов кадров и подразделений организаций) для разработки формулы оценки управленческого потенциала, а также ретроспективного анализа карьерного продвижения ранее обследуемых в последующие 5 лет. Такие дополнительные данные были получены в отношении 103 чел., продолжающих работать в своей компании.

² Отметим нетождество понятий: традиции ≠ подходы ≠ концепции ≠ теории (по логическому объему каждое предшествующее понятие шире последующего: традиции > подходы > концепции > теории). Ввиду исторического нарастания разнообразия версий К-подход должно признать не теорий,

а совокупностью научных концепций, формирующихся в русле определенных научных традиций.

РЕЗУЛЬТАТЫ

После завершения сбора эмпирических данных выборка (103 чел.) многократно разделялась на группы по значимым для нас социально-демографическим и служебно-должностным характеристикам (на основании средних статистик): по полу (мужчины/женщины), возрасту (до 35 лет/от 36 лет и старше), стажу управленческой деятельности (до 8 лет/9 лет и более), занимаемой должности (руководители низового/среднего звена управления), успешности “вертикальной” карьеры в последующие 5 лет (оцениваемой ретроспективно, через 10 лет исследования).

Даже при первом взгляде на сводные табл. 1, 2 видно, что у нас имелись достаточные основания для постановки вопросов о биологических и социальных детерминантах компетенций как предпосылках формирования сложных психологических симптомокомплексов (в нашем случае — о предпочтениях компетенций менеджерами, выступающими в роли экспертов, выделяющих и/или оценивающих разные качества как более или менее значимые для эффективной деятельности менеджера). Согласно угловому преобразованию Фишера, различия в выборах мужчин и женщин в 6 случаях достигали уровня статистической значимости и в одном оказались в зоне неопределенности (всего в 24%); между молодыми и более зрелыми менеджерами — в 3 (5) случаях (17%); лиц с меньшим и большим управленческим опытом — в 5 (6) случаях (21%); занимающих должности руководителей низового и среднего звена — в 5 (7) (24%). (По последнему критерию в расчетах использованы данные лишь 88 респондентов из 103; соответственно доля различий, достигающих статистической значимости, могла бы быть выше при полной выборке.) Рассмотрим роль успешности “вертикальной” карьеры как фактора различий, их причины или следствия. В общей выборке (103 чел.) различия между карьерно успешными и неуспешными менеджерами достигали уровня значимости лишь по двум компетенциям; еще две были в зоне неопределенности (всего в 14% случаях); среди менеджеров одной компании (“Гранд-дистрибьютер”, 69 чел.) — по восьми и четырем “неопределенным” (41%); при дальнейшем их разделении по специализациям — “Результат-менеджеры” (51 чел.) и “Процесс-менеджеры”³ (18 чел.) в 9 (12)

и 10 (13) случаях (или всего в 41 и 45%; напомним, что при уменьшении объема выборки требуются большие значения различий, признаваемых статистически значимыми).

К ожидаемым различиям отнесем более частые предпочтения: а) мужчинами “стратегического влияния”, “директивности”, “эффективности вертикальной коммуникации”; у женщин — “управления командой”; б) у более молодых — “инициатива”, “развитие других”, “директивность”, “самоконтроль”, “ориентация на миссию”, “стиль обучения и общения”. Сходные различия имели место и у менеджеров с разным опытом деятельности и занимаемой должности (табл. 1). К неожиданным, “парадоксальным” различиям отнесем более частые выделения мужчинами “межличностного понимания” и “гибкости” (традиционно приписываемых женщинам), менее частые выборы “инициативы”, “самоконтроля” мужчинами, более зрелыми, опытными, занимающими более высокие должности (табл. 1); выборы женщинами “инициативы”, “уверенности в себе”; молодыми и менее опытными менеджерами — “самоконтроля” и “ориентации на миссию” и т.п. Обсуждая вопросы биологической и социальной детерминации, обратимся к связям выборов и успешности карьеры менеджеров. В гетерогенной выборке (103 чел.) различия достигают уровня значимости лишь по двум (четырем) компетенциям; у субъектов, работающих в одной организации, — по 8 (12); при дальнейшем разделении выборки по специализациям — в 9 (12) и 10 (13) случаях. При таком же дифференцировании выборки по полу, возрасту, опыту, должностной позиции мы находим возрастание роли биологической и социальной детерминации предпочтения компетенций менеджерами.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Экстенсивный социальный опыт человека, отраженный в его возрасте и стаже, выступает детерминантой предпочтения отдельных компетенций, но он уступает роли *пола* (соответственно, набора социальных ролей и типовых социальных условий развития) и *интенсивного социального опыта*, приобретаемого при выполнении определенных рабочих функций (табл. 1, 2). *Успешность карьеры*

будем условно называть “Результат-менеджеры” (*Р-менеджеры* — 51 чел.). 2. “Процесс-ориентированные сотрудники” — сотрудники обеспечивающих подразделений. Их главная цель — выстроить правильные и налаженные процессы работы, помогающие выполнять плановые КРП “бизнес-ориентированным сотрудникам”. Эту группу экспертов мы назвали “Процесс-менеджеры” (*П-менеджеры*).

³ 1. “Бизнес-ориентированные сотрудники” — это сотрудники департаментов, отвечающих за показатели производительности и эффективности (финансовые показатели по объему продаж и прибыли). К ключевым показателям эффективности (Key Performance Indicators, KPI) относят объем продаж, торговую наценку, прибыль, безубыточность и т.д. Эту группу экспертов

Таблица 1. Результаты экспертного выбора компетенций менеджерами коммерческих компаний ($n = 103$)

№	Компетенции	Пол		Возраст			Управленческий стаж			Должность			Карьера			
		М	Ж	φ*	35–	36+	φ*	8–	9+	φ*	РНЗ	РСЗ	φ*	МУК	УК	φ*
1	Ориентация на достижения	92	90	0.495	89	91	0.474	87	95	2.029	85	90	1.075	85	91	1.315
2	Контроль	62	71	1.351	68	70	0.304	67	73	0.220	65	71	0.912	85	82	0.573
3	Инициатива	42	57	2.128	61	43	2.567	57	48	1.273	50	56	0.849	73	82	1.527
4	Поиск информации	50	61	1.570	60	57	0.431	60	55	0.714	77	52	3.248	71	82	1.846
5	Межличностное понимание	58	36	3.140	44	39	0.721	41	43	0.283	35	44	1.308	75	70	0.792
6	Ориентация на партнерские отношения	46	43	0.431	44	43	0.148	38	53	1.498	46	39	0.881	75	57	2.708
7	Стратегическое влияние	77	58	2.899	67	59	1.174	62	65	0.438	62	61	0.141	61	75	2.128
8	Объединение людей	65	70	0.757	68	70	0.304	70	68	0.304	69	68	0.156	64	61	0.438
9	Построение отношений	38	40	0.290	44	35	1.308	43	35	1.160	31	47	2.333	63	59	0.580
10	Развитие других	81	88	1.372	91	80	2.249	89	83	1.223	85	85	0.000	59	57	0.290
11	Директивность	27	14	2.305	23	11	2.291	22	10	2.248	12	19	1.379	59	57	0.290
12	Управление командой	69	82	2.150	82	74	1.372	78	80	0.346	81	74	1.195	61	52	1.287
13	Командное лидерство	62	52	1.428	58	50	1.131	54	55	0.141	46	63	2.425	58	55	0.424
14	Аналитическое мышление	58	61	0.438	61	59	0.290	60	60	0.000	65	60	0.728	54	55	0.141
15	Критическое мышление	62	55	1.004	54	59	0.714	54	60	0.856	58	55	0.424	56	48	1.131
16	Менеджерская экспертиза	54	61	1.004	58	61	0.438	54	68	2.036	69	55	2.051	51	52	0.141
17	Самоконтроль	65	78	2.051	84	63	3.429	81	65	2.581	81	77	0.700	34	55	3.012
18	Уверенность в себе	50	62	1.711	58	61	0.438	62	55	1.004	62	63	0.148	44	36	1.160
19	Гибкость	85	75	1.782	77	78	0.170	75	83	1.400	69	82	2.150	41	36	0.728
20	Ориентация на миссию	69	64	0.750	72	57	2.227	70	58	1.775	65	65	0.000	15	20	0.933
21	Профпредпочтения	4	3	0.389	4	1	1.435	3	3	0.000	4	3	0.389	8	9	0.247
22	Точная самооценка	8	4	1.209	4	7	0.940	2	10	2.546	4	6	0.651	12	5	0.622
23	Аффилиация	0	0	—	0	0	—	0	0	0.000	0	0	—	5	5	0
24	Навык письма	1	3	1.047	2	2	0.00	2	3	0.453	0	3	1.047	5	5	0
25	Видение	12	8	0.940	5	13	2.029	5	15	2.432	8	5	0.870	2	5	1.181
26	Вертикальная коммуникация	19	5	3.189	7	11	0.99	11	5	1.591	4	13	2.369	3	2	0.453
27	Стиль общения	4	5	0.339	7	2	1.782	6	3	1.039	8	5	0.870	2	2	0
28	Не фрустрирован	0	3	1.047	2	2	0.00	2	3	0.453	0	2	0.594	2	2	0
29	Пунктуальность	4	3	0.389	4	2	0.841	3	3	0.000	0	5	1.775	0	0	—

Примечание. Здесь и далее жирным шрифтом обозначены статистические значимые различия на уровне $p \leq 0.01$; жирным курсивом — на уровне $p \leq 0.05$; курсивом — значение ϕ^* находится в зоне неопределенности. Возраст: 35– — до 35 лет; 36+ — 36 лет и старше; УС — управленческий стаж: 8– — до 8 лет; 9+ — 9 лет и более; Должность: РНЗ — руководители низового звена, РСЗ — руководители среднего звена; МУК — успешная карьера (быстрое продвижение); УК — успешная карьера (быстрое продвижение); все числа — в процентах (%) выделенных компетенций.

Таблица 2. Результаты экспертных выборов компетенций менеджерами коммерческих компаний ($n=103$) и компании “Гранд-дистрибьютер” ($n=69$), различающимися по успешности их карьеры

№	Компетенция	Карьера ($n=103$)			Карьера ($n=69$)			Карьера ($n=51$)			Карьера ($n=18$)		
		МУК	УК	φ*	МУК	УК	φ*	МУК	УК	φ*	МУК	УК	φ*
1	Ориентация на достижения	85	91	1.315	93	97	1.322	88	95	1.538	88	100	3.585
2	Развитие других	85	82	0.573	95	86	2.234	94	89	1.287	63	90	4.695
3	Управление командой	73	82	1.527	88	86	0.417	78	84	1.089	75	80	0.849
4	Гибкость	71	82	1.846	88	79	1.725	75	84	1.591	63	90	4.695
5	Ориентация на миссию	75	70	0.792	75	72	0.481	78	79	0.177	63	60	0.438
6	Контроль	75	57	2.708	88	55	5.395	78	53	3.776	88	70	3.196
7	Объединение людей	61	75	2.128	75	76	0.170	63	74	1.676	75	80	0.849
8	Самоконтроль	64	61	0.438	88	66	3.797	72	68	0.615	75	60	2.277
9	Аналитическое мышление	63	59	0.580	75	76	0.170	59	74	2.256	75	50	3.698
10	Инициатива	59	57	0.290	58	66	1.174	59	79	3.097	38	40	0.290
11	Стратегическое влияние	59	57	0.290	70	48	3.189	59	42	2.418	88	60	4.681
12	Менеджерская экспертиза	61	52	1.287	73	59	2.100	66	42	3.444	50	70	2.906
13	Поиск информации	58	55	0.424	63	55	1.153	69	58	1.626	38	30	1.195
14	Уверенность в себе	54	55	0.141	68	41	3.882	59	58	0.148	50	50	0
15	Командное лидерство	56	48	1.131	68	41	3.882	59	47	1.704	63	50	1.860
16	Критическое мышление	51	52	0.141	55	66	1.598	44	63	2.708	75	60	2.277
17	Ориентация на партнерские отношения	34	55	3.012	33	59	3.734	34	53	2.729	13	60	7.311
18	Межличностное понимание	44	36	1.160	45	34	1.598	34	21	2.072	50	60	1.421
19	Построение отношений	41	36	0.728	43	41	0.283	34	42	1.167	50	20	4.554
20	Директивность	15	20	0.933	15	21	1.110	9	21	2.425	38	10	4.837
21	Видение	8	9	0.247	3	14	2.963	3	11	2.319	13	20	1.336
22	Вертикальная коммуникация	12	5	0.622	15	1	4.207	9	5	1.117	25	10	
23	Стиль общения	5	5	0	3	3	0	6	11	1.280	0	0	—
24	Профпредпочтения	5	5	0	0	0	—	0	0	—	13	10	0.665
25	Точная самооценка	2	5	1.181	5	1	1.775	3	5	0.728	13	10	0.665
26	Не фрустрирован	3	2	0.453	3	3	0	0	0	—	13	10	0.665
27	Аффилиация	2	2	0	0	0	—	0	0	—	0	0	—
28	Навык письма	2	2	0	0	0	—	0	0	—	0	0	—
29	Пунктуальность	0	0	—	0	0	—	0	0	—	0	0	—

Примечание. Карьера ($n=103$) — выборы менеджеров всех компаний; Карьера ($n=69$) — выборы менеджеров компании “Гранд-дистрибьютер”; Карьера ($n=51$) — выборы “Результат-менеджеров”; Карьера ($n=18$) — выборы “Процесс-менеджеров”.

выступает весомой детерминантой предпочтений. В отношении причинно-следственных отношений предположим: 1. Сформированные компетенции способствуют успешности карьеры субъектов, их профессиональному становлению. 2. В процессе профессионального и карьерного продвижения, освоения новых функций формируются и развиваются новые компетенции. 3. Личностный потенциал человека, его способности, интуиция и пр. способствуют осознанию им значимости соответствующих компетенций, становление которых способствует его успешности, а освоение новых функций — их развитию (т.е. два процесса “идут навстречу друг другу”).

Сопоставляя ожидаемые предпочтения, оценки экспертов и “парадоксальные” оценки, можно полагать, что компетенции существуют (функционируют, развиваются) и рефлексировываются субъектом на *двух уровнях* — как *эксплицитные и имплицитные* качества, как артикулируемые и как латентные, скрытые, не всегда осознаваемые, рефлексировываемые лишь частично. Такое предположение объясняет, почему, например, женщины чаще мужчин выделяли типичные “мужские” качества (инициатива, уверенность в себе, самоконтроль и т.п.). Именно дефицит таких качеств, биологически у женщин представленный относительно меньше, чем у мужчин, и требует своеобразной их “достройки” трудом и упражнениями, их регулярного усиления и укрепления для успешного функционирования в жесткой (“мужской”) профессиональной среде. Выборы мужчинами “межличностного понимания” и “гибкости” (приписываемых женщинам) можно объяснять осознанием мужчинами необходимости развития у себя и таких качеств, постоянного внимания к ним (уровень которых в профессиональной среде задается женщинами). Аналогично и выборы самоконтроля молодыми, менее опытными менеджерами, занимающими низовые должности: у опытных и успешных менеджеров он уже сформирован и, вероятно, переходит на уровень имплицитных качеств.

В общей картине выделим “сквозные компетенции”: ориентация на партнерские отношения; развитие других; ориентация на достижения; управление командой; гибкость, контроль, объединение людей; самоконтроль; “антагонисты” — пары противоположно проявляющихся в поведении и деятельности компетенций: инициатива/чувствительность; аналитическое мышление/стратегическое влияние и т.п. (табл. 1, 2). Эти пары представим так: “правильно думать”, “быстро и решительно делать”/“точно чувствовать”, “быстро ориентироваться”, “правильно понимать (воспринимать)”.

Первая группа качеств более присуща успешным “результат-менеджерам”, вторая — “процесс-менеджерам” (табл. 2). Если для личной успешности субъекта важно умение принимать решения, контролировать себя, “правильно думать” и т.п., то для “командных игроков” — “чувствовать” других, согласовывать свою активность с товарищами.

Факты наличия антагонистичных компетенций есть серьезное указание на то, что представления о синергизме и рядоположенности всех компетенций неверны. Скорее, одновременно сосуществуют разные подструктуры, развивающиеся относительно независимо и на какой-то стадии проявляющиеся как альтернативные и/или антагонистичные. Контрастные различия в предпочтении разных компетенций (выделении, оценках их значимости) менеджерами, различающимися по их индивидуальным особенностям, есть основания признавать разную природу и эволюцию многих или даже всех компетенций. Если постулируется, что компетенции есть сложные, интегральные симптомокомплексы, т.е. качества, формирующиеся прижизненно, то должно признать и то, что они не могут быть у разных людей однородными по составу, по структурам, по мере выраженности и развития их составляющих, по их базовым детерминантам.

В пользу такого предположения выступают и частичные нарушения инструкций отдельными респондентами: при требовании выбрать не меньше 13 компетенций (12 основных и не менее 1 дополнительной компетенции), среднее число выделенных качеств составляло 12.6 (если умножить выбранные 29 компетенций общего списка на частоты их выбора отдельными экспертами) в общей выборке (103 чел.), 12.4 в более гомогенной выборке (69 чел.), 12.6 компетенций в выборах карьерно успешными Р-менеджерами; 11.9 — успешными П-менеджерами (табл. 1, 2). Вероятно, что это следствия расхождения представления о феномене разработчика и обследуемых, “теоретиков” (ученых, исследователей) и “практиков” (менеджеров, субъектов деятельности), что еще более заостряет вопрос числа компетенций как “необходимых и достаточных”. Компетенции как составляющие профессиональной картины мира субъектов находятся в отношениях взаимной согласованности; есть границы количества реферируемых ими качеств (порядка 12 компонентов), тогда как списки ученых обычно превышают 20–30 компетенций. И здесь напомним о примечательных фактах: в гетерогенных выборках выявлены значимые различия между представителями разных социальных групп по 9–10 (с учетом находящихся в зоне неопределенности — по 12–13) компетенциям.

Вероятно, именно 8–12 базовых качеств выступают как “необходимые и достаточные” основания для построения неограниченного множества сложных психологических систем, их развития и преобразований.

Обратимся к аналогиям с феноменом “стиль”. Так, по Е.А. Климову, стиль (индивидуальный стиль деятельности) есть “устойчивая система”, “система психологических средств”, которые использует человек для согласования своей индивидуальности с условиями деятельности (см. обзоры: [2; 4]). Такую сложную систему (условно назовем ее *макростиль*) составляют разнообразные по природе подсистемы (условно — *мезостили*). Вероятно, и на уровне операций составляющие и структуры таких действий у людей с разными индивидуально-психологическими особенностями различаются. Другими словами, в нашем понимании компетенций мы должны выходить на поуровневый анализ их состава и структур. Такое предположение вполне согласуется с генетическим и функциональным различием операции, действий, деятельности в теории деятельности А.Н. Леонтьева (см. обзоры: [2–4]); с генетическим и функциональным различием генеза и структур социального опыта человека в системно-эволюционной теории Ю.И. Александрова [1]; с представлениями о генезе и иерархии структур стилей деятельности [2]. Другими словами, разные компетенции, обеспечивающие операциональные уровни, уровни действий и деятельности в целом, уровни поведения выступают как содержательно и структурно разные системы. Компетенции есть многоуровневые, многосоставные, эволюционно разностадийные образования, обеспечивающие разные уровни регуляции деятельности и поведения человека разными способами; различаются биологические и социальные аспекты детерминации становления и эволюции компетенций. В большем хронологическом масштабе анализа (онтогенез — субъектогенез — профессиональное становление субъекта) можно рассматривать эволюцию феномена в континууме его последовательных преобразований (задатки — способности — специальные способности — профессиональные способности — профессионально важные качества — компетенции) [4].

При дифференцированном подходе в группах субъектов, выполняющих сходные рабочие функции, мы констатируем возрастание доли компетенций, имеющих выраженную биологическую и социальную детерминацию. В отношении связи предпочтения компетенций и карьерной успешности менеджеров обратим внимание на характер их деятельности. Успешность “результат-менеджеров”,

работающих на “личный зачет”, согласована с качествами, отражающими успешность их *индивидуальной* деятельности: контроль, объединение людей, аналитическое мышление, инициатива, критическое мышление, директивность, видение; успешность “процесс-менеджеров”, “командных игроков” сочетается с предпочтением качеств, отражающих успешность *совместной, командной* деятельности: развитие других, гибкость, ориентация на партнерские отношения и т.п. (табл. 2). Конечно, наряду с названными, все они выделяли и универсальные, “сквозные” качества, связанные с успешностью любой управленческой деятельности: ориентация на достижения, контроль и т.п.

Отдельный важный аспект — мера рефлексии субъектом актуальной значимости разных качеств, их представленности как “эксплицитных” и “имплицитных” компетенций, точнее, как “эксплицитных” и “имплицитных” составляющих компетенций. Если компетенции как сложные симптомокомплексы качеств (включающие как психофизиологические механизмы, так и “вершинные” личностные новообразования, хронологически формирующиеся в разных стадиях профессиогенеза под доминирующим влиянием разных детерминант) имеют многоуровневое строение, объяснимо, что первые, более ранние уровни со временем могут переходить в состояние имплицитных качеств, лишь частично рефлекслируемых. В этом плане примечательны объяснения менеджерами оснований своих выборов. На вопрос, задаваемый им через 10 лет после обследования: “...почему имеются различия между группами (мужчин/ женщин, молодых/зрелых и др.) в выборе таких компетенций как ...”, — типичными ответами были следующие: “...они *напрямую приведут* отдел к выполнению плановых показателей. Все *другие компетенции дополняют* эти и являются *вспомогательными*...”; “это *взаимосвязанные* компетенции”; “женщинам проявление этих компетенций *дается легче и естественнее*”; “объединяют людей, развитие и обучение команды женщинам *нравится больше*”; “это *напрямую* влияет на карьерное продвижение”; “принятие решения зависит от *умения проявить гибкость и вычлени*ть важные факты для его принятия” и т.п. (курсивом выделено нами. — Т.В., М.А.). В плане нашего изучения также выделим ряд аспектов: “*дается легче и естественнее*”, “*нравится больше*” есть прямые указания на психофизиологическую детерминацию части компетенций; “*другие компетенции дополняют*”, “*являются вспомогательными*...”, “*взаимосвязанные*”, “*умения проявить гибкость и вычлени*ть” — отражение роли психологических и социальных факторов. В таком различии просматривается и генезис компетенций — их биологически

детерминированные составляющие формируются раньше социально детерминированных.

ВЫВОДЫ

1. Представляемые зарубежными и отечественными специалистами трактовки компетенций не согласованы между собой; по всем ключевым вопросам предлагают разные концепции. Компетентностный подход есть множество исторически преходящих научных концепций (соотносимых с масштабом “малых теорий”).

2. Компетенции представляют собой многосоставные и многоуровневые психологические образования, сложные симптомокомплексы качеств разной природы, эволюционирующих разностадийно, детерминированные разными факторами (биологическими и социальными), обеспечивающие разные уровни регуляции деятельности и поведения человека. В процессах эволюции субъекта компетенции и их компоненты могут переходить из фазы эксплицитных качеств на уровень имплицитных.

3. Биологические факторы (пол, возраст) и социальные (общий стаж, стаж работы в должности, функциональные обязанности, социальные роли, успешность карьеры и др.) разнятся как детерминанты. Экстенсивный социальный опыт человека, отраженный в возрасте и стаже, уступает роли пола и интенсивного опыта, приобретаемого при выполнении определенных рабочих функций и социальных ролей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. 320 с.
2. Толочек В.А. Типовые стили спортивной деятельности как психологический феномен: ресурсы эффективности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 70–82.
3. Толочек В.А. Психология труда. 3-е изд., доп. СПб.: Питер, 2019. 480 с.
4. Толочек В.А. Континуум “задатки — способности — профессионально важные качества — компетенции”: открытые вопросы // Психологический журнал. Т. 41. № 4. 2020. С. 52–65.
5. Barren G.V., Depinet R.L. A reconsideration of testing for competence rather than intelligence // American Psychologist. 1991. V. 46 (10). P. 1012–1024.
6. Barnett R. The limits of competence: Knowledge, higher education and society. Buckingham, UK: Open University Press. 1994. 224 p.
7. Blokhuis F., Onstenk J. Competenties: mythen en mogelijkheden Competencies: myths and possibilities. s-Hertogenbosch: CINOP, Twente University, 1993. P. 245–249.
8. Boreham N. A theory of collective competence: Challenging the neo-liberal individualisation of performance at work // British Journal of Educational Studies. 2004. V. 52. P. 5–17.
9. Bates I. The competence movement and the National Vocational Qualification framework: The widening parameters of research // British Journal of Education and Work. 1995. V. 8 (2). P. 5–13.
10. Boyatzis R.E. The Competent Manager: A model for effective performance. Chichester: John Wiley & Sons, 1982. P. 102–108.
11. Collins English Dictionary. Glasgow: University Press, 2006. 704 p.
12. Concise Oxford English Dictionary / Eds. Fowler F.G., Fowler H.W. Oxford: Oxford University Press, 2002. 1728 p.
13. Delamare-Le Deist F.O., Winterton J. What Is Competence? // Human Resource Development International. 2005. V. 8 (1). P. 27–47.
14. Keen K. Competence: What is it and how can it be developed? // J. Lowyck, P. de Potter, J. Elen (Eds.). Instructional Design: Implementation Issues. Brussels: IBM Education Center, 1992. P. 111–122.
15. Klemp G.O. Jr. The Assessment of Occupational Competence. Report to the National Institute of Education. Washington, DC, 1980. P. 4–15.
16. Lum G. Where's the competence in competence-based education and training? // Journal of Philosophy of Education. 1999. V. 33 (3). P. 403–418.
17. Hyland T. Reconsidering competence // Journal of Philosophy of Education. 1997. V. 31 (3). P. 491–503.
18. Maloney M.P., Ward M.P. Psychological Assessment. A conceptual approach. N.Y.: Oxford University Press, 1976. 448 p.
19. McClelland D.C. Testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist. 1973. V. 28. P. 1–14.
20. Merrell K.W. Assessment of behavioral, social, and emotional problems. N.Y.: Longman, 1994. 304 p.
21. Mirabile R.J. Everything you wanted to know about competency modeling // Training and Development. 1997. August. P. 73–77.
22. Parry S.B. The quest for competencies: competency studies can help you make HR decision, but the results are only as good as the study // Training. 1996. V. 33 (7). P. 48–56.
23. Pearn M.A., Kandola R.S. Designing and achieving competency: a competency-based approach to developing people and organizations. Identifying competencies //

- Boam R., Sparrow P. (Eds). Maidenhead: McGraw-Hill. 1992. P. 31–49.
24. Ros M., Schwartz S.H., Surkiss S. Basic Individual values, work values, and the meaning of work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. V. 48. P. 49–71.
 25. Sparrow P.R., Bognanno M. Competency requirement forecasting: issues of international selection and assessment // *International Journal of Selection and Assessment*. 1993. V. 1. P. 50–58.
 26. Spencer L.M., Spencer S.M. Competence at work: models for superior performance. N.Y. [etc.]: John Wiley, 1993. 384 p.
 27. Sultana R.G. Competence and competence frameworks in career guidance: complex and contested concepts // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2009. V. 9. P. 15–30.
 28. Super D.E. The psychology of careers. N.Y.: Harper Row, 1997. 362 p.
 29. Weinert F.E. Concept of competence: A conceptual clarification. In: D.S. Rychen, L.H. Salganik (Eds.). *Defining and selecting key competencies*. Seattle: Hogrefe & Huber, 2001. P. 46–65.
 30. Woodruffe C. Competent by any other name // *Personnel Management*. 1991. № 9. P. 12–24.

COMPETENCES AS SYMPTOMOCOMPLEXES: BIOLOGICAL AND SOCIAL DETERMINATION⁴

V. A. Tolochek*, A. S. Mashkova**

Institute of Psychology of RAS;

129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.

**ScD (Psychology), Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Labour,
Engineering Psychology and Ergonomics.*

E-mail: tolochekva@mail.ru

***Postgraduate Student.*

E-mail: anya_12@mail.ru

Received 22.07.2020

Abstract. The phenomenon of “competence” and the competence-based approach are discussed. The role of biological (gender, age) and social factors (length of service, management experience, position held, career) in determining the success of the subjects' activities is considered on the example of assessments by managers-experts of Russian companies of a model of 29 competencies. The article presents the results of empirical studies in their step-by-step analysis: a general sample ($n = 103$) — employees of one organization ($n = 69$) — data subjects performing similar work functions: “result-managers” ($n = 51$) and “process-managers” (18 hours). It is shown that: there are statistical differences in the choice (assessments, preferences) of competencies by representatives of different social groups; competencies are symptomocomplexes of explicit and implicit qualities; currently significant competencies in the perception of managers are a limited number (12–13). It is stated: 1. The interpretations of competencies presented by foreign and domestic specialists are not coordinated with each other; different concepts are offered on all key issues. The competence-based approach is a set of historically transient scientific concepts of the scale of “small theories”. 2. Competencies are multi-component and multi-level psychological formations, complex symptom complexes of qualities of a different nature, evolving in stages, determined by different factors (biological and social), providing different levels of regulation of human activity and behavior. In the processes of evolution of the subject, competencies and their components move from explicit qualities to the level of implicit ones. 3. Biological factors (gender, age) and social (general experience, length of service in a position, functional responsibilities, social roles, career success, etc.) differ as determinants. Extensive social experience of a person, reflected in age and seniority, gives a way to the role of gender and intensive experience acquired in the performance of certain work functions and social roles.

Keywords: competencies, managers, experts, symptom complexes, determinants, gender, age, length of service, position, career, experience, success, explicit, implicit.

⁴ The work was performed in accordance with the state task № 0138-2021-0010 “Regulation of professional interaction in the conditions of organizational and technological challenges”.

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Aleksandrova N.L.* Sub"ektivnyi opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya. Moscow: Izd-vo "Institut psikologii RAN", 2009. (In Russian)
2. *Tolochek V.A.* Tipovyye stili sportivnoy deyatel'nosti kak psikhologicheskii fenomen: resursy effektivnosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2016. V. 37. № 6. P. 70–82. (In Russian)
3. *Tolochek V.A.* *Psikhologiya truda*. 3-e izd., dop. Saint Petersburg: Piter, 2019. (In Russian)
4. *Tolochek V.A.* Kontinuum "zadatki — sposobnosti — professional'no vazhnye kachestva — kompetentsii": otкрыtye voprosy. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 4. P. 52–65. (In Russian)
5. *Barren G.V., Depinet R.L.* A reconsideration of testing for competence rather than intelligence. *American Psychologist*. 1991. V. 46 (10). P. 1012–1024.
6. *Barnett R.* The limits of competence: Knowledge, higher education and society. Buckingham, UK: Open University Press, 1994. 224 p.
7. *Blokhuis F., Onstenk J.* Competencies: mythen en mogelijkheden Competencies: myths and possibilities. s-Hertogenbosch: CINOP, Twente University, 1993. P. 245–249.
8. *Boreham N.* A theory of collective competence: Challenging the neo-liberal individualisation of performance at work. *British Journal of Educational Studies*. 2004. V. 52. P. 5–17.
9. *Bates I.* The competence movement and the National Vocational Qualification framework: The widening parameters of research. *British Journal of Education and Work*. 1995. V. 8 (2). P. 5–13.
10. *Boyatzis R.E.* The Competent Manager: A model for effective performance. Chichester: John Wiley & Sons, 1982. P. 102–108.
11. Collins English Dictionary. Glasgow: University Press, 2006. 704 p.
12. Concise Oxford English Dictionary. Eds. Fowler F.G., Fowler H.W. Oxford: Oxford University Press, 2002. 1728 p.
13. *Delamare-Le Deist F.O., Winterton J.* What Is Competence? Human Resource Development International. 2005. V. 8 (1). P. 27–47.
14. *Keen K.* Competence: What is it and how can it be developed? In: J. Lowyck, P. de Potter, J. Elen (Eds.). *Instructional Design: Implementation Issues*. Brussels: IBM Education Center, 1992. P. 111–122.
15. *Klemp G.O. Jr.* The Assessment of Occupational Competence. Report to the National Institute of Education. Washington, DC, 1980. P. 4–15.
16. *Lum G.* Where's the competence in competence-based education and training? *Journal of Philosophy of Education*. 1999. V. 33 (3). P. 403–418.
17. *Hyland T.* Reconsidering competence. *Journal of Philosophy of Education*. 1997. V. 31 (3). P. 491–503.
18. *Maloney M.P., Ward M.P.* Psychological Assessment. A conceptual approach. New York: Oxford University Press, 1976. 448 p.
19. *McClelland D.C.* Testing for competence rather than for intelligence. *American Psychologist*. 1973. V. 28. P. 1–14.
20. *Merrell K.W.* Assessment of behavioral, social, and emotional problems. N.Y.: Longman, 1994. 304 p.
21. *Mirabile R.J.* Everything you wanted to know about competency modeling. *Training and Development*. 1997. August. P. 73–77.
22. *Parry S.B.* The quest for competencies: competency studies can help you make HR decision, but the results are only as good as the study. *Training*. 1996. V. 33 (7). P. 48–56.
23. *Pearn M.A., Kandola R.S.* Designing and achieving competency: a competency-based approach to developing people and organizations. Identifying competencies. In: Boam R., Sparrow P. (Eds.). Maidenhead: McGraw-Hill, 1992. P. 31–49.
24. *Ros M., Schwartz S.H., Surkiss S.* Basic Individual values, work values, and the meaning of work. *Applied Psychology: An International Review*. 1999. V. 48. P. 49–71.
25. *Sparrow P.R., Bognanno M.* Competency requirement forecasting: issues of international selection and assessment. *International Journal of Selection and Assessment*. 1993. V. 1. P. 50–58.
26. *Spencer L.M., Spencer S.M.* Competence at work: models for superior performance. New York [etc.]: John Wiley, 1993. 384 p.
27. *Sultana R.G.* Competence and competence frameworks in career guidance: complex and contested concepts. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2009. V. 9. P. 15–30.
28. *Super D.E.* *The psychology of careers*. New York: Harper Row, 1997. 362 p.
29. *Weinert F.E.* Concept of competence: A conceptual clarification. In: D.S. Rychen & L.H. Salganik (Eds.). *Defining and selecting key competencies*. Seattle: Hogrefe & Huber, 2001. P. 46–65.
30. *Woodruffe C.* Competent by any other name. *Personnel Management*. 1991. № 9. P. 12–24.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.95

ИННОВАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ¹

© 2021 г. Г. М. Аванесян^{1,*}, Г. В. Акопов^{2,**}, Л. С. Акопян^{2,***},
М. В. Ермолаева^{3,****}, Д. В. Лубовский^{4,*****}, С. Солотарев^{5,*****}

¹Ереванский государственный университет;

0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1, Республика Армения.

²Самарский государственный социально-педагогический университет;

443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67, Россия.

³Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана;

105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1, Россия.

⁴Московский государственный психолого-педагогический университет;

127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

⁵Университет высших исследований в области математической психологии ЕНЕРМ;

75013, г. Париж, ул. Глясьер, д. 16, Франция.

*Доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии.

E-mail: avanesyang@mail.ru

**Доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии.

E-mail: akorovgv@gmail.com

***Доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии.

E-mail: akolubov@mail.ru

****Доктор психологических наук, профессор кафедры промышленной логистики.

E-mail: mar-erm@mail.ru

*****Кандидат психологических наук, профессор кафедры

“Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова”.

E-mail: lubovsky@yandex.ru

*****PhD, директор ЕНЕРМ.

E-mail: stephane.solotareff@gmail.com

Поступила 14.10.2020

Аннотация. Рассматриваются вопросы психологической составляющей человеческого капитала применительно к управленческим кадрам. Обосновывается, что данная проблема затрагивает не только сферы производства, медицины, образования, но также в значительной мере социального управления. Обсуждается возможность системной интеграции существующих подходов. В качестве системного основания избрана категория сознания. Представлено новое структурное и содержательное наполнение понятия “инновационное сознание”, основанное на двухфакторной модели сознания. Осуществлена операционализация понятия в коммуникативной и творчески-созидательной структурных составляющих; определены соответствующие характеристики психических процессов, состояний и свойств личности-индивидуальности управленческих кадров с высокой склонностью к инновациям. В качестве критериального признака инновационности определена надситуативная активность личности с мотивацией преодоления границ. В соответствии с данной структурой атрибутируется схема психологической оценки инновационной компетентности управленческих кадров. Проект может быть оптимально адаптирован к программам профессиональной подготовки, переподготовки и экспертной оценки управленческих кадров.

Ключевые слова: социальная ситуация, управленческие кадры, человеческий капитал, структура сознания, творчество, коммуникация, надситуативная активность, инновационное сознание.

DOI: 10.31857/S020595920015185-9

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00816.

Фактор неопределенности в современной экономической, политической и социокультурной жизни создает множество проблемных ситуаций, требующих своевременных и нестандартных решений [17]. Для этого необходима разработка теоретических основ и методического инструментария по оценке способности людей к соответствующей инновационной деятельности. Совокупность творческих и коммуникативных способностей управленческих кадров является одной из важных составляющих человеческого капитала. Проблема человеческого капитала выходит на первый план, оформляясь научно-теоретически и практически не только в экономике, но и в политике, социологии, психологии и т.д., а также в разных отраслях управления, включая управление интеллектуальными ресурсами [3; 31]. В этом контексте следует отметить задачу управления талантами, включенную А.Л. Журавлевым и А.Н. Занковским в перспективу развития организационной психологии [13].

Тема человеческого капитала может рассматриваться также в категориях социального капитала и его психологической составляющей, т.е. социально-психологического капитала личности [24]. Мы согласны с мнением многих исследователей в том, что «люди являются важной частью богатства наций и что обоснованные инвестиции в человеческий капитал могут раскрыть большинство запутанных вопросов, которые непосредственно связаны с разгадкой экономического роста» [31, с. 4]. В тему человеческого капитала органично вписываются известные работы С.Л. Рубинштейна «Бытие и сознание. Человек и мир» [22], а также работы К.А. Абульхановой-Славской «Психология и сознание личности» [2], «Стратегия жизни» [1]. Согласно Рубинштейну, сознание обуславливает «все, на что распространяется деятельность человека» [22, с. 280]. Личность в исследованиях Абульхановой-Славской обретает посредством сознания высшие жизненные способности. Эти и другие связанные с ними положения авторов убеждают нас в том, что субъективизация человеческого капитала осуществляется в явлениях сознания.

В рамках темы человеческого капитала проблема психологического капитала анализируется с точки зрения современной позитивной психологии в работе М.В. Ермолаевой и Д.В. Лубовского [11]. Авторами выявлены средства, используемые успешными менеджерами проектов, для формирования положительных эмоциональных отношений в группе с целью вовлечения сотрудников в инновационную активность. Психологический капитал персонала рассматривается как система личностных

ресурсов, включающая самоэффективность, оптимизм, видение перспективы (целеполагание) и жизнестойкость; исследователи выявили связь перечисленных факторов с инновационным поведением и эффективностью профессиональной деятельности. Ресурсы инновационного поведения в контексте проектного менеджмента рассматриваются также в работе М.В. Ермолаевой и Ж.М. Кокуевой, в частности анализируются социально-психологические факторы, стимулирующие инновационную деятельность, а также качества субъектов инновационной деятельности: креативность, лидерство, инновационная восприимчивость, мотивация инноваций [10]. На основе теоретического анализа проблемы авторы предлагают ролевой подход к исследованию инновационной деятельности.

В современном менеджменте все более необходимыми становятся исследования внутренней мотивации поведения людей. Углубленное изучение внутренней мотивации в исследовании S. Solotareff основано на принципах мотивационного психоанализа Поля Диеля [33] и включает выявление и учет индивидуально-психологических различий кадровых работников, объединенных во временные или постоянные группы для решения инновационных задач. S. Solotareff выделил следующие социально-когнитивные типы субъектов взаимодействия в социальных группах: 1) «двигатели» или «побудители», т.е. люди-генераторы идей; 2) «последователи» или ведомые (исполнители идей); 3) сомневающиеся, колеблющиеся, инертные, т.е. так называемые тормозные. В контексте проблемы инноваций в рассматриваемой типологии представители первой группы определяют возможности инновационной активности организации. Знание о данных типах, учет количества представителей каждого из типов и их распределение внутри тех или иных групп, т.е. управление составом групп, повышают эффективность организации, а также, что весьма важно, субъективное благополучие сотрудников [33].

С позиций социально-ролевой идентичности менеджеров двух сопоставляемых организаций (инновационное предприятие и кризисное предприятие, находящееся в стадии перехода на другую форму производства) изучаются ресурсы инновационного развития в работе В.Г. Грязевой-Добшинской, Ю.А. Дмитриевой, С.Ю. Коробовой. Выявлено, в частности, что «менеджеров инновационного предприятия характеризует направленность на принятие креативных поведенческих моделей» [9, с. 143]. В связи с этим выводом хотелось бы

отметить, что “кризисное предприятие” не менее нуждается в инновационном менеджменте.

Таким образом, суммируя представленные выше лично-ролевые и социально-ролевые подходы с широко распространенным компетентностным подходом в профессионально-инновационной активности управленческих кадров, можно условно говорить о системе факторов инновационной активности в управлении [26]. Условность связана с тем, что в известных нам научных источниках по данной проблеме не выделен системообразующий признак, являющийся основанием этой системы. Можно предположить, что в качестве системного основания может выступать категория компетентности, однако известные трактовки этого понятия не артикулируют свойства инновационности.

Между тем в исследованиях человеческого капитала и его развития в условиях современных глобальных изменений возникает необходимость привлечения для анализа и поиска технологических решений в этой сфере такой фундаментальной характеристики человека, как *сознание* [6]. Новые постановки и предлагаемые решения проблемы сознания представляют один из новых мейнстримов современной научной мысли. Об актуальности исследования сознания в сфере инноваций говорят данные McKinsey and Company, согласно которым 84% руководителей отмечают важность инноваций для стратегического менеджмента и оперативного управления в своих организациях, а из них только 6% осознают релевантную проблему и каким образом можно достичь инновационности [30]. Главная сложность руководства организацией в этом контексте состоит в том, что инновации невозможны без подготовленных управленческих кадров, обладающих высоким уровнем инновационного, творческого сознания. В логике исследований проблемы сознания может быть заключено обоснование того, что системообразующим признаком конструируемой структуры инновационной активности вообще и управленческих кадров в частности является категория сознания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятия “инновационное сознание” и “творческое сознание” можно дифференцировать в логике различий между творчеством и инновацией. Главным отличительным признаком инноваций, на наш взгляд, является расширение творчества до процесса созидания, т.е. воплощение творческого замысла в конкретном технологическом продукте. Словосочетание “инновационное сознание”

целесообразно рассматривать как понятие с позиций проективного соотнесения значения термина “инновация” с категорией сознания. Категориальный подход позволяет систематизировать множество современных представлений о сознании как в отечественной, так и в зарубежной конкретно-научной, а также философской литературе [5]. В работе Т. Honderich выделяется ряд “ведущих идей”, связанных с поиском основного признака, позволяющего идентифицировать сознание в системе ментальных (психических) явлений [29]. В качестве соответствующих базовых понятий рассматриваются, в частности, “квалиа” (некоторый аналог сенсорного либо перцептивного сознания), “субъективность” — аналог понятия “отношение” по В.Н. Мясичеву (подробнее см. [16]), “интенциональность” как “объектная” определенность сознания, выражающаяся в направленности на те или иные объекты, что весьма близко к определению Ф. Brentano и др.

В современных отечественных теориях сознания, инициированных исследованиями В.П. Зинченко [14] и представленных в работах В.М. Аллахвердова [8], А.В. Карпова [15], В.И. Панова [18], В.Ф. Петренко [20] и др., во многом наследующих традиционную отечественную методологию, вопросы дефиниции сознания не вынесены на первый план, как это прослеживается в современных англоязычных исследованиях по проблеме сознания [5].

Хорошо известно, что идентификация сознания как социально-коммуникативного явления отчетливо представлена в работах Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Дж. Мида и др. На этих и других основаниях соавтором настоящей статьи сконструирована двухфакторная модель сознания [4]. Структура сознания, согласно этой модели, включает два комплекса компонентов сознания.

1. *Комплекс непрерывного контакта* индивида с природной и социальной средой, а также с самим собой в формах информационной, смысловой и рефлексивной коммуникации, или аутокоммуникации. В различных модусах сознания с соответствующими “языками сознания” (телесный, образный, интонационный, аффективный и т.д. [4]) реализуются специфичные виды и типы коммуникативного контакта в тех или иных формах взаимодействия индивида с внешней природной и социальной, а также внутренней (человеческий организм) средой. О соответствующих видах и типах сознания — телесного, сенсорного, перцептивного, когнитивного, аффективного, мотивационного, действенного и др. — можно судить на основании наличия обратной связи с использованием

био- и социоэволюционно сформировавшихся *знаковых средств*.

2. *Комплекс свободы* в пространствах внешних и внутренних контактов индивида, реализуемой в формах *выбора* или *творчества* как поиска и нахождения новых возможностей жизнедеятельности субъекта в самом широком спектре видов активности, а также *созидания* в той или иной форме практической реализации творческих решений. Внешнее и внутреннее пространства свободы могут не совпадать, либо пересекаться, либо быть “вложенными” одно в другое [4].

В соответствии с двухфакторной моделью понятие *инновационного сознания* может быть отождествлено с дуальностью творческой (созидательной) деятельности в рамках коммуникативной доминанты во внешнем или внутреннем пространстве коммуникаций субъекта инновационной активности.

Классифицируя многообразие проявлений инновационного сознания по критерию той или иной сферы жизнедеятельности человека — образование, экономика, здравоохранение, культура, социальная сфера и т.д., можно выделить соответствующие виды инновационного сознания. Типы инновационного сознания обусловлены психологическими характеристиками, лежащими в основе инновационной активности. В частности, можно говорить о сенсорно-перцептивной, когнитивной, аффективной, мотивационно-действенной или волевой составляющих как модусах инновационного сознания. К процессам инновационного сознания следует отнести: инновационное внимание, восприятие, мышление, воображение и т.д.; инновационный интерес, удивление, воодушевление и т.д.; инновационный мотив, мотивацию, волю, действие, поведение.

Устойчиво проявляющееся в различных видах деятельности инновационное сознание можно рассматривать как индивидуально-психологическую характеристику личности. Согласно данным, полученным в исследовании О.С. Советовой, инновационная диспозиция распределена среди населения в следующих пропорциях: консерваторы — 33%, умеренные — 39%, инноваторы — 20%, радикальные инноваторы — 8%. В континууме “традиционное — инновационное сознание” доминируют, согласно данным автора, умеренные и консервативные диспозиции [23].

Условия современной жизни характеризуются высокой ситуативной изменчивостью и неопределенностью, которая становится нормой повседневности во всех сферах жизнедеятельности человека [17], соответственно, личность, обладающая

инновационным сознанием, более органично вписывается в жизненное пространство с высокой степенью неопределенности. Мы предполагаем, что особо важной сегодня поведенческой характеристикой личности с инновационным сознанием является *надситуативная активность*, она же может выступать в качестве одной из критериальных характеристик инновационности личности. Понятие надситуативной активности теоретически и экспериментально обосновано В.А. Петровским [21]. Надситуативная активность личности (субъекта) относится к классу психических явлений, существующих в формах процессов, состояний и свойств личности-индивидуальности, реализующихся в познавательной и эмоционально-волевой активности субъекта. Надситуативную активность можно определить как самоиницируемый субъектом профессиональной или иной деятельности выход за рамки установленных условий, правил, действий, границ, мнений, оценок и т.д. Очевидно, что надситуативная активность по своему содержанию может быть качественно различной. Понятие надситуативной активности в некоторой степени эквивалентно понятию когнитивной флексibility (cognitive flexibility [28]). Выделяются, в частности, следующие основные элементы когнитивной флексibility: 1) установка восприятия сложных ситуаций как контролируемых; 2) способность к выработке нескольких альтернативных объяснений наличной ситуации и вариантов решений по выходу из нее [28].

В соответствии с предложенной выше двухфакторной моделью сознания, простейшим видом надситуативной активности можно считать более или менее рефлекслируемый выбор известных субъекту по прошлому опыту форм активности, но не вытекающих непосредственно из наличной ситуации. Более сложный вид — *надситуативная творческая активность* (НТА), которая предполагает осознанный выход за пределы тех или иных ограничений, контекстно представленных в любой ситуации посредством переосмысления, поиска и нахождения ранее неизвестных форм активности. Мы полагаем, что надситуативная творческая активность может быть идентификатором инновационного сознания в случае технологического оформления, найденного субъектом творческого решения ситуативной задачи в целях практического использования. В этом процессе фактор внешней (межличностной) коммуникации выходит на первый план, обеспечивая репрезентативный (речевой) уровень сознания; надситуативное творческое сознание, обеспечиваемое преимущественно процессами внутренней коммуникации субъекта, осуществляется с опорой

на сенсорное, перцептивное, аффективное и другие виды неречевого сознания.

Инновационные способности личности в логике надситуативной творческой активности могут спонтанно (ненамеренно) проявляться в процессе решения профессиональных задач, что можно условно обозначить как “инновационное предсознание”. Обращаясь к мотивационной составляющей надситуативной активности, отметим, что в случае осознаваемой мотивации, “надситуативный мотив” [21] может сочетаться с другими — подчиненными, “сопутствующими” или альтернативными мотивами. Вместе с тем в мотивационной структуре НТА, в ситуациях внешнего стимулирования инновационной активности, могут встречаться манипулятивные мотивы (инновация ради инноваций). Об экономическом и социальном вреде псевдоинноваций, а также потенциальной личностной деформации носителей псевдоинновационного сознания не приходится говорить. Надситуативный мотив можно рассматривать как бессознательную установку на ориентировку в зоне явно или неявно установленных границ, запретов, непреодолимых трудностей, опасности и т.д. В.А. Петровский в качестве ядра надситуативного мотива определяет мотив границы, точнее, мотив преодоления границы [21].

Таким образом, общая мотивация инновационной активности в ее надситуативных проявлениях может включать, помимо вышеупомянутых и, возможно, других известных мотивов, также мотив преодоления границы (границы известного—неизвестного, воображаемого—фактического, успешного—неуспешного и т.д.). Мотив преодоления границы взаимодействует с другими мотивами инновационной деятельности в двух вариантах: а) увеличивает силу и может изменять вектор исходного мотива; б) трансформирует исходный мотив в направлениях от общего к частному или от частного к общему. Применение двухфакторной модели сознания открывает новые возможности исследования и регуляции надситуативной активности как важнейшей характеристики инновационной деятельности. Данная модель также способствует интеграции традиционных и современных представлений о сознании, что авансирует возможность конструирования целостного знания [19].

Рассмотренный нами подход может быть использован для конструирования методических инструментов диагностики инновационной деятельности и инновационного сознания. Так, М.В. Ермолаевой с соавторами на основе ролевого подхода были выделены типы инновационного поведения, в соответствии с которыми создана методика парного

сравнения предпочитаемых типов инновационного поведения. В эмпирическом исследовании с участием сотрудников промышленных предприятий, задействованных в инновационных проектах по разработке и внедрению системы управления информацией на предприятии, авторы исследовали виды инновационного поведения участников проектных команд и обнаружили, что имеется связь между предпочитаемыми ролями в проектной команде (инновационное сознание) и типами инновационного поведения ее участников [12], что созвучно полученным данным в исследовании S. Solotareff [32].

Принятие за основу двухфакторной модели сознания открывает возможности психологической диагностики структуры и уровня инновационного сознания. Экспертная оценка высокого уровня инновационного сознания как показателя инновационной компетентности субъекта может осуществляться по результатам наблюдений или психологической диагностики, а также экспертного обсуждения и интерпретации достижений субъекта инноваций, в соответствии с которыми определяется уровень инновационного сознания как необходимой психологической составляющей инновационной компетентности по следующим четырем группам показателей.

1. Эмоциональная вовлеченность. В соответствии с многомерным подходом к эмоциональным явлениям, представленным в работах Л.С. Акопян [7], фиксируются следующие показатели: качественно-количественное многообразие эмоциональных реакций в процессах постановки и решения инновационных задач (интерес, радость, удивление, воодушевление, “рабочая злость” и т.д.); частотно-временная характеристика эмоциональной наполненности инновационной активности; эмоциональная широта (пространство); интенсивность эмоций; круг людей, эмоционально разделяющих инновационную активность субъекта; способность к эмоциональной саморегуляции состояний инновационной активности.

2. Когнитивная вовлеченность характеризуется направленностью познавательных процессов (мышление, воображение, внимание, память, перцепция и т.д.) на инновационную активность субъекта.

3. Поведенческая вовлеченность характеризуется произвольным или непроизвольным удержанием инновационной задачи в сознании личности независимо от времени и места нахождения; вариативность аргументации (переформулирование) в обосновании вариантов решения; вариативность самооценки и рефлексия внешней оценки полученного

результата; поиск или конструирование других аналогичных задач либо новых, сопряженных с исходной.

4. Личностная вовлеченность характеризуется устойчивой инновационной направленностью и периодической саморефлексией в инновационной активности.

При оценке вышеприведенных компетентностных характеристик инновационного сознания личности также необходимо обратить внимание на динамику сопутствующих психических состояний: увлеченность процессом, концентрированность внимания, заинтересованность, неистощаемость поисковой активности и другие психические состояния, сходные с состоянием потока [25]. В случае комплексной оценки эксперт конструирует соответствующую градацию количественных интервалов оценки уровня инновационного сознания. Эксперт может фиксировать наличие мотива преодоления границы по числу “центраций” в области границы по критерию ее соблюдения — игнорирования (переходы).

ОБСУЖДЕНИЕ

Основной целью исследования является обоснование содержательного и структурного определения понятия “инновационное сознание”. Содержательная основа понятия конструируется посредством системного объединения психологических характеристик в научных представлениях о сознании и инновациях. Новизна такого решения связана с современной “платформой” множественности идентификации сознания с возможностью выбора той или иной концепции, подходящей для решения рассматриваемой прикладной задачи.

В работе постулируются следующие положения: 1) современные сложные быстроизменяющиеся условия экономической, социальной и иной деятельности человека предполагают для решения новых актуальных задач ресурсное обеспечение, включающее в качестве важнейшего человеческий капитал; 2) основополагающей функциональной составляющей человеческого капитала в целевом контексте устойчивого развития является управленческая компетентность; 3) выходящий сегодня на первый план субъективный фактор определяет в качестве главной структурной составляющей человеческого капитала сознание как высшую психическую функцию человека.

В этой логике и на основе обобщения представленных в статье психологических исследований инновационной активности в отечественной

и зарубежной литературе констатируется необходимость поиска нового основания для оформления системы характеристик инновационной компетентности. В качестве такового рассматривается категория сознания в модусе инновационности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный нами анализ проблемы инноваций в управлении позволил выявить различные подходы при отсутствии общетеоретического взгляда, позволяющего системно подойти к ее решению. Отталкиваясь от исходной для многих исследователей позиции отнесения потенциалов инновационного развития к явлению человеческого капитала, выше рассмотрена категория сознания в качестве общетеоретической основы решения проблемы инноваций. Понятие инновационного сознания, согласно двухфакторной модели, структурно объединяет внешнюю и внутреннюю коммуникативную активность личности с творческой и созидательной направленностью. Критериальной характеристикой инновационности в настоящем проекте выступает надситуативная активность личности с мотивацией преодоления явных и неявных границ, а также психологическая реверсия делового и игрового мышления.

Качественный состав, предложенный авторами структуры инновационного сознания, позволяет также определить направление операционализации концепта, а в перспективе технологизировать представленную в данной статье психологическую систему экспертной оценки типов и уровней инновационного сознания. На этой основе возможна также разработка программ по усовершенствованию психологической подготовки управленческих кадров в сфере инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности. М.: МОДЭК, 1999.
3. Аванесян Г.М. Проблемы адекватности и практической системы психологической оценки человеческого капитала // Актуальная психология. Научный вестник. 2019. № 2 (4). Ереван, Армения. С. 52–62.
4. Акопов Г.В. Типология проблем в новом познании сознания // Мир психологии. 2016. № 2 (86). С. 178–191.

5. *Акопов Г.В.* Пространства значений категории сознания в современных русскоязычных и англоязычных исследованиях // Мир психологии. 2020. № 1 (101). С. 20–29.
6. *Акопов Г.В.* Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
7. *Акопян Л.С.* Многомерность как одна из форм интеграции в исследованиях эмоциональных явлений // Интегративный подход к познанию психологии человека: коллективная монография / Под ред. Е.Ю. Коржовой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 122–129.
8. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
9. *Грязева-Добшинская В.Г., Дмитриева Ю.А., Коробова С.Ю.* Векторы социально-ролевой идентичности менеджеров в контексте ресурсов инновационного развития организации // Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований / Отв. ред. Т.А. Нестик, Ю.В. Ковалева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 141–147.
10. *Ермолаева М.В., Кокуева Ж.М.* Ресурсы инновационного поведения в контексте проектного менеджмента // Инновации в менеджменте. 2019. № 3 (21). С. 22–29.
11. *Ермолаева М.В., Лубовский Д.В.* Психологический капитал менеджера проекта // Научный вестник “Актуальная психология”. 2019. № 2 (4). С. 150–155.
12. *Ермолаева М.В., Лубовский Д.В., Кокуева Ж.В., Третьякова В.А.* Изучение соотношения типов инновационного поведения и ролей в проектной команде // Актуальные проблемы психологического знания. 2020. № 1–2 (53). С. 34–46.
13. *Журавлев А.Л., Занковский А.Н.* Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77–88.
14. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
15. *Карпов А.В.* Психология сознания: метасистемный подход. М.: Изд. дом РАО, 2011.
16. *Карпова Э.Б., Исурина Г.Л., Журавлев А.Л.* Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
17. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
18. *Панов В.И.* Парадигмальный анализ проблемы сознания // Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.: Психологический институт РАО; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 152–178.
19. *Панферов В.Н., Микляева А.В.* Принцип целостности в интеграции психологического знания // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 5–14.
20. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2013.
21. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
22. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
23. *Советова О.С.* Возможности самореализации личности в контексте психологии инноваций // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростелевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 186–193.
24. *Татарко А.Н.* Социально-психологический капитал и предпринимательская активность личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 33–45.
25. *Чиксентмихайи М.* Поток. Психология оптимального переживания. М.: Смысл, 2011.
26. *Яголковский С.Р.* Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.
27. *Avanesyan H.M.* Strategy to develop the psychological criteria for staff selection // Wisdom. 2013. № 1 (1). P. 164–168.
28. *Dennis J.P., VanderWal J.S.* The cognitive flexibility inventory: Instrument development and estimates of reliability and validity // Cognitive Therapy and Research. 2010. V. 34. № 3. P. 241–253.
29. *Honderich T.* Actual Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2014.
30. *Jong M. de, Marston N., Roth E.* The Eight Essentials of Innovation. McKinsey Quarterly, 2015.
31. *Schultz T.W.* Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. V. 51. № 1. P. 1–17.
32. *Solotareff S.* La Gouvernance essentielle // Maitrise de soi avec la method de Paul Diel. Preface de J.-J. Pluchard Professeur a l'Universite Paris I Panteon-Sorbonne. El-lebore, 2012.
33. *Solotareff S.* Inefficiency in organizations and wellbeing // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2017. P. 951–961.

INNOVATIVE CONSCIOUSNESS OF MANAGEMENT STAFF: OPPORTUNITIES FOR PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT²

H. M. Avanesyan^{1,*}, G. V. Akopov^{2,**}, L. S. Akopian^{2,***}, M. V. Ermolaeva^{3,****},
D. V. Lubovsky^{4,*****}, S. Solotareff^{5,*****}

¹*Yerevan State University;*

0025, Yerevan, Alek Manukyan str., 1, Republic of Armenia.

²*Samara State Social and Pedagogical University;*

443099, Samara, M. Gorky str., 65/67, Russia.

³*Moscow State Technical University named after N.E. Bauman;*

105005, Moscow, 2nd Baumanskaya str., 5, bld. 1. Russia.

⁴*Moscow State University of Psychology and Education;*

127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.

⁵*University of Advanced Studies in Mathematical Psychology EHEPM;*

75013, Paris, Glacier str., 16, France.

^{*}*ScD (Psychology), Chair of General Psychology.*

E-mail: avanesyang@mail.ru

^{**}*ScD (Psychology), Head at the Department for General and Social Psychology.*

E-mail: akopovgv@gmail.com

^{***}*ScD (Psychology), Professor, Department of Pedagogy and Psychology.*

E-mail: akolubov@mail.ru

^{****}*ScD (Psychology), Professor of the Department of Industrial Logistics.*

E-mail: mar-erm@mail.ru

^{*****}*PhD (Psychology), Professor of the Department of Pedagogical Psychology
named after Professor V.A. Guruzhapov.*

E-mail: lubovsky@yandex.ru

^{*****}*PhD, Director of ENERM.*

E-mail: stephane.solotareff@gmail.com

Received 14.10.2020

Abstract. The article discusses the issues of psychological component to a human capital in relation to personnel management. The problem affects production, medical, educational scopes, as well as, to a large extent, social management. The possibility of system integration of existing approaches is discussed. The category of consciousness was chosen as a systemic basis. A new structural and substantive content of the concept of “innovative consciousness” is presented based on a two-factor model of consciousness. The concept was operationalized in the communicative and creative-constructive structural components; the corresponding characteristics of mental processes, states and properties of the personality-individuality of personnel with a high aptitude for innovation have been determined. As a criterion for innovativeness, the oversituational activity of a person with the motivation to overcome boundaries has been determined. In accordance with this structure, the scheme of psychological assessment of the innovative competence of the personnel is attributed. The project can be optimally adapted to the programs of professional training, retraining and expert assessment of HR personnel.

Keywords: social situation, personnel management, human capital, structure of consciousness, creativity, communication, oversituational activity, innovative consciousness.

REFERENCES

1. *Abul'hanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. Moscow: Mysl', 1991. (In Russian)*
2. *Abul'hanova-Slavskaya K.A. Psihologiya i soznanie lichnosti. Moscow: MODEK, 1999. (In Russian)*
3. *Avanesyan G.M. Problemy adekvatnosti i praktichnosti sistemy psichologicheskoy ocenki chelovecheskogo kapitala. Aktual'naya psichologiya. Nauchnyj Vestnik. 2019. № 2 (4). Erevan, Armeniya. P. 52–62. (In Russian)*

²The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00816.

4. *Akopov G.V.* Tipologiya problem v novom poznanii soznaniya. *Mir psilogiologii*. 2016. № 2 (86). P. 178–191. (In Russian)
5. *Akopov G.V.* Prostranstva znachenij kategorii soznaniya v sovremennyh russkoyazychnyh i angloyazychnyh issledovaniyah. *Mir psilogiologii*. 2020. № 1 (101). P. 20–29. (In Russian)
6. *Akopov G.V.* Psihologiya soznaniya: Voprosy metodologii, teorii i prikladnyh issledovaniy. Moscow: Izd-vo “Institut psilogiologii RAN”, 2010. (In Russian)
7. *Akopyan L.S.* Mnogomernost’ kak odna iz form integracii v issledovaniyah emocional’nyh yavlenij. Integrativnyj podhod k poznaniyu psilogiologii cheloveka: kollektivnaya monografiya. Ed. E.Yu. Korzhova. St. Petersburg: Izdatel’stvo RGPU im. A.I. Gercena, 2017. P. 122–129. (In Russian)
8. *Allahverdiv V.M.* Metodologicheskoe puteshestvie po okeanu bessoznatel’nogo k tainstvennomu ostrovu soznaniya. St. Petersburg: Rech’, 2003. (In Russian)
9. *Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Dmitrieva Yu.A., Korobova S.Yu.* Vektory social’no-rolevoj identichnosti menedzherov v kontekste resursov innovacionnogo razvitiya organizacii. Social’naya i ekonomicheskaya psilogiya. Chast’ 1: Sostoyanie i perspektivy issledovaniy. Ed. T.A. Nestik, Yu.V. Kovaleva. Moscow: Izd-vo “Institut psilogiologii RAN”, 2018. P. 141–147. (In Russian)
10. *Ermolaeva M.V., Kokueva Zh.M.* Resursy innovacionnogo povedeniya v kontekste proektnogo menedzhmenta. Innovacii v menedzhmente. 2019. № 3 (21). P. 22–29. (In Russian)
11. *Ermolaeva M.V., Lubovskij D.V.* Psihologicheskij kapital menedzhera proekta. Nauchnyj vestnik “Aktual’naya psilogiya”. 2019. № 2 (4). P. 150–155. (In Russian)
12. *Ermolaeva M.V., Lubovskij D.V., Kokueva Zh.V., Tret’yakova V.A.* Izuchenie sootnosheniya tipov innovacionnogo povedeniya i rolej v proektnoj komande. Aktual’nye problemy psilogicheskogo znaniya. 2020. № 1–2 (53). P. 34–46. (In Russian)
13. *Zhuravlev A.L., Zankovskij A.N.* Tendencii razvitiya organizacionnoj psilogiologii. *Psihologicheskij zhurnal*. 2017. V. 38. № 2. P. 77–88. (In Russian)
14. *Zinchenko V.P.* Miry soznaniya i struktura soznaniya. Voprosy psilogiologii, 1991. № 2. P. 15–36. (In Russian)
15. *Karpov A.V.* Psihologiya soznaniya: metasisistemnyj podhod. Moscow: Izd. dom RAO, 2011. (In Russian)
16. *Karpova E.B., Isurina G.L., Zhuravlyov A.L.* Psihologicheskaya koncepciya otnoshenij V.N. Myasishcheva: osnovy i sodержanie. *Psihologicheskij zhurnal*. 2020. V. 41. № 2. P. 5–14. (In Russian)
17. *Nestik T.A., Zhuravlyov A.L.* Otnoshenie k global’nym riskam: social’no-psihologicheskij analiz. *Psihologicheskij zhurnal*. 2018. V. 39. № 1. P. 127–138. (In Russian)
18. *Panov V.I.* Paradigmal’nyj analiz problemy soznaniya. *Ekopsihologiya: Paradigmal’nyj poisk*. Moscow: Psihologicheskij institut RAO; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 152–178. (In Russian)
19. *Panferov V.N., Miklyaeva A.V.* Princip celostnosti v integracii psilogicheskogo znaniya. *Psihologicheskij zhurnal*. 2019. V. 40. № 2. P. 5–14. (In Russian)
20. *Petrenko V.F.* Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaya paradigma. 2-e izd., dop. Moscow: Eksmo, 2013. (In Russian)
21. *Petrovskij V.A.* Chelovek nad situacijej. Moscow: Smysl, 2010. (In Russian)
22. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie. Chelovek i mir. St. Petersburg: Piter, 2003. (In Russian)
23. *Sovetova O.S.* Vozmozhnosti samorealizacii lichnosti v kontekste psilogiologii innovacij. *Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti*. Eds. A.A. Krylov, L.A. Korosteleva. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1997. P. 186–193. (In Russian)
24. *Tatarko A.N.* Social’no-psihologicheskij kapital i predprinimatel’skaya aktivnost’ lichnosti. *Psihologicheskij zhurnal*. 2013. V. 34. № 5. P. 33–45. (In Russian)
25. *Chiksentmihaji M.* Potok. Psihologiya optimal’nogo perzhivaniya. Moscow: Smysl, 2011. (In Russian)
26. *Yagolkovskij S.R.* Psihologiya innovacij: podhody, modeli, processy. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2011. (In Russian)
27. *Avanesyan H.M.* Strategy to develop the psychological criteria for staff selection. *Wisdom*. 2013. № 1 (1). P. 164–168.
28. *Dennis J.P., VanderWal J.S.* The cognitive flexibility inventory: Instrument development and estimates of reliability and validity. *Cognitive therapy and research*. 2010. V. 34. № 3. P. 241–253.
29. *Honderich T.* Actual Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2014.
30. *Jong M. de, Marston N., Roth E.* The Eight Essentials of Innovation. *McKinsey Quarterly*, 2015.
31. *Schultz T.W.* Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961. V. 51. № 1. P. 1–17.
32. *Solotareff S.* La Gouvernance essentielle. Maitrise de soi avec la method de Paul Diel. Preface de J.-J. Pluchard-Professeur a l’Universite Paris I Panteon-Sorbonne. El-lebore, 2012.
33. *Solotareff S.* Inefficiency in organizations and wellbeing. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2017. P. 951–961.

УДК 316.75

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ОБЫДЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН¹

© 2021 г. Д. А. Китова*, А. Л. Журавлев**

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, стр. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: j-kitova@yandex.ru

**Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН, там же.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 04.04.2021

Аннотация. Анализируется порождаемое индивидуальным и групповым опытом поколений обыденное сознание как фактор, отражающий общее состояние общества. Его носителями и одновременно субъектами жизнедеятельности являются члены общества, использующие данный феномен в целях адаптации к объективной реальности. Предметом исследования выступает положение о том, что в качестве составляющих обыденное сознание включает как логически выверенные, так и в значительной степени ошибочные мнения, подверженные эмоциональным оценкам, а также то, что включение в индивидуальное сознание новых качеств как его составляющих является сложным процессом. Все эти позиции позволяют рассматривать мировоззренческие представления (смыслообразующий компонент обыденного сознания) как историко-культурную особенность народов. В качестве основного методологического подхода избрано обращение к языковой парадигме научного изучения, согласно которому выделяются смысловые категории в текстах и проводится их количественный анализ, что позволяет выявить системные свойства феномена, а также иерархическую упорядоченность составляющих его элементов. Выделены доминирующие у российских пользователей сетей мировоззренческие установки, связанные с различными сферами жизнедеятельности человека и общества. Показано, что ведущими позициями в высказываниях пользователей выступают социальная и личностная значимость мировоззрения. Описываются психологические компоненты феномена (когнитивные, ценностные, эмоциональные и конативные) и их характерные особенности, выполняющие в современных условиях жизнедеятельности человека и общества функции регуляции поведения. Анализ эмоциональных оценок в высказываниях пользователей позволил выделить девять различных подгрупп эмоционального фона, показать основные содержательные концепты, лежащие в их основе, а также продемонстрировал явное доминирование негативного эмоционального фона. В результате был сформулирован подход к исследованию жизнедеятельности человека и общества, состоящий в выявлении из устного народного творчества единиц конкретных психологических феноменов и их последующего количественного и качественного изучения с помощью автоматизированных систем, позволяющих анализировать большое количество текстов, не поддающихся «ручной» обработке из-за своего чрезмерного объема. Описанные выше теоретико-методологические позиции позволяют отразить основные смыслы, которыми наделяется «мировоззрение» в рамках обыденного сознания, показать, что данный феномен имеет высокий уровень абстрагирования, его исследование обладает значительным прикладным смыслом, а игнорирование в рамках психологических концепций может приводить к фрагментарному толкованию многих психологических явлений.

Ключевые слова: обыденное сознание, мировоззрение, содержательно-структурный анализ, социальная и личностная значимость, психологические компоненты мировоззрения, эмоциональный фон, устное народное творчество, теоретические и прикладные смыслы.

DOI: 10.31857/S020595920016045-5

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00541.

ФЕНОМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Обыденное сознание, отражая общественное бытие сквозь призму повседневности и практического опыта людей, способно не только выражать общее состояние общества, но и оказывать в перспективе влияние на его социальное развитие. Уровень знаний, порождаемый индивидуальным и групповым/массовым опытом, накопленный многими поколениями и усвоенный в процессе социализации личности, повседневно используется населением в целях адаптации к реальности, выступая как некий культурный компонент и неотъемлемая характеристика любого национального типа сознания [2].

В силу своей социальной значимости обыденное сознание нашло свое отражение в работах многих представителей социогуманитарных наук (Б.А. Грушин, Т.А. Кузьмин, В.А. Штофф, В.Ж. Келле и др.), которые отмечают его ведущую особенность, связанную с тем, что оно носит дотеоретический характер и заключает в себе как логически выверенные, проверенные временем и личным опытом знания, так и в значительной степени ошибочные, иногда даже наполненные предрассудками и заблуждениями, ложные воззрения. Такого рода противоречия в картине мира не всегда воспринимаются человеком на логическом уровне, так как относятся к разным фрагментам и компонентам жизнедеятельности, потребность в сопоставлении которых зачастую отсутствует [11].

Но даже осознаваемые искажения могут не подвергаться критическому анализу в силу того, что они носят распространенный характер, содержат в себе, кроме познавательного отношения к миру, еще и соционормативное наполнение, позволяя чувствовать собственную принадлежность к определенной группе [10]. Так, в работе “Психология обыденного сознания” Е.В. Улыбина отмечает, что в условиях повседневной жизнедеятельности люди действуют, опираясь не на логические выводы, доступные их интеллекту, а повинаясь влиянию эмоциональных реакций или различным внешним тенденциям, например, состоящим в стремлении сохранить единство с группой, не менять уже сложившегося мнения, воспроизводить в своем поведении стратегии, выработанные в ходе продолжительной социальной эволюции, следуя традициям, сохраняющимся тысячелетиями [19]. На представления, которые зависят от принадлежности к определенной социальной группе и определяют не критичное

и в некотором смысле нерациональное восприятие окружающей действительности, указывал С. Московичи, отмечая, что они (представления) способствуют групповому единству, позволяют подтверждать истинность и значимость принятых мнений [9].

Отечественными исследователями широко разрабатываются личностные аспекты мировоззрения, а также инкорпорированность индивидуального сознания в общие социальные процессы: индивидуальная реальность и собственное понимание этой реальности считаются “само собой разумеющимися для обычного человека” [4, с. 77], а общественное сознание и общественные идеи, взгляды и настроения — это не что иное, как “формирующиеся в процессе развития общества идеи и взгляды конкретных людей, живущих и действующих в определенных *исторических* условиях” [6, с. 69]. Не остались без внимания и вероятности обратного влияния, в частности, увязанные с тем, что общественное сознание первично и передает индивидуальному сознанию определенные нормы, правила, обычаи, традиции, которые отличают одно общество от другого [1]. Рассуждения об индивидуальных субъектах жизнедеятельности — носителях сознания можно дополнить мнением С. Лурье, который отмечал, что внесение в индивидуальное сознание новых качеств — очень трудоемкий и тяжелый процесс [8].

Вместе с тем стоит отметить, что при выраженном интересе исследователей к анализируемому феномену четкого определения понятия “обыденное сознание” в психологии к настоящему времени так и не сложилось, хотя существует единство в признании того факта, что обыденное сознание не может быть бессистемной совокупностью различных фрагментов сознания, поскольку является отражением многовекового опыта, формирующегося в повседневной жизни и практике большого количества людей [17].

С психологической точки зрения в качестве *общения* можно отметить, что обыденное сознание носит *проблемный* характер, и это находит свое подтверждение в результатах многочисленных эмпирических исследований. Так, в работе Р.Н. Щербакова рассматривается соотношение научного и обыденного знания через анализ особенностей соотношения школьных знаний по естественным наукам и здравого смысла учащихся. Результаты исследования позволили автору выявить эффект “сопротивление здравого смысла” усвоению многих проблем естественных наук, в частности физики. Автор отмечает, что “понятия и законы ее (физики. — *Авт.*) часто находятся в явном несогласии

Таблица 1. Результаты автоматизированного частотного и эмоционального анализа слов

Слова с положительным эмоциональным фоном	Слова с отрицательным эмоциональным фоном
24 нрав* 0.02879519354213368	128 люд* -0.11781376830185764
19 музык* 0.06471923655933803	106 человек* -0.13646802996759708
14 повлия* 0.17840999205197608	71 жизн* -0.09777432700826062
12 перевернул* 0.23540934175252914	43 мнен* -0.3270434064879304
12 книг* 0.15618375688791275	36 мир* -0.07783215865492821
10 друз* 0.08271960318088531	34 прав* -0.1057412165819722
9 труд* 0.1632139626890421	33 мысл* -0.047952342312783
8 любов* 0.1616856101900339	31 врем* -0.04402379741271337
8 прочита* 0.15353688225150108	30 отношен* -0.06293480570117632
7 видит* 0.09187031164765358	26 обществ* -0.12856125860260084

со здравым смыслом, иногда принимают форму парадоксов и не столь уж очевидны, как повседневные знания, что, разумеется, создает дополнительные трудности в их понимании” [22, с. 54]. Важные теоретические результаты представлены во многих других работах эмпирической направленности, среди которых можно указать на такие, как: образ женщины в обыденном сознании личности (С.В. Абрамова), образ психотерапевта в обыденном сознании и самовосприятии (Г. Райнаи), особенности репрезентации отношений “человек—природа” в обыденном сознании (И.В. Кряж), эмоциональное отношение к окружающей среде и наличие готовности к конкретным действиям [20], социально-философский анализ страха в обыденном сознании (Е.Ю. Райкова) и др.

Достаточно широко используемым *методологическим подходом* к изучению обыденного сознания выступает обращение к языковой парадигме научного анализа. К примеру, В.А. Шкуратов определяет обыденное сознание как поле чистой вербальности, отмечая, что язык выступает основным “местом хранения и воспроизводства” обыденного сознания [21, с. 131]. Частным случаем таких исследований все чаще выступает обращение к продуктам коммуникационного обмена в социальных сетях с выделением как рационально-логического, так и эмоционального уровней текстовых сообщений [5]. Данный подход к анализу обыденного сознания лег в основу проведенного нами исследования. Предполагалось, что высказывания пользователей отражают не только индивидуально-психологические, но и социально-психологические (включая массовые) особенности обыденных представлений о мировоззрении и могут стать основанием для их психологического анализа через обращение к методам контент-анализа и экспертным заключениям (подробнее о методах см.: [13, 16]). Специфической особенностью подхода выступило также обращение к содержательному и количественному рассмотрению текстов посредством использования *автоматизированных систем*

анализа коротких сообщений, которые к тому же позволяют оценивать эмоциональный фон высказываний [13].

Примеры визуального представления результатов автоматизированного частотного и эмоционального анализа текстов представлены в табл. 1. Первые числа указывают на частоту повторяемости слова в общем объеме слов в текстах, затем показана основная лексическая часть слова, заключительные цифры отражают эмоциональную насыщенность слов в числовом промежутке от -1 (максимальное отрицательное значение слов) до +1 (максимальное положительное значение слов).

Эмоциональный фон слов в данной работе рассматривается с разделением предложенной шкалы (от -1 до +1) на 20 позиций, каждая из которых больше предыдущей на 0.1 (т.е. длина шага числовых значений шкалы составляет 0.1)². Эмоциональный фон слов, значение которых меньше десятой доли числового ряда (0.03... или 0.009... и т.д.), рассматривался нами как *нейтральный* в силу малой его выраженности/интенсивности. К данной (нейтральной) позиции отнесены и слова, имеющие значение эмоционального фона, равное нулю. Отсутствующие в сообщениях респондентов числовые значения игнорировались (к примеру, в рассматриваемых сообщениях не обнаружены высказывания с ярко выраженным позитивным фоном). Таким образом, шкала с разбивкой на 20 позиций по факту может содержать в зависимости от характера эмоционального фона сообщений меньшее количество позиций (к примеру, 8 или 11). В нашем исследовании таких позиций оказалось 9, в первую очередь из-за отсутствия (незначительности) положительных эмоциональных оценок в сообщениях пользователей.

² В зависимости от авторских позиций или логики анализа полученных материалов эмоциональный фон можно рассматривать, опираясь на шкалы из разного количества позиций, например: 10 позиций (длина шага равна 0.2), 8, 6 и т.д.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Как и в других отраслях науки, в психологии исследователи в зависимости от рассматриваемого проблемного поля выделяют различные единицы для анализа конкретных феноменов. Д.В. Лубовский отмечал, что “осознанное выделение единицы анализа — признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории” [7, с. 34]. В соответствии с данным положением в качестве единиц анализа в психологических исследованиях выступают психические состояния или процессы, поведение или деятельность, эмоциональный фон или социальные установки и т.п. Такого рода “методологическое дробление” можно производить и в рамках конкретных (единичных, цельных) феноменов, таких как память, мышление, отношение, деятельность и т.д., через выделение составных психологических элементов, которые сами по себе не дают представления ни о самом явлении, как целостном психологическом феномене, ни о его функциональных особенностях или специфике развития [18], однако помогают глубже осознать его природу (сущность, структуру, содержание, системное соотношение элементов и их иерархическую соподчиненность, динамику развития и др.).

В современной научной литературе анализ феномена “мировоззрение” нередко связывается исследователями с выделением в его структуре цельных (неделимых) содержательных элементов, таких как знания, взгляды, убеждения, отношения, ценности, цели жизнедеятельности [Там же], которые указывают на главные и относительно устойчивые характеристики отношения человека к миру (самому себе, другим людям, обществу в целом и своему месту в нем). В нашем исследовании задачей анализа стало раскрытие психологических образований, включенных в структуру мировоззрения и пригодных для их последующего измерения (например, методом шкалирования). Такой подход полезен как для организации качественного анализа эмпирических данных, так и для их последующей количественной оценки и обобщения результатов исследования.

С целью обнаружения и учета психологических единиц анализа нами был избран принцип перехода от многообразия текстового материала к абстрактным психологическим категориям, представленным в содержании текстов. В частности, была поставлена задача фиксации *индивидуально-*

личностных (табл. 2, п. 1 и 2; рис. 2, *а* — мнение, черта, характер, душа и др.) и *социально-психологических* (табл. 2, п. 3 и 4; рис. 2, *б* — толерантное, правильное, демонстративное, агрессивное, доминантное, конфликтное и др.; рис. 2, *в* — навязывать, влиять, судить, окружать, понимать и др.) характеристик “мировоззрения” в высказываниях пользователей, а также связи мировоззрения с процессами *развития* личности (табл. 2, п. 5 и 6; рис. 2, *б* — сформированное, полноценное, примитивное, новое, перестроенное, изменчивое, синхронизированное и др.) и *возрастными* его особенностями (табл. 2, п. 7 и 8). Здесь было бы логично указать и на *гендерные* особенности мировоззрения, но они, хотя и содержатся в высказываниях некоторых пользователей, не учитывались при анализе и не отражены в табл. 2 в силу их малочисленности. В качестве примера можно указать на следующий фрагмент текста: “...как всегда у женщин проблемы с логикой — у них постоянно виноваты во всех бедах мужчины” или же обратить внимание на высказывание о феминизме в табл. 2 (п. 3, предложение 2).

Другая задача эмпирического анализа была связана с обобщением психологических процессов, оговариваемым в сообщениях пользователей, и их объединением в классические подгруппы — когнитивную, эмоциональную и конативную. К примеру, в контексте содержательного (методического) анализа *когнитивный* компонент будет представлен знаниями или представлениями о мире (табл. 2, п. 13 и 14; рис. 2, *а* — мысль, смысл, аргументы, образ, восприятие, понимание и т.д.; 2, *в* — понимать, воспринимать, мыслить, знать, осознать, считать, думать и т.д.), а впоследствии может быть изучен путем оценки степени осознанности принимаемых решений и совершаемых поступков в ходе специально организованных опросов. *Эмоциональный* компонент отображает психологические состояния и субъективные оценочные отношения пользователей, представленные в рамках авторских рассуждений о мировоззрении (табл. 2, п. 17 и 18; рис. 2, *а* — чувства, настроение, любовь, вкус и т.д.; рис. 2, *в* — верить, нравиться, любить, хотеть и т.д.) и дополнительно может быть изучен посредством установления степени выраженности позитивного или негативного фона высказываний в текстах, а также их нейтрального эмоционального фона или амбивалентности (полученные результаты такого анализа представлены ниже). *Конативный* компонент выявляется как через обращение к классическому анализу продуктов деятельности, так и посредством контент-анализа поведенческих диспозиций или мотивов, побуждающих человека к совершению определенного

Таблица 2. Структурно-содержательный анализ текстов и их количественные характеристики

№ п/п	Смысловая направленность и число повторов	Примеры
1	Социальная направленность	— И самое интересное, что у мажоров никак не меняется мировоззрение... И катаются они не только по Москве. У нас в станице свои мажоры, в соседнем районе — свои... Мажоры — это своего рода социальный класс... — ...Интернет подарил мне людей, с которыми я могу разделять свое мировоззрение и общаться на любые темы, — за это спасибо. — Если человечку не нравятся твои выводы и твое мнение... ну, плохие новости...
2	Количество слов — 331	Отношения — 30; права — 34; стороны — 26; общество — 26; друзья — 10; большинство — 8 и т.д.
3	Личностная направленность	— У него мировоззрение тоньше, чем моя нить ДНК. — Феминизм — это выбор и рефлексия с последующими выводами, которые каждая женщина делает свои. — ...мне действительно очень интересен ход его мыслей и мировоззрение в целом... и он остается загадкой для меня. — Добро пожаловать в мое мировоззрение! — Мировоззрение: альтернативно-добрый
4	Количество слов — 316	Мнение — 43; характер — 16; личность — 12; поведение — 14; поступок — 12; вкусы — 10; черты — 10; стиль — 8 и т.д.
5	Процессуальная направленность	— ...единственное, что я до конца осознаю, — я меняюсь. Мое мировоззрение, понимание мира, характер — я взрослею... это немного волнительно, ведь заранее я не знаю себя новую... — ...я столько всего еще не знаю и не понимаю, и мое мировоззрение еще такое шаткое... — Мировоззрение — огромный сталактит, для образования которого нужно не одно десятилетие
6	Количество слов — 238	Жизнь — 71; формирование — 21; общение — 10; ошибки — 10; развитие — 8; путь — 8; работа — 8; влияние — 8; планы — 7; проблемы — 7 и т.д.
7	Возрастная обусловленность	— Мировоззрение у человека более или менее формируется лет в 20–25, а до этого, так — помутнения и просветы. — Ох уж эти дни молодости... теперь я другая, мировоззрение поменялось, я выросла, жизнь перестала казаться враждебной... — Меня так часто и сильно кроет от того, как переворачивается мое мировоззрение, а вы говорите, что в 23 люди уж взрослые — нет
8	Количество слов — 220	Время — 31; возраст — 26; лет — 24; годы — 24; момент — 16; детство — 12; ребенок — 11; взрослый — 12 и т.д.
9	Формирующая направленность (факторы развития и формирования)	— ...Спасибо вам огромное за труд. Ваши работы и высказывания сильно изменили мое мировоззрение и отношение к жизни. — Я хочу, чтобы мои истории могли научить людей чему-то хорошему, хочу, чтобы их мировоззрение поменялось, они стали бы лучше относиться к другим. — Мировоззрение не из-за книжек в детстве же складывается, есть ведь еще что-то! — Пожалуй, у меня Джигарханян и Марадона вызывают наибольшее признание! Эти люди существенно повлияли на мое мировоззрение. — Ты не можешь измениться на 100%, так как твое мировоззрение и мысли сложились определенным образом из-за миллиона аспектов
10	Количество слов — 198	Музыка — 19; школа — 18; учитель — 17; религия — 14; вера — 13; книги — 12; друзья — 10; труд — 9; любовь — 8; искусство — 8; идеология — 7; фильмы — 7 и т.д.
11	Пространственная направленность	— А еще, когда мама решила отдать меня на английский язык в 3-м классе, это стало основой моей дальнейшей жизни, так как благодаря этому я формировала мировоззрение, опираясь на западную культуру... и я вот задумалась... ... дело не в процедурах. В США нет расизма в процедурах, но по факту он есть
12	Количество слов — 98	Мир — 36; страна — 9; Россия — 9; США — 7 и т.д.

Окончание табл. 2

№ п/п	Смысловая направленность и число повторов	Примеры
13	Когнитивная направленность	— Рассказываю доклад про государство и право по Гегелю // Вопросы от однокурсников: “Повлияла ли французская революция на мировоззрение философа?”, “Почему он выбрал право?”, “Был ли он атеистом?...” // ЧТО (!), простите?! — ...чем менее образован человек, тем более калейдоскопично его мировоззрение, тем легче им манипулировать. — ...чем более человек невежественен, тем более он уверен в том, что умнее и в праве навязывать свое мировоззрение окружающим. — можно я не буду понимать физику — она разбивает мое мировоззрение и менталику в пыль
14	Количество слов — 122	Восприятие — 14; понимание — 12; мозг — 12; факты — 11; знания — 11; аргументы — 8 и т.д.
15	Ценностная направленность	— Да не в мажорах дело... Будет у общества нормальное мировоззрение — стало быть и отношение к ним изменится, и они станут социальными изгоями, если даже закон не нарушали. — Я не приемлю идеи всеобщего равенства, так как считаю это бессмысленной и разрушительной утопией. — ...работа политиков заключается не в том, чтобы навязать обществу свои воззрения, а в том, чтобы управлять в соответствии с мнением большинства. — ...все их мировоззрение можно определить одной фразой: Родина там, где комфортнее... встречал таких
16	Количество слов — 86	Принципы — 18; позиции — 17; смыслы — 15; нормы — 10; приоритеты — 11; правда — 5 и т.д.
17	Эмоциональная направленность	— Не так давно я осознала, насколько сильно музыка на меня влияет — мое настроение, поведение, мировоззрение. — ...мир вокруг нас отражает мировоззрение о сочувствии друг другу посредством эмоций и слияния с музыкой. — ...чувства тебя угнетают всю жизнь, и ты в погоне за хорошими чувствами попадаешь под их постоянное влияние, но они должны тебе подчиняться, а не доминировать над твоим сознанием
18	Количество слов — 60	Чувства — 16; благодарность — 15; настроение — 12; любовь — 8; страх — 2; радость — 2 и т.д.
19	Конативная направленность	— ...у человека к тридцати годам уже должно быть некое понимание, что иное мировоззрение отнюдь не повод переделывать человека, такого рода поведение показывает Вашу инфантильность. — Может быть сегодня и ты уже начнешь делать мир лучше? — Мне захотелось повлиять на мировоззрение таких людей, из-за чего захотел поставить себя на их место и порассуждать. Вышло забавно. — ...мы стремимся быть похожими на людей, которые нравятся... — нам импонируют черты, которые мы бы хотели видеть у себя и хочется их сформировать, потому что они вписываются в наше мировоззрение
20	Количество слов — 43	Сходить — 12; сделать — 11; сказать — 7 и т.д.
21	Материальная направленность	— А мировоззрение и взгляды на жизнь разве не отражаются в прикиде? Я вот не поверю, что парень в дорожном ядовито-лимонном пиджаке — большого ума человек. — У москвичей иное мировоззрение — у них ведь пенсии по 20 тыс., субсидии по ЖКХ, отдых в санаториях, бесплатный ремонт и обустройство в квартире...
22	Количество слов — 41	Вещи — 11; предметы — 10; деньги — 8 и т.д.

действия, — этот прием также использован в рамках данного исследования (табл. 2, п. 19 и 20; рис. 2, *а* — дела, труд, поведение, планы, общение, отношения и т.д.; рис. 2, *в* — мочь, говорить, расширять, читать, уверовать, спорить, быть и т.д.). Позже изучение конативного компонента возможно через анализ внешних проявлений поведения или деятельности, поскольку реальная активность может отклоняться от латентного состояния “готовности к действиям”, так как зачастую подвергается коррекции в соответствии с внешними обстоятельствами. Дополнительно поведение и деятельность личности будут изменяться в зависимости от индивидуально-волевых характеристик конкретного субъекта и его мотивационной направленности.

Следующая эмпирическая ситуация связана с тем, что регуляция поведения происходит в соответствии с *ценностными ориентациями* человека, преломляясь через своеобразие индивидуальных представлений о нормативности социального взаимодействия, что также находит свое место в высказываниях пользователей (табл. 2, п. 19 и 20; рис. 2, *а* — принципы, взгляды, норма, идеология, приоритеты и т.д.; рис. 2, *в* — значить, судить, нравиться, вписываться и т.д.). Корректно подобранные психологические методики самоанализа или анализа особенностей социального поведения личности могут стать основанием для выявления и прогнозирования мотивационно-ценностных установок человека (группы, сообщества), помогут оценить характер намерений (побудительных мотивов) субъекта, их интенсивность и смысловую направленность.

Заключительная исследовательская позиция связана с анализом системных свойств феномена

“мировоззрение”, в частности *иерархической упорядоченности* составляющих его элементов. Это важно не только с теоретической точки зрения, но и из практических соображений. В связи с этим положением возникает необходимость выделения доминирующих мировоззренческих установок, связанных с различными сферами жизнедеятельности человека и общества. Итоги такого обобщения представлены на рис. 1.

Как оказалось, доминирующими в высказываниях пользователей являются *социальная и личностная значимость* мировоззрения, связанная с жизнью людей в обществе и характерными признаками человека, отличающими его от других людей. Данную позицию можно наблюдать и на рис. 2, *а*: частотный анализ слов позволил выявить, что данная позиция представлена следующими тремя наиболее часто употребленными словами: “жизнь”, “люди” и “мнения”, что говорит о большом значении социальной природы мировоззрения в сознании россиян. О важности анализируемой позиции свидетельствуют следующие по частоте употребления слова: “мир”, “отношения”, “стороны”, “друзья”, “общество”, “взгляды” и т.д. Можно также обратить внимание на оценочное восприятие мировоззрения “других”, отраженное в таких высказываниях, как “калейдоскопическое”, “продуктивное”, “токсичное”, “научное”, “рабское”, “здоровое”, “правильное”, “схожее”, “убогое” и т.д., говоря о социальной значимости мировоззрения (рис. 2, *б*). Вторая по численности позиция в сообщениях пользователей отводится *динамике формирования и развития мировоззрения* — здесь можно объединить три позиции: процессуальные и возрастные особенности функционирования человека, а также

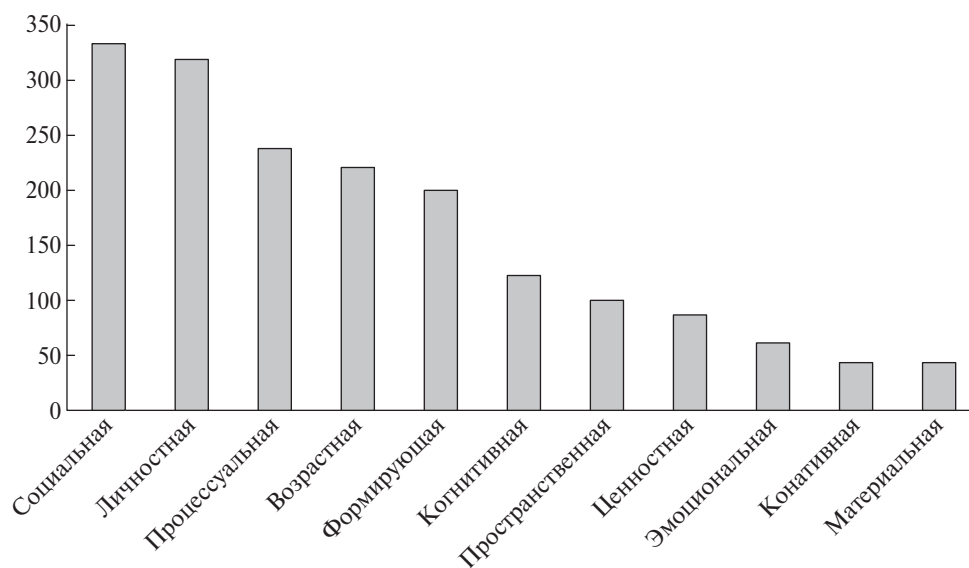

Рис. 1. Основные виды направленности сообщений о мировоззрении

можно привести следующие не всегда сопоставимые между собой мнения:

— ...побольше бы детей, отказывающихся от мировоззрения школьных учителей, которое (мировоззрение) абсолютно нежизнеспособно в современном обществе;

— ...если мировоззрение ребенка формирует школа и учителя, то это большой вопрос к родителям;

— ...никто (в том числе и учитель) не должен навязывать свое мировоззрение другим, даже если считает, что они (другие) заблуждаются;

— ...и я, например, против позиции, что школа и учителя дают только знания, и чтобы они “не лезли” в воспитательные процессы.

В сообщениях с *нейтральным* эмоциональным фоном (диапазон от -0.0501 до -0.0997) присутствуют и просто философские *размышления* пользователей. Вот одно из таких высказываний: “многие мечтают... пассивно вырабатывают мировоззрение посредством бесконечных размышлений, а потом хотят эффективно применить его на практике... не получается”.

Наиболее выраженный в количественном отношении *негативный фон* оценок (диапазон от -0.2035 до -0.2578) связан с *равнодушием* людей (1), низким качеством произведений современного *искусства* (фильмов, книг, песен, музыки и т.д.) (2), с навязыванием своего мнения другим или нетерпимостью к инакомыслию, т.е. *мировоззренческой интолерантностью* соотечественников (3), *приспособительной формой поведения* большого количества людей (отсутствием ярко выраженной гражданской позиции в обществе) (4), а также подменой в *СМИ*

реальных проблем отвлекающей информацией (5). Наиболее *резкие* высказывания (диапазон от -0.2633 до -0.6969) связаны с наличием в обществе новой социальной прослойки людей, которые не считаются с общественным мнением и даже пытаются демонстрировать какие-то признаки превосходства над другими (иногда и пренебрежения), так называемыми “*мажорами*” (1), а также принятием *законов*, которые не всегда ориентированы на благополучие общества в целом, а угодны определенному кругу заинтересованных лиц (2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мировоззрение необходимо рассматривать как сложно сплетенную систему содержательных элементов и процессуальных (временных, динамических, изменчивых) характеристик связей человека с социальной реальностью (в целом или с ее отдельными сторонами), которые неизменно будут преломляться в соответствии с мотивационно-ценностными особенностями субъекта, проявляющимися в поведении и деятельности каждого человека (групп/общества).

С *когнитивной* точки зрения в обыденном сознании мировоззрение имеет высокий уровень абстрагирования и обобщения, тяготеет к различным психическим состояниям (от радости до страха или уныния), может отражать различные свойства или состояния личности. Мировоззрение может проявляться в рамках социальной активности (поведения или деятельности) человека и быть детерминировано стремлением к индивидуальному благополучию или социальной значимости принимаемых решений и ожидаемых результатов деятельности.

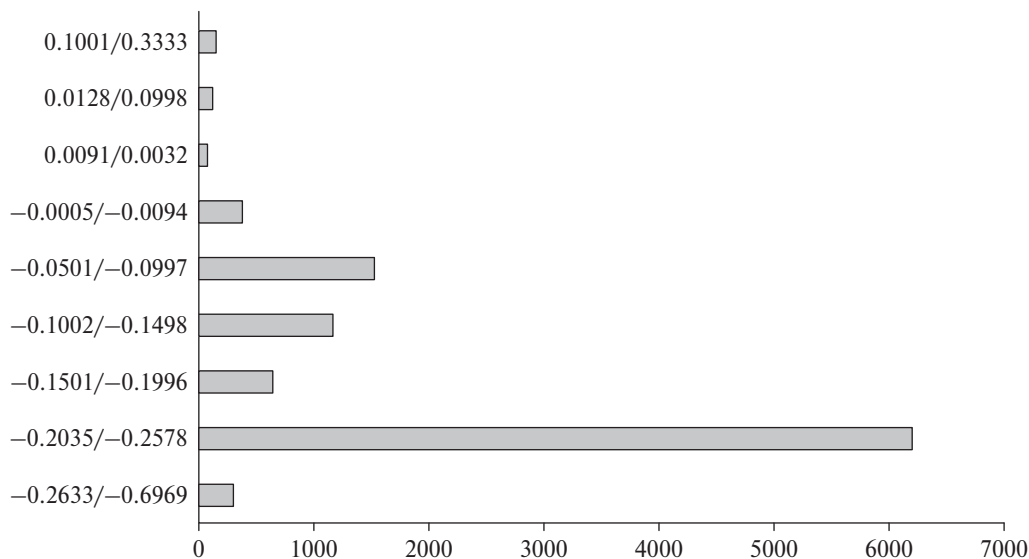

Рис. 3. Эмоциональный фон сообщений, содержащих в контексте слово “мировоззрение”

С эмоциональной точки зрения мировоззрение в оценках и самооценках людей может иметь разную выраженность и интенсивность или мотивационную оценку, что тоже требует направленного исследовательского внимания.

Полученная информация об иерархической соподчиненности психологических составляющих мировоззрения имеет высокий прикладной смысл, поскольку ведущие ценности оказывают существенное влияние на выбор жизненного пути, формирование группового и общественного мнения, а также оценочных суждений социальных групп. В связи с чем, например, выделение культурно-исторических, региональных или этических характеристик мировоззрения россиян, а также их возможное сравнение с аналогичными воззрениями представителей других культур позволит получить богатый психологический материал для обобщения и оценки культурно-национальных особенностей мировоззрения, “точечного” описания психологических процессов и динамических характеристик мировоззрения при изучении своеобразия различных народов. Самостоятельной задачей исследования может стать выявление характера оценок и ожиданий, связанных с мировоззрением и функционирующих в процессе виртуального взаимодействия пользователей.

Несмотря на представленный структурный анализ феномена, важно помнить, что “мировоззрение” принадлежит к понятиям высокого уровня обобщения и неизбежно будет терять свою концептуальную целостность при его разделении на какие бы то ни было (содержательные или структурные) составляющие. Представленная в исследовании конкретизация структурно-содержательных компонентов и процессуально-динамических характеристик феномена может быть осуществлена лишь условно, с целью более полного рассмотрения обуславливающих его факторов и психологических оснований.

Описанные выше теоретико-методологические позиции позволяют отразить те смыслы, которыми наделяется феномен “мировоззрение” в рамках обыденного сознания. Представленные результаты позволяют сформулировать методологический подход к исследованию жизнедеятельности человека и общества, который состоит в выявлении единиц анализа конкретного психологического феномена из продуктов устного народного творчества (в частности, имеющего место в социальных сетях). Последнее можно рассматривать, в одном из его проявлений, как отражение обыденного сознания россиян (или определенной их части, что не противоречит основному замыслу

исследования — определению составных элементов психологического феномена, представленного в обыденном сознании большого количества людей).

Разработка мировоззрения в рамках фундаментальной психологии требует его различения от близких по смыслу понятий типа “смысл жизни”, “цели жизнедеятельности”, “направленность личности” и иных более узких феноменов (отношения, представления, установки и т.д.) и выделения его в качестве явления, оказывающего непрерывное воздействие на все сферы жизнедеятельности человека (группы и общества) как в повседневной жизни, так и в стратегической перспективе. Его игнорирование в рамках психологических концепций может приводить (и приводит) к фрагментарному пониманию многих психологических явлений, даже имеющих базисное значение (личность, группа или общество), но не имеющих системообразующего фактора, что обедняет возможности их распознавания и толкования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. Андришкова Н.П. Категория “обыденное сознание” в психологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1 (69). С. 90–93.
3. Апреликова Н.Р., Китова Д.А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 110–133.
4. Донцов А.И., Баксанский О.Е. Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 75–90.
5. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Основные технологии социально-психологических исследований в интернете // Социальная психология: вопросы теории и практики. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 224–226.
6. Ломов Б.Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 64–93.
7. Лубовский Д.В. Введение в методологические основы психологии. М.: МОДЭК, МПСИ, 2007.
8. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, 2003.
9. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 83–96.

10. *Мохова С.Ю.* Кризис современной российской культуры: личность в пространстве социальных взаимодействий и преобразований // Психология в экономике и управлении. 2010. № 1 (3). С. 81–90.
11. *Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А.* Сознание как предмет метапсихологии // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989–1990. М.: Наука, 1991. С. 190–204.
12. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Юревич А.В.* Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.
13. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
14. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
15. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Китова Д.А., Ковалева Ю.В., Смирнов А.А.* Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
16. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЭР СЕ, 2002.
17. *Судас Л.Г.* Массовое сознание: в поисках новой парадигмы. М.: ПМЛ “Институт Африки РАН”, 1996.
18. *Сухова Е.И., Зубенко Н.Ю.* Проблема выделения единиц анализа мировоззрения личности в психологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 141–146.
19. *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
20. *Шагун Г., Павлов В.М., Рыженков П.Е.* Исследование экологического сознания детей и подростков // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 41–49.
21. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
22. *Щербаков Р.Н.* Здравый смысл учащегося и научные знания // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 48–54.

WORLD VIEW AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON IN THE ORDINARY PERCEPTION OF THE RUSSIANS³

D. A. Kitova*, A. L. Zhuravlev**

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

**Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher,
Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology.
E-mail: j-kitova@yandex.ru*

***Academician of the RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

Received 04.04.2021

Abstract. In the article, everyday consciousness is considered as a factor reflecting the general state of society, which is generated by the individual and group experience of generations, is used by subjects of life in order to adapt to reality. The problem of the study is the position that everyday consciousness contains both logically verified and largely erroneous opinions, subject to emotional assessments, and the introduction of new qualities into the individual consciousness is a laborious process. All these positions allow the authors to consider world outlook ideas (the meaning-forming component of everyday consciousness) as a historical and cultural feature of peoples. As the main methodological approach, an appeal to the linguistic paradigm of scientific analysis was chosen: the authors turn to the allocation of semantic categories in texts and their quantitative analysis, which makes it possible to identify the systemic properties of the phenomenon, as well as the hierarchical ordering of its constituent elements. The work also highlights the dominant among Russian users world-view attitudes associated with various spheres of human and social life. It is shown that the leading positions in the statements of users are the social and personal significance of the worldview. The work also examines the psychological components of the phenomenon (cognitive, value, emotional and conative) and their

³The study was carried out with the financial support of the RSF within the framework of scientific project № 21-18-00541.

characteristic features that perform the functions of regulating behavior in modern conditions of human and social life. The analysis of emotional assessments in the statements of users allowed us to describe nine different subgroups of the emotional background, to show the main meaningful concepts that underlie them, to demonstrate the clear dominance of the negative emotional background. The presented analysis allows us to formulate a methodological approach to the study of the life of a person and society, which consists in identifying the units of analysis of a specific psychological phenomenon from the products of oral folk art and its subsequent quantitative and qualitative analysis by referring to automated systems analysis of a large number of texts that are not amenable to “manual” analysis in the force of its excessive volume. The theoretical and methodological positions described above allow us to reflect on the main meanings that the phenomenon of “worldview” is endowed with in the framework of everyday consciousness, to show that the worldview has a high level of abstraction, and its research has significant applied meaning. It is noted that ignoring this phenomenon within the framework of psychological concepts can lead to a fragmentary interpretation of many psychological phenomena.

Keywords: everyday consciousness, worldview, content-structural analysis, social and personal significance, psychological components of the worldview, emotional background, oral folk art, theoretical and applied meanings

REFERENCES

1. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* Dejatel'nost' i psihologija lichnosti. Moscow: Nauka, 1980. (In Russian)
2. *Andrjushkova N.P.* Kategorija “obydennoe soznanie” v psihologii. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (69). P. 90–93. (In Russian)
3. *Aprelikova N.R., Kitova D.A.* Struktura potrebnostej studentcheskoj molodezhi v znanijah po psihologii. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2018. V. 3. № 2 (10). P. 110–133. (In Russian)
4. *Doncov A.I., Baksanskij O.E.* Shemy ponimaniya i ob"jasneniya fizicheskoy real'nosti. Voprosy filosofii. 1998. № 11. P. 75–90. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Osnovnye tehnologii social'no-psihologicheskikh issledovanij v internete. Social'naja psihologija: voprosy teorii i praktiki. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2020. P. 224–226. (In Russian)
6. *Lomov B.F.* Obshhenie i social'naja reguljacija povedenija individa. Psihologicheskie problemy social'noj reguljacji povedenija. Moscow, 1976. P. 64–93. (In Russian)
7. *Lubovskij D.V.* Vvedenie v metodologicheskie osnovy psihologii. Moscow: MODJeK, MPSI, 2007. (In Russian)
8. *Lur'e S.V.* Psihologicheskaja antropologija: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy. Moscow: Akademicheskij projekt, 2003. (In Russian)
9. *Moskovichi S.* Ot kollektivnyh predstavlenij k social'nym. Voprosy sociologii. 1992. V. 1. № 2. P. 83–96. (In Russian)
10. *Mohova S.Ju.* Krizis sovremennoj rossijskoj kul'tury: lichnost' v prostranstve social'nyh vzaimodejstvij i preobrazovanij. Psihologija v jekonomike i upravlenii. 2010. № 1 (3). P. 81–90. (In Russian)
11. *Mushelishvili N.L., Shrejder Ju.A.* Soznanie kak predmet metapsihologii. Sistemnye issledovanija. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik. 1989–1990. Moscow: Nauka, 1991. P. 190–204. (In Russian)
12. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L., Sosnin V.A., Kitova D.A., Juravich A.V.* Massovoe soznanie i povedenie: tendencii social'no-psihologicheskikh issledovanij. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2017. (In Russian)
13. Psihologicheskie issledovanija v internet-prostranstve: poiskovyje sistemy, social'nye seti, jelektronnye bazy. Otv. red. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2020. (In Russian)
14. Psihologicheskie issledovanija global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy. Otv. red. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. (In Russian)
15. *Sosnin V.A., Zhuravlev A.L., Kitova D.A., Kovaleva Ju.V., Smirnov A.A.* Psihologicheskie faktory razvitija geopoliticheskikh otnoshenij: sub"ekty, mehanizmy, tendencii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2020. (In Russian)
16. Social'naja psihologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov. Otv. red. A.L. Zhuravlev. Moscow: PER SE, 2002. (In Russian)
17. *Sudas L.G.* Massovoe soznanie: v poiskah novoj paradigmy. Moscow: PML “Institut Afriki RAN”, 1996. (In Russian)
18. *Suhova E.I., Zubenko N.Ju.* Problema vydelenija edinic analiza mirovozzrenija lichnosti v psihologii. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. № 12. P. 141–146. (In Russian)
19. *Ulybina E.V.* Psihologija obydennoego soznaniya. Moscow: Smyl, 2001. (In Russian)
20. *Shagun G., Pavlov V.M., Ryzhenkov P.E.* Issledovanie jekologicheskogo soznaniya detej i podrostkov. Psihologicheskij zhurnal. 1994. V. 15. № 1. P. 41–49. (In Russian)
21. *Shkuratov V.A.* Istoricheskaja psihologija. Moscow: Smyl, 1997. (In Russian)
22. *Shherbakov R.N.* Zdravij smysl uchashhegosja i nauchnye znanija. Voprosy psihologii. 1993. № 3. P. 48–54. (In Russian)

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9:62

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2021 г. С. В. Фролова

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (СГУ);
410112, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Россия.

Доктор психологических наук, профессор кафедры консультативной психологии.
E-mail: frolovasv71@mail.ru

Поступила 05.05.2021

Аннотация. Излагаются некоторые положения, связанные с разработкой методологии анализа возможного влияния новых технологий на человека и общество, которая была сформулирована в статье А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика «Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований». Обсуждаются вопросы расширения теоретико-методологических возможностей построения перспективных направлений исследований посредством изучения вариативности социально-психологических последствий внедрения новых технологий. Обозначены проблемы классификации психологических особенностей новых технологий, рискогенности и ресурсности техногенно обусловленных макropsychологических новообразований, а также вариативности роли субъекта в формируемых последствиях внедрения новых технологий.

Ключевые слова: перспективные направления исследований, типы новых технологий, макropsychологические новообразования, социально-психологические риски и ресурсы, принцип субъектности.

DOI: 10.31857/S020595920016058-9

Главным, ключевым фактором увеличения темпов перемен во всех сферах жизни общества является развитие технологического производства, а сущностной частью реальности постоянно меняющегося мира выступает трансформация социально-психологических особенностей переживания, сознания, поведения, процессов коммуникации, механизмов адаптации, содержания и форм различных видов деятельности человека. С этой точки зрения проблема создания «методологии анализа возможного влияния новых технологий» на человека и общество, поднятая А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком в статье «Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований» [3, с. 36], и ее решение — одна из первостепенных и крайне важных задач для психологической науки и поиска ресурсов преадаптации развития человека, а также предупреждения техногенно обусловленных социально-психологических рисков. Существенным вкладом в решение задачи создания такой научно обоснованной методологии являются разработанные А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком «принципы социально-психологического прогнозирования влияния новых технологий на человека»

и намеченные «перспективные направления социально-психологических исследований» [3, с. 36–40].

Однако реализация такого фундаментального проекта, как разработка методологии обширного класса направлений исследований, сопряжена с решением целого ряда более частных вопросов, а одним из эффективных способов их постановки и апробации может служить формат творческой научной дискуссии. Присоединяясь к уже начатому процессу научного обсуждения данной проблемы [5], нам представляется возможным отметить еще ряд дополнительных положений, служащих прояснению конкретных направлений перспективных исследований, касающихся изучения вариативности социально-психологических последствий внедрения новых технологий.

КЛАССИФИКАЦИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Первое положение имеет отношение к проблеме выделения направлений изучения социально-психологических последствий новых технологий

на человека и общество. Предложенные авторами обсуждаемой статьи перспективные направления исследований в зависимости от уровня социально-психологического анализа — внутриличностного, межличностных отношений, малых и больших социальных групп, межгрупповых отношений, социетального — подвергнуты ими достаточно обстоятельному теоретическому осмыслению и могут являться основой построения программы будущих эмпирических изысканий в данной области. Однако, как нам представляется, помимо подробно проработанного авторами уровня анализа, одним из ключевых методологических вопросов при определении перспективных направлений социально-психологических исследований данной проблемы является вопрос о качественной специфике новых технологий и дифференциации их видов. Его решение может способствовать выделению ряда специальных направлений социально-психологических исследований в зависимости от видов новых технологий, с которыми человек вступает во взаимодействие. Здесь, на наш взгляд, можно было бы обратить особое внимание на упоминаемые А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком такие классы новых технологий, как цифровые, энергетические, биологические [3, с. 39], а также проанализированные ими ранее нанотехнологии и социальные технологии [2]. Новые технологии разрабатываются и внедряются в разных сферах жизни и общественной практики, например медицинские, образовательные и экологические технологии. Можно согласиться с авторами, отметившими в одной из опубликованных ими работ, что *каждый класс новых технологий обладает своими специальными психологическими особенностями* [2, с. 8–10]. Характер влияния различных видов технологий на человека и общество будет определяться их назначением и функциями, а также свойственным им психологическим содержанием. И в этом случае представляется целесообразной разработка таких отдельных направлений исследований, как изучение социально-психологических последствий внедрения цифровых, биологических, социальных, энергетических, медицинских, экологических и других видов новых технологий.

Влияние каждого из классов новых технологий вариативно обращено к определенным сферам жизни и избирательно актуализирует различные стороны психики человека, инициируя выработку характерных механизмов адаптации. Так, например, последствия новых цифровых технологий, хотя и сказываются на всех сторонах жизни и психики человека, преимущественно затрагивают когнитивные и коммуникативные функции, осуществляемые при решении достаточно широкого

спектра задач. Влияние же медицинских технологий актуализирует в первую очередь поведение, связанное с удовлетворением витальных потребностей, и может запускать сложную рефлексию телесных ощущений, изменять характер переживания временных границ своего существования и активизировать поиск смысла жизни.

В связи с различающимися психологическими особенностями разнообразных классов новых технологий можно лишь отчасти согласиться с предположением авторов рассматриваемой статьи о том, что “чем меньше осознанность использования технологии, тем быстрее будет меняться поведение личности под ее влиянием” [3, с. 39]. С этим мнением можно согласиться применительно ко многим цифровым технологиям. Однако в случае экологических технологий, способствующих сохранению природных ресурсов [6; 13], скорость принятия решения об их использовании, по нашему мнению, наоборот, может напрямую зависеть от степени осознанности вызываемых ими положительных последствий, обладающих не мгновенным, а долгосрочным накопительным эффектом.

Следует отметить, что проблема четкой дифференциации разнообразия новых технологий для оценки последствий их внедрения не является решенной. Создание классификации разнообразных технологий может предполагать их тщательный психологический анализ, возможно, с применением междисциплинарного подхода.

РИСКОГЕННОСТЬ И РЕСУРСНОСТЬ МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОГЕННО ОБУСЛОВЛЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Второе положение, которое возникает в связи с рассмотрением вопросов, обозначенных А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком, касается проблемы определения базовых понятий и категорий, способных выступать в качестве единиц анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий. Такие последствия, как показали авторы, будут иметь место на всех уровнях жизни человека и общества — личностном, межличностном, групповом, межгрупповом и социетальном. На наш взгляд, эти последствия могут иметь достаточно устойчивый характер и по-новому определять механизмы адаптации, специфику функционирования, переживания и деятельности, особенности психологических и социально-психологических отношений [8]. Для обозначения новых психологических

особенностей, типичных для представителей общества в целом и возникающих под влиянием создаваемых технологий, можно было бы, например, использовать понятие *макропсихологических новообразований* [10, с. 161].

Исходное понятие новообразования, введенное Л.С. Выготским в его культурно-исторической теории психического развития, описывает обобщенный результат психологических изменений, возникающих в связи с трансформирующейся социальной ситуацией развития, способной определять сознание, переживания, деятельность человека и систему его значимых отношений с социальной средой [1, с. 248]. Одним из теоретико-методологических оснований для введения особого класса социально-психологических новообразований социального масштаба может служить активно разрабатываемый в современной отечественной науке *макропсихологический подход*, определяемый А.Л. Журавлевым и А.В. Юревичем как “психологическое изучение социальных процессов, соразмерных обществу в целом” [4, с. 5].

В качестве таких макропсихологических новообразований, вызванных внедрением новых технологий, могут выступать *расширение сферы искусственных потребностей*, а также *рост потребительских и индивидуалистических тенденций* [10, с. 160–169]. Ускоренное развитие технологий приводит к все более объемлющей замене естественной среды жизни человека на искусственную. *Психологическими рисками* вследствие таких изменений могут стать идентификации с неживыми объектами, возникновение все большей эмоциональной привязанности к ним, снижение ценностей естественной природы и непосредственного человеческого общения, на которые обратил внимание еще Э. Фромм [11, с. 42–43]. К этому ряду психологических рисков могут быть добавлены потенциальный рост *цифрового аутизма* [12], *нарциссизма* [5, с. 125], *чувства экзистенциального одиночества* и *блокирование творческих, созидательных устремлений*. Последствия внедрения новых технологий, наряду с рисками, могут актуализировать и развитие потенциальных *психологических ресурсов*. Возможно, именно острый недостаток творческой, созидательной активности, дефицитарность эмпатического общения и взаимодействия с естественной природной средой будут благотворно сказываться на возрастании их ценности и развитии особых сущностных качеств человека. Усиление рискогенности или рост ресурсности в условиях техногенных изменений связаны во многом с характером избирательной активности индивидуальных и групповых субъектов.

УРОВНЕВОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТА И ВАРИАТИВНОСТЬ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Третье положение направлено на решение проблемы вариативного разнообразия последствий внедрения новых технологий, связанного с использованием методологического *принципа субъектности* [9]. В целом данный принцип означает, что человек сознательно, целенаправленно и относительно независимо от навязываемых ему предписаний и требований может выбирать диапазон и характер решаемых задач с использованием новых технологий. И здесь можно согласиться с уважаемыми авторами обсуждаемой статьи в том, что характер влияния новых технологий на индивидуальную и общественную жизнедеятельность будет определяться субъективной значимостью воспринимаемых качеств используемых технических средств и программ [3, с. 39].

Согласно идеям Х. Ортеги-и-Гассета, техника, зародившись сначала в качестве продолжения человеческого тела, постепенно усложнялась и стала превращать человека в свой придаток [7, с. 164–232]. Однако не только совершенствование технологий, но и уровень развития качеств субъекта будут определять степень его свободы в использовании технологий. При высоком уровне выраженности качеств субъекта технология будет выступать в роли продолжения функциональных возможностей человека, при низком — человек сам будет превращаться в придаток технологии.

Таким образом, последствия внедрения новых технологий могут вариативно различаться в зависимости от уровня развития использующего их субъекта в диапазоне от всеобъемлющего сознательного контроля до его полной потери и формирования технологической зависимости. В этой связи встает необходимость разработки типологии использования технологии в зависимости от уровня развития качеств субъекта.

Решение обозначенных теоретико-методологических проблем, на наш взгляд, может способствовать прояснению непростых вопросов изучения вариативности социально-психологических последствий внедрения новых технологий и расширить круг перспективных направлений исследований, содержательный фундамент для которых был заложен в рассматриваемой статье А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.

2. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Введение // Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 5–9.
5. Ковалева Ю.В. Последствия внедрения новых технологий: взгляд с позиций исторической и глобальной психологий // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 124–128.
6. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Влияние изменения климата на человека: психологический анализ // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 86–96.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. М.: Весь Мир, 1997.
8. Позняков В.П. Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 6–30.
9. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
10. Фролова С.В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране: Дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2020.
11. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
12. Babich B. Radio ghosts: Phenomenology’s phantoms and digital autism // Thesis Eleven. 2019. V. 153. Iss. 1. P. 57–74.
13. Hoppmann J. The role of interfirm knowledge spillovers for innovation in mass-produced environmental technologies: evidence from the solar photovoltaic industry // Organization & Environment. 2016. V. 31. № 1. P. 3–24.

THE PROBLEM OF VARIABILITY OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF NEW TECHNOLOGIES' ADOPTION

S. V. Frolova

*Saratov State University; 410112, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, Russia.
ScD (Psychology), Professor of the Department of Counseling Psychology.
E-mail: frolovasv71@mail.ru*

Received 05.05.2021

Abstract. The paper takes a form of a research discussion that focuses on some propositions about development of the methodology for the analysis of possible impact of new technologies on a person and society. This problem was formulated by A.L. Zhuravlev and T.A. Nestik in the article “Socio-psychological consequences of new technologies’ adoption: perspective directions of research”. The article deals with expanding theoretical and methodological prospects for designing promising research avenues through the examination of variability of social and psychological consequences of new technologies application. The author highlights the issues of classification of psychological characteristics of new technologies, risk proneness and potential of man-made macropsychological innovations, variability of a subject role within the framework of the consequences of new technologies application.

Keywords: promising research avenues, types of new technologies, macropsychological innovations, social and psychological risks and resources, principle of agency.

REFERENCES

1. *Vygotskij L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 4: Detskaya psihologiya.* Ed. D.B. El'konin. Moscow: Pedagogika, 1984. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Psihologicheskie faktory negativnogo otnosheniya k novym tekhnologiyam.* Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 6. P. 5–14. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Social’no-psihologicheskie posledstviya vnedreniya novyh tekhnologij: perspektivnye napravleniya issledovanij.* Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. (In Russian)

4. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Vvedenie. Makropsihologiya sovremennogo rossijskogo obshchestva. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. P. 5–9. (In Russian)
5. *Kovaleva Yu.V.* Posledstviya vnedreniya novyh tekhnologij: vzglyad s pozicij istoricheskoy i global'noj psihologii. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 5. P. 124–128. (In Russian)
6. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Vliyanie izmeneniya klimata na cheloveka: psihologicheskij analiz. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 5. P. 86–96. (In Russian)
7. *Ortega-i-Gasset H.* Izbrannye trudy: Per. s isp. M.: Ves' Mir, 1997. (In Russian)
8. *Poznyakov V.P.* Psihologicheskie otnosheniya cheloveka: sovremennoe sostoyanie issledovanij i perspektivy razvitiya koncepcii. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*. 2017. V. 2. № 2. P. 6–30. (In Russian)
9. *Sub"ektnyj podhod v psihologii*. Eds. A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)
10. *Frolova S.V.* Social'no-psihologicheskaya koncepciya priverzhennosti lichnosti strane: Dis. ... d-ra psihol. nauk. Saratov, 2020. (In Russian)
11. *Fromm E.* Dusha cheloveka. Moscow: Respublika, 1992. (In Russian)
12. *Babich B.* Radio ghosts: Phenomenology's phantoms and digital autism. *Thesis Eleven*. 2019. V. 153. Iss. 1. P. 57–74.
13. *Hoppmann J.* The role of interfirm knowledge spillovers for innovation in mass-produced environmental technologies: evidence from the solar photovoltaic industry. *Organization & Environment*. 2016. V. 31. № 1. P. 3–24.

МУХАНУ АТЕНОВИЧУ ПЕРЛЕНБЕТОВУ — 60 ЛЕТ

В этом году психологическая общественность Казахстана отмечает 60-летие Мухана Атеновича Перленбетова, доктора психологических наук, профессора, президента РОО “Казахское психологическое общество”, проректора Академии Кайнар.

Мухан Атенович родился 17 мая 1961 г. в с. Дихан, Жуалинского района Жамбылской области. Предки будущего ученого с оружием в руках защищали отечество, в семье Перленбетовых были три брата: Райымбек, Канатбек и Алтынбек (Атен), которые ушли на фронт в начале Великой Отечественной войны. С фронта вернулся только один из них — Алтынбек (Атен), который в послевоенные годы создал семью с девушкой из соседнего аула по имени Айнабала. От этого брака родились девять детей: семь мальчиков и две девочки. Трое старших сыновей в этой семье (Еламан, Жоламан, Жылкыбай) скончались в детстве от различных заболеваний. Мухан был в семье седьмым ребенком.

Отец М.А. Перленбетова, Атен Перленбетов, в годы войны служил в части, защищавшей Ленинград, в качестве командира миномета, в 1943 г. получил ранение и был демобилизован. За боевые заслуги получил множество медалей и орден Отечественной войны II степени. В послевоенные годы работал в колхозе им. В.И. Ленина счетчиком, а затем долгие годы, до пенсии, занимал должность заведующего магазином в селе Дихан. Мать Мухана Атеновича Айнабала привила ему любовь к труду с детства, он помогал ей в домашнем хозяйстве.

В 1968–1978 гг. он учился в казахской средней школе в с. Кайрат, которую закончил с отличием. Навсегда сохранился в его памяти светлый образ первой учительницы — Асылхан апай. Она была образцом советской педагогики, почитавшей казахские традиции и язык. В школьные годы Мухан Атенович участвовал в ансамбле народных инструментов и играл на многих из них. До сих пор он вспоминает своих учителей как эталон гуманизма, порядочности и интеллигентности.

Воспитание в казахской семье, советское образование и учеба в европейских научных школах дали свои плоды в развитии личности ученого. Любовь к родителям, трепетное отношение к деду и бабушке, братьям и сестрам он несет через всю жизнь. Эти чувства неотделимы от любви к своей семье: детям Жандосу, Жанаре и Жибек, любимой жене Гульнаре, которую он очень почитает. Окружающие люди также преображаются под его обаянием, сердцем чувствуя искренность широкой души большого человека.

Особое отношение и расположение у него к молодежи, к своим студентам и магистрантам, с которыми он всегда находит общий язык. В минуты особого вдохновения Мухан Атенович поет любимые песни, следуя народной мудрости: “кто поет, того беда не берет”, любит песню — широкую и красивую.

В семье Перленбетовых царил дух свободомыслия и творчества, постоянный интерес к жизни своего края. В доме часто играли на различных

музыкальных инструментах, всегда были свежие газеты и журналы, новые подписные книжные издания. Мухан Атенович со школьной скамьи проявлял лидерские качества, усердие в учебе и стремление к творчеству.

Два пути предстали перед юношей Муханом после окончания средней школы: стать музыкантом, как он мечтал, или идти в сельское хозяйство по настоянию родителей. Мухан, с согласия его родителей, выбрал ветеринарию и поступил в Жамбылский зооветеринарный техникум (с. Луговое). Первые музыкальные способности были проявлены именно здесь, когда он стал участником ВИА “Жетиген”. Руководил этим ансамблем приехавший из Алматы член ансамбля Дос-Мукасан, Бауыржан Ибрашев, который привил ему любовь к зарубежной эстраде и к музыкальной культуре. В 1981 г. он с отличием заканчивает техникум и по направлению поступает в Алма-Атинский зооветеринарный институт (АЗВИ), в котором продолжает обучение в 1981–1986 гг. Мухана Перленбетова избирают председателем комитета комсомола курса, он привлекал внимание студентов и преподавателей грамотной речью, целеустремленностью, внутренней дисциплиной и задором. В 1984 г. в Грузии (г. Тбилиси) он участвовал во всесоюзном конкурсе “Песни народов СССР”, где его группа стала дипломантом конкурса.

После вручения “красного” диплома молодого специалиста оставляют работать ассистентом кафедры анатомии АЗВИ. На кафедре царил дух науки и творчества. Сама судьба открыла Мухану Атеновичу путь в мир науки. Поработав ассистентом кафедры анатомии, он был направлен в целевую очную аспирантуру в г. Львов (Украина).

В 1988 г. М.А. Перленбетов поступает в аспирантуру Львовского зооветеринарного института. Украинская научная школа, к которой принадлежали его научные руководители — д.б.н., проф. С.В. Стояновский (ректор Львовского института) и д.м.н., проф. В.С. Кононенко (зав. кафедрой) способствовали формированию у него научного мышления, логики построения научного эксперимента и обсуждения собственных результатов. Будучи аспирантом, он проходил стажировки в лучших нейро- и психофизиологических институтах Российской Федерации: в Институте мозга в г. Ленинграде (ныне Институт мозга им. Н.П. Бехтеровой РАН, г. Санкт-Петербург), в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР (г. Москва) и др. Аспирант М. Перленбетов учился жадно, много занимался в научной библиотеке, основательно делал эксперименты, публиковал свои первые научные труды, и 23 апреля 1992 г.

успешно защитил кандидатскую диссертацию по специальности 03.00.13 — “Физиология человека и животных” — с присуждением ученой степени кандидата биологических наук. Молодому ученому поступают предложения продолжить обучение в докторантуре в этом вузе, но чувство патриотизма и преданность семье велят Мухану Атеновичу вернуться на родину, продолжать трудовую деятельность в своей “Альма-матер” в качестве ассистента кафедры и заместителя декана ветеринарного факультета.

С августа 1994 г. по сей день его деятельность связана с университетом Кайнар. М.А. Перленбетов занимает должность доцента, затем профессора кафедры теоретической и прикладной психологии университета Кайнар, первого частного вуза, ровесника независимости Республики Казахстан. В 2005 г. он был назначен зав. отделом аспирантуры, в 2007 г. — проректором по филиалам, а потом — проректором по учебно-методической работе. В дальнейшем выполнял функции проректора по научной работе и проректора по воспитательной работе.

Особую благодарность он выражает Президенту — ректору университета Кайнар, академику КазНАЕН Е.С. Омарову, который смог сконцентрировать вокруг себя почти всю научную элиту Казахстана (в области исторических наук — д.и.н., проф. М. Козыбаев, Ж.О. Ибрашев, Т.Х. Тлеуов, В.П. Осипов, по юриспруденции — д.ю.н., проф. Е.И. Каиржанов, Г. Сапаргалиев, М.Т. Баймаханов, З.О. Ашитов, С.Н. Сабикенов, по философии — А.К. Касымжанов, А.Н. Нысанбаев, в области казахской филологии — Ш. Сарыбаев, У. Айтбаев, в области психологии — д.п.н., проф., почетный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова С.М. Джакупов и др.). Ученый Совет университета Кайнар состоял из известных ученых Казахстана, эта среда способствовала формированию у молодого Мухана Атеновича научной этики, общечеловеческой культуры общения и методологического умозаключения.

На факультете педагогики и психологии университета Кайнар, руководителем которого была к.пед.н., проф. М.Т. Турыскелдина, в ту пору сложилась творчески мыслящая команда во главе с д.п.н., проф. С.М. Джакуповым. Сатыбалды Мукатаевич создал свою научную психологическую школу в лице д.п.н., проф. З.Б. Мадалиевой, М.А. Перленбетова, к.п.н., доцентов Л.К. Комекбаевой, О.В. Федорович, М.А. Еркинбековой и др. 15 мая 2019 г. решением Ученого совета Академии Кайнар за заслуги в развитии кафедры в честь

проф. С.М. Джакупова был открыт Психологический центр.

Мухан Атенович был неперенным участником всех событий на кафедре. Он быстро осваивался в этой благодатной среде, душой и сердцем впитывал новинки отечественной и зарубежной психологии и психофизиологии. Ему было интересно все: психология, психофизиология, зоопсихология, отечественная психология. Однако приобретенный жизненный опыт, цельный, аналитический разум, здоровая амбициозность подсказывали ему, что необходимо сосредоточиться на крупных и перспективных научных психологических проблемах, изучаемых сотрудниками факультета, которым он доверял как авторитетным ученым. Для молодого ученого определяющим фактором стало влияние С.М. Джакупова, под руководством которого Мухан Атенович пишет и успешно защищает в 2010 г. диссертацию на тему “Тұлға қасиеттері мен психикалық процестердің байланысы” и получает степень доктора психологических наук в диссертате при КазНУ им. аль-Фараби. Диссертация посвящена взаимосвязи типа функциональной асимметрии мозга с типологией личности, на основе которой предложена модель психики, зависящая от доминирования левого или правого полушарий мозга.

М.А. Перленбетов, знающий “тернии” научного пути не понаслышке, требовательно, но с “отцовской заботой” начинает готовить целую плеяду психологических кадров. Под его руководством защитили диссертации и получили звание магистров, кандидатов наук и PhD по психологии более 20 казахстанских специалистов. Ученики Мухана Атеновича отмечают его неординарный ум, широту мышления, способность будить мысли и оформлять их в научное произведение. Параллельно он работает проректором Академии Кайнар, ведет интересные и содержательные лекции, которые долго остаются в памяти его студентов.

Профессор М.А. Перленбетов является автором более 150 научных трудов республиканского и международного уровня, в том числе статей, вошедших в наукометрические базы Томпсон Рейтерс-5, Скопус-9, и семи авторских свидетельств и патентов на научные и прикладные изобретения.

Родители научили Мухана Атеновича любить свой край, уважать старших и людей труда, он обладает удивительной способностью видеть одаренных детей и поддерживать их начинания. На сегодняшний день его любовь к родному Жуалинскому району и трепетное отношение к школе, в которой он учился, не ослабевают. Из собственных средств профессора трем одаренным ученикам

Диханской сельской школы, в основном из нуждающихся семей, ежемесячно выплачиваются стипендии. Мухан Атенович активно участвует в акции “подготовка к школе”, по личной инициативе поощряет ценными призами школьников с. Дихан, победителей олимпиад, конкурсов различного уровня, является членом попечительского совета своей родной школы.

В 2017 г. М.А. Перленбетова удостоили заслуженного звания “Почетный гражданин Жуалинского района Жамбылской области”.

Оптимизм и жизнелюбие, заложенные родителями, Мухан Атенович несет через всю свою яркую жизнь. С охотой принимает участие в дружеских компаниях, которые превращаются в место самовыражения каждого из присутствующих, где уместны шутки и песня. Все сказанное не означает, что М.А. Перленбетов в молодости и зрелом возрасте был идеальным человеком. Совсем нет. Он допускает ошибки, свойственные всем людям, но умеет “держат удары судьбы”, проявляет оптимизм, признает и исправляет свои промахи, устойчив в главных принципах. Такие качества души и характера Мухана Атеновича стали основой объединяющего начала людей вокруг него, придерживающихся этих же норм, готовых в трудную минуту прийти на помощь друг другу, любящих научную и практическую психологию, свою Родину.

Для кропотливого и пытливого исследователя, каким является Мухан Атенович, наступало непростое время преодоления противоречий своего мировоззрения. Он все больше задумывался над развитием отечественной психологии с “казахским лицом”. В 2015 г. по инициативе почетного академика НАН РК К.Б. Жарыкбаева было создано Республиканское общественное объединение “Казахское психологическое общество” (КПО), объединившее ученых и специалистов в области педагогики и психологии для решения социальных проблем в Казахстане. Важно отметить, что М.А. Перленбетов единогласно был избран президентом данного общества, и до сегодняшнего дня эта работа является для него едва ли не самым важным делом творческой биографии.

Со дня основания КПО были установлены партнерские отношения с Российским психологическим обществом (РПО), с Международной академией психологических наук (МАПН). 5 октября 2017 г. в г. Казани на Всероссийском форуме психологов был подписан Меморандум о сотрудничестве между РПО и КПО. Меморандум подписали Президент РПО, д.психол.н., проф., академик РАО, декан факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.П. Зинченко и проф.

М.А. Перленбетов. 2–5 июля 2019 г. Мухан Атеневич участвовал в работе XVI Европейского конгресса психологов в Москве, вел переговоры о вступлении КПО в зарубежные психологические сообщества и организации.

Будучи талантливым руководителем, Мухан Атеневич в отношениях с членами РОО умело сочетает принцип предоставления широкой исследовательской самостоятельности с жестким контролем за результатами научного поиска. “Творческий процесс безграничен”, эту известную аксиому профессор прекрасно понимает, однако каждый сотрудник знает, что, как минимум, один раз в месяц он должен будет подробно отчитаться перед президентом КПО о проделанной работе и дальнейших планах.

Широта научного кругозора и богатый опыт М.А. Перленбетова в настоящее время значимы

не только для РОО “Казахское психологическое общество” и Академии Кайнар, но и для многих психологических объединений, образовательных учреждений высшего образования Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Мухан Атеневич является координатором и экспертом ряда научно-практических программ, организатором научных симпозиумов и школ для практических психологов.

Доброжелательность, высокая ответственность, эрудиция и профессионализм, сочетающиеся с природной скромностью и интеллигентностью, — вот те черты, которые всегда отличают М.А. Перленбетова.

С юбилеем, дорогой Мухан Атеневич! Крепкого Вам здоровья, новых творческих успехов и дальнейшей плодотворной работы!

ВОЛОВИКОВА МАРГАРИТА ИОСИФОВНА

12 июля 2021 г. ушла из жизни Маргарита Иосифовна Воловикова — один из старейших сотрудников Института психологии РАН (АН СССР).

Маргарита Иосифовна родилась 12 апреля 1947 г., в 1971 г. закончила философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работала в Институте психологии с марта 1972 г., сначала на должности референта директора, потом — на различных научных должностях. Вся профессиональная жизнь Маргариты Иосифовны не просто связана с Институтом, но и проходила в одном научном подразделении. Менялись названия сектора и лаборатории, но М.И. Воловикова неизменно оставалась верна научной традиции и людям, с которыми работала.

В 1981 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему “Познавательная мотивация в процессе решения мыслительных задач”. Научным руководителем выступил А.В. Брушлинский, ставший впоследствии директором Института психологии. Маргарита Иосифовна всегда гордилась, что она ученица А.В. Брушлинского.

Начиная с 1987 г. М.И. Воловикова совмещала научную работу с научно-организационной, став заместителем заведующего лабораторией психологии личности. В 2005 г. она успешно защитила докторскую диссертацию на тему “Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете”. В 2010 г. Маргарита Иосифовна стала заведующей лабораторией психологии личности

и руководила ей до 2015 г., до конца своих дней оставаясь главным научным сотрудником подразделения, его душой, объединяя вокруг себя как маститых ученых, так и тех, кто только начинал свой путь в науке.

В начале 2000-х годов Маргарита Иосифовна активно включилась в новую для себя административную деятельность — стала главным редактором первого официального сайта ИП РАН. Эту работу, как и любые другие свои дела, М.И. Воловикова воспринимала чрезвычайно лично: самостоятельно делала фотографии с мероприятий для размещения на сайте, активно просила сотрудников предоставлять материалы.

Сфера научных интересов Маргариты Иосифовны была разнообразной. За годы работы она опубликовала почти 200 статей.

Первые публикации, вышедшие во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов, были посвящены психологии мышления и напрямую связаны с темой кандидатской диссертации. Часть из них была выполнена в соавторстве с научным руководителем. К 1980-м годам относятся первые публикации Маргариты Иосифовны, в которых затрагиваются проблемы морального развития, в основном на данном этапе ею исследуется взаимосвязь морального и интеллектуального развития и преимущественно у детей. Однако уже в этих публикациях начинает проявляться тема, которая буквально захватила Маргариту Иосифовну, — вопросы

морали, нравственности, духовности в их психологическом аспекте.

В 1990-х годах, когда наша страна искала новые основания своего существования, духовный поиск был как никогда актуален и нашел свое отражение в том числе в научном творчестве М.И. Воловиковой. Она принимает участие в исследовании психологических последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Причем лично ее публикации по этой теме посвящены судьбам конкретных людей, переживших катастрофу. В качестве одного из ответственных редакторов она выступает в ряде сборников, посвященных российскому менталитету, которые отражали научный, общественный и духовный поиск тех лет. В 1997 г. выходит публикация, посвященная представлениям о порядочном человеке — теме, которая впоследствии ляжет в основу ее докторской диссертации. В это же время под руководством М.И. Воловиковой начинаются исследования психологии праздника (ее монография на эту тему вышла в 2003 г.).

После защиты докторской диссертации начинается самый продуктивный период творчества Маргариты Иосифовны. К периоду после 2005 г. относится почти три четверти ее публикаций: именно тогда выходят статьи, обосновывающие нравственную психологию как отдельное направление; ряд публикаций посвящен нравственному идеалу и его реализации в конкретных людях. В 2016 г. вышла в свет монография, посвященная представлениям о совести в российском менталитете, в которой Маргарита Иосифовна была первым соавтором.

Это издание вызвало заметный отклик в российском психологическом сообществе.

В 2010-х годах М.И. Воловикова выступает ответственным редактором ряда сборников, посвященных духовно-нравственной психологии. В этот же период Маргарита Иосифовна, не оставляя других тем, обращается к проблемам истории психологии, а точнее, истории своей родной лаборатории. Ею был проведен глубокий и очень личный анализ исследований, которые проводились в лаборатории. В этих и других работах Маргарита Иосифовна показывала себя как чрезвычайно эрудированный специалист. Отдельная серия работ была посвящена сотрудникам лаборатории, ушедшим из жизни. Одна из последних статей М.И. Воловиковой называется “Лаборатория психологии личности ИП РАН в 1990-е годы и судьбы академической науки”. Ее собственная судьба была неразрывно связана с Институтом, с лабораторией, с коллегами. Многие сотрудники Института вспоминают, что всегда могли обратиться к М.И. Воловиковой с какой-либо просьбой, что она была удивительно порядочным, мягким, прощающим человеком.

Представляется, что творческое наследие М.И. Воловиковой должно стать предметом отдельных исследований. В нем сокрыто очень много интересных и перспективных тем.

Коллектив Института психологии, редакция “Психологического журнала” выражают глубокие соболезнования родным и близким Маргариты Иосифовны.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

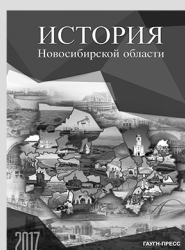
- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

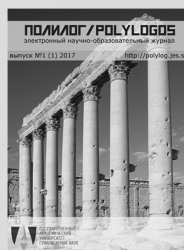
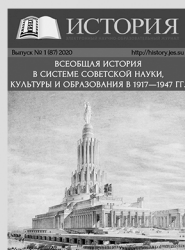
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Психология

МАГИСТРАТУРА

Психология личности Психологическое консультирование

АСПИРАНТУРА

Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).